

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Олонецкая ул., № 27

1902

ОТДѢЛЪ I.

Русскіе крестьяне Олонецкой губерніи.

(Очеркъ).

Всѣ отзывы лицъ, производившихъ этнографическія наблюденія въ Олонецкой губерніи, какъ, напримѣръ, Рыбникова, Гильфердинга, сводятся къ тому, что Олонецкіе крестьяне—народъ закаленный въ борьбѣ съ суровою природою, энергичный, предприимчивый, не лишенный сознанія собственного достоинства и одаренный поэтическою воспримчивостію. «Народа доброе, честное и более одареннаго умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ», замѣчаетъ Гильфердингъ.

Вдали отъ крѣпостного рабства, которое не коснулось большей части губерніи, народъ чувствовалъ себя сравнительно свободнымъ и въ немъ никогда не терялось стремленіе къ высшимъ идеаламъ. Поэтому-то Олонецкая губернія и является настоящей сокровищницей русскаго народнаго эпоса, исчезнушаго въ средней полосѣ Россіи.

Страннымъ можетъ показаться, что мѣстность, лежащая такъ близко къ Петербургу, есть главная хранительница обильной эпической старины. Справившись со свѣдѣніями о природѣ и бытовыхъ условіяхъ Олонецкой губерніи, мы убѣдимся, что нелегко было проникнуть сюда цивилизаціи и вообще виѣшнимъ вліяніямъ, намѣняющимъ условія народной жизни. Гильфердингъ говоритъ о природѣ этого края слѣдующее: «Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что здѣсь крестьянинъ обладаетъ большимъ водоемомъ, въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ, но дальше—къ сѣверу и востоку—вы видите только лѣсъ, болота, опять лѣсъ и озера, служація для сообщенія между деревнями». Есть глухіе уголки, напримѣръ дер. Кулоконда, на сѣверѣ Пудожскаго уѣзда, которая всю зиму отрѣзана отъ сосѣдей, а зима здѣсь составляетъ большую часть года. Только величайшая необходимость, напримѣръ, чья-нибудь болѣзнь, заставляетъ крестьянъ этой деревни ѣхать

за священникомъ и такимъ образомъ прокладывать дорогу изъ ближайшее село, верстъ за 30. Неудивительно поэтому, что 15-лѣтній мальчикъ-пастухъ, вызванный судомъ (сессія окружного суда 1896 г.), въ качествѣ свидѣтеля, не могъ объяснить, какой онъ вѣры, и на вопросъ: бывалъ ли когда-нибудь въ церкви? заявилъ, что не помнитъ, когда былъ въ церкви, и никогда не говѣлъ и не приобщался Св. Таинъ.

На Водлозерѣ деревни, расположенныя на островахъ, осенью и весной тоже вполне отрѣзаны отъ окружающихъ деревень. Понятно, что при такихъ условіяхъ крестьяне должны обходиться тѣми предметами, которыми такъ скудно снабжаетъ ихъ суровая природа. Ни луку, ни капустѣ, ни огурцовъ крестьяне не имѣютъ. Переработанный овесъ, картофель, моченныя ягоды (брусника, куманика и морошка)—вотъ главная ихъ пища. Народъ остался здѣсь вполне самобытнымъ и сохранилъ вѣрность старинѣ, имѣя во всемъ свой особый отпечатокъ. Всякаго новаго челоука довольно поразить особенностью здѣшнихъ деревень: изба, большею частью въ два этажа, стоитъ одна на-юру. Возлѣ не видно никакихъ хозяйственныхъ построекъ, и только гдѣ-нибудь въ сторонѣ стоитъ рига и иногда сѣнной сарай. Исключеніе составляютъ усадьбы богатыхъ крестьянъ, у которыхъ большею частью имѣются чисто помѣщичьи постройки. Въ верхнемъ этажѣ крестьянской избы живутъ хозяева, а въ нижнемъ помѣщается скотъ; подобное устройство домовъ имѣетъ цѣлью сохранить тепло въ жилищѣ помѣщенія. Но, если неприхотлива вѣшняя обстановка крестьянъ, зато сколько роскоши и красоты встрѣчаемъ мы въ костюмѣ женщины! Штофный или шелковый сарафанъ, отдѣланный позументомъ, тонкая бѣлая рубашка съ пышными рукавами, парчевая душегрѣйка, съ густыми сборками вазади, масса бусъ на шеѣ и ленты въ косѣ. Главный интересъ представляетъ головной уборъ Пудожской крестьянки: онъ состоитъ изъ «короны», родъ кокошника, вышитого жемчугомъ и блестящими камнями; корона завязывается сзади большимъ бантомъ; спереди на самый лобъ надѣвается «поднизъ» — плетеная изъ бѣлаго конского волоса и унизанная жемчугомъ полоса, шириною въ три вершка, и изогнутая въ видѣ трехъ круглыхъ зубцовъ. Жемчугъ для этого убора берется мѣстный, цѣна котораго колеблется отъ 4-хъ до 8-ми рублей золотникъ. Въ холодное время сверху душегрѣйки надѣвается еще короткая шубка, тоже штофная съ большими, въ видѣ пелеринъ, воротникомъ изъ кунаго или лисьего мѣха. Этотъ красивый костюмъ передается отъ матери къ дочери и т. д. Надѣвается онъ только въ торжественныхъ случаяхъ: на праздники, на выходъ въ церковь, на ярмарку, на гулянье. Одежда мужчинъ ничѣмъ не отличается отъ одежды крестьянъ средней полосы Россіи. Разницу составляетъ только шапка: зимою она носится изъ оленьяго мѣха, съ наушниками, лѣтомъ замѣ-

няется полотнянымъ головнымъ уборомъ, плотно обхватывающимъ голову и оставляющимъ свободною только небольшую часть лица. Этотъ уборъ, называемый «кукель», надѣвается во время лѣсныхъ и полевыхъ работъ, для защиты отъ укусовъ комаровъ, оводовъ и мелкой мошки, которой здѣсь носятъ цѣлыя тучи. Въ обыкновенное время и въ праздники этотъ уборъ замѣняется картузомъ. Въ общемъ типъ крестьянъ Олонецкой губерніи некрасивый: мужчины низкорослы, коренасты, женщины не превосходятъ ихъ въ физическомъ развитіи и по силѣ иногда поспорятъ съ ними, быть можетъ поэтому онѣ исполняютъ всѣ полевые работы наравнѣ съ мужчинами—пашутъ, боронятъ, рубятъ дрова. Здѣсь боронятъ не такъ, какъ въ средней Россіи, гдѣ работники идутъ за бороной; здѣсь работникъ или работница сидитъ на лошади бокомъ и управляетъ ею. Зато охота является специальнымъ занятіемъ мужчинъ; для нѣкоторыхъ изъ нихъ она служитъ единственнымъ средствомъ къ жизни. Олонецкіе охотники—всѣ искусные стрѣлки. Стрѣляютъ самодѣльною дробью и пулей, которая сама отливаютъ изъ свинца. Охотятся не только на птицу, которой здѣсь масса: дикія утки всѣхъ породъ (бываютъ даже бѣлыя), лебеди, гагары, дикіе гуси—по озерамъ, мошники, тетерева, куропатки (бѣлыя), рябчики—по лѣсамъ, крошнень, дупель, бекасъ, гаршнепъ, вальдшнепъ—по лугамъ и болотамъ, но и на звѣря: медвѣдя, лося, оленя; волковъ и лисицъ нѣтъ, но водятся еще мелкій пушной звѣрь, какъ напримѣръ: горностаи, куница, выдра, норка и бѣлка. Большую услугу оказываетъ охотнику собака особой мѣстной породы, подъ названіемъ «лайка». Это средней величины собака, длинношерстая, съ острой мордой, короткими стоячими ушами; она бываетъ различной масти. Крестьяне очень дорожатъ своими собаками, особенно тѣми, которые лаютъ и по звѣрю, и по птицѣ, что рѣдко соединяется въ одной собакѣ. На медвѣдя они охотятся съ необыкновенной смѣлостью: бываетъ, что охотникъ съ простымъ ружьемъ и въ сопровожденіи одной только собаки выходитъ на медвѣдя. Впрочемъ, чаще охотятся нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ. Зимомъ окружаютъ звѣря въ берлогѣ, а лѣтомъ или подкарауливаютъ его на овсѣ, или приманиваютъ на пададь. Въ обоихъ случаяхъ стрѣляютъ съ приготовленнаго заранѣе «лабаза». Лабазъ устраивается въ видѣ высокихъ нѣръ, аршина на три надъ землею; на колья кладутся доски, сверху настилается сѣно и на него ложатся охотники. Лабазъ скрывается между деревьевъ.

Въ деревняхъ по озерамъ и рѣкамъ распространенъ рыбный промыселъ: ловятся лосось, палья, сига, семга и другія рыбы. Рыба эта большею частью отправляется въ Петербургъ; часть ея солится, сушится и составляетъ главное продовольствіе мѣстнаго населенія. Кустарныхъ промысловъ не существуетъ; въ нѣкоторыхъ школахъ (Нигижемская, Пудожская гѣзда) дѣтей обучаютъ токарному и столярному ремесламъ.

Олонецкая молодежь—дѣвушки дѣломъ заняты въ полѣ, а зимою изготовляютъ пряжу и холсты себѣ въ приданое. Для пряденія подружки собираются вмѣстѣ въ чью-нибудь избу и проводятъ время за работой въ пѣсняхъ и разговорахъ. На этихъ собраніяхъ, называемыхъ «бесѣдами», парней на нихъ не бываетъ; дѣвушки собираются днемъ и расходятся рано. Зато по праздникамъ бесѣды носятъ совсѣмъ другой характеръ: являются парни, приносятъ съ собою угощеніе и гармонику, и долго за полночь продолжаются пѣсни и пляска. Танцуютъ какой-то особенный танецъ съ такимъ множествомъ разнообразныхъ и мудреныхъ фигуръ, что сразу запомнить его нѣтъ возможности. Говорятъ, молодежь учится ему съ дѣтства. На бесѣдахъ молодымъ людямъ предоставляется полная свобода дѣйствій, и они пользуются ею вполне, но не всегда благоправно. Парень выбираетъ себѣ дѣвушку, съ которой сидитъ цѣлый вечеръ, и отъ него уже зависитъ позволять ей танцевать съ тѣмъ или другимъ или запретить. Нерѣдко изъ-за этого происходятъ сцены, въ которыхъ больше всего достается дѣвушкамъ: на ней обрываютъ платье, бьютъ ее, таскаютъ за косу, а остальные равнодушно смотрятъ и считаютъ это въ порядкѣ вещей. Часто замышляются драки между подпившими «кавалерами» и тогда дѣвушки спасаются кто куда можетъ. Несмотря на безразличность этихъ «вечорекъ», имъ оказывается поддержка со стороны стариковъ, которые полагаютъ, что безъ этого дѣвушкѣ не выйти замужъ. Дѣйствительно, на «вечоркахъ» нерѣдко рѣшается судьба дѣвушки. Если она понравилась парню, онъ выбираетъ ее въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ подъ радъ и затѣмъ засылаетъ сватовъ къ родителямъ. По большей части и невеста, и ея родные знаютъ отъ кого и когда будутъ сваты. Для этого дня заготавливается вино (водка) и овсяный кисель. Когда пріѣзжаютъ сваты, родители прячутъ невесту за печку, а сами высказываютъ притворное недоумѣніе и даже неудовольствіе и, поломавшись вдоволь, приступаютъ къ дѣлу. Разговоръ ведется «шепоткомъ», причемъ угощаются водкой. По мѣрѣ того, какъ вино начинаетъ оказывать свое дѣйствіе, голоса повышаются и обѣ стороны входятъ въ азартъ. Сваты говорятъ, что у нихъ есть купецъ на товаръ, вмѣющійся у родителей, что имъ поручено приторговать этотъ товаръ и т. д. Торгъ начинается съ копѣекъ и доходитъ иногда до 50 р., но это рѣдко—обыкновенная цѣна 15—20 р. Когда торгъ конченъ, ударяютъ по рукамъ. Старшій сватъ беретъ полу своего кафтана, подъ которую кладетъ руку отецъ невесты, а сватъ сверху ударяетъ рукой; тогда дѣло считается оконченнымъ. Свату подносятъ блюдо, на которое онъ высыпаетъ деньги. Поэтому весь обрядъ сватанья называется «блюдо». Послѣ этого, отецъ разводитъ огонь подъ очагомъ, мать раздуваетъ уголекъ и отъ него отецъ зажигаетъ свѣчу, ставитъ передъ образомъ и всѣ молятся. Потомъ вызываютъ

дочь, она проситъ, чтобы женихъ самъ пріѣхалъ и по формѣ просилъ ее у родителей. Сваты послѣ обильнаго угощенія киселемъ уѣзжаютъ. На другой день невѣста собираетъ къ себѣ всѣхъ родственниковъ, подругъ и знакомыхъ не «заплачку»; пріѣзжаетъ и женихъ со сватами и родными и привозитъ водку и пиво. Всѣ гости размѣщаются по старшинству: родители жениха и невѣсты подъ образами, за ними сидитъ «большушка» — старшая, послѣ матери, женщина въ домѣ, за нею почетные родственники и гости, затѣмъ «крестовушки» и подруги. «Крестовушками» называются ближайшія подруги невѣсты, съ которыми она обмѣнялась крестами. Со дня «заплачки» и до самой свадьбы на долю невѣсты выпадаетъ трудная роль: ей приходится на распѣвъ говорить длиннѣйшіе монологи и дѣлать видъ, что ей очень тяжело разстаться съ дѣвичьей волей. Впрочемъ, дѣвушки съ дѣтства подготовлены къ этой роли: мнѣ случалось встрѣчать 9-ти лѣтнихъ дѣвочекъ, которыя со всѣми жестами умѣли произносить всѣ свадебныя пѣсни и выучились имъ со словъ матери. Если же дѣвушка плохо знаетъ причитанья, то ей помогаетъ пожилая «подголосица». Въ началѣ «заплачки» невѣста сидитъ за печкой на коробейкѣ со своимъ приданымъ, потомъ выходитъ изъ-за печки, молится предъ образомъ и начинаетъ:

Боже, Господи, благослови,
Бѣлой лебеди загуркати,
Красной дѣвушкѣ заплакати и т. д.

Если дѣвушка сирота и выдаютъ ее родственники или воспитатели, то, вмѣсто обращенія къ родителямъ, послѣ словъ: «тамъ слезно ли Богу молятся», слѣдуютъ слова:

Еще всѣ ли есть святители
Во собраньицѣ родители?
При слезномъ ли богомольицѣ,
При крѣпкомъ ли рукобильицѣ,
Сама знаю, сама вѣдаю,
Самой можно догадаться,
Нѣту набольша святителя,
Пресвятой да Богородицы.
Еще нѣтъ у красной дѣвушки
Нѣтъ родитель моей матушки!
При слезномъ ли богомольицѣ,
При крѣпкомъ ли рукобильицѣ,
Еще гдѣ есть у дѣвушки,
Гдѣ кормилецъ—родной батюшка?
Гдѣ родительница матушка,

Тепла права моя пазушка,
Ночная да богомольница,
Денная моя защитница?

Многія дѣвушки до того увлекаются своею ролью, что на заплачѣхъ гонятся до обморока. Кончается заплачка угощеніемъ. со стороны жениха — виномъ, со стороны невѣсты — конфетами, пряниками и домашними лакомствами. На слѣдующее утро невѣста проситъ у отца лошадей, приглашаетъ «крестовушекъ» и съ ними вмѣстѣ объѣзжаетъ всѣхъ родныхъ и крестныхъ родителей. Въ каждомъ домѣ невѣста произноситъ соотвѣтствующее причитанье и, влянаясь въ ноги, приглашаетъ на свадьбу. Дѣвушка сирота заѣзжаетъ на могилы родителей и надъ ними произноситъ длинное причитанье и плачетъ чуть не до обморока. Все время невѣста должна дѣлать видъ, что ей очень тяжело выходить замужъ и поэтому одѣвается въ самыя старыя поношенныя одежды, которыя называются «рибуши». Этотъ обычай предсвадебныхъ визитовъ называется «ѣзда съ доброфтомъ». Каждый ного посѣтитъ невѣста долженъ ей приготовить хоть небольшой подарокъ: потому невѣстѣ очень выгодно, если у нея много родныхъ. Подруги невѣсты, въ противоположность ей, одѣты въ свои лучшіе костюмы и должны выказать самое веселое настроеніе. Все время поются пѣсни, изъ которыхъ самая популярная слѣдующая:

Красота-ли моя красота.
Красота ли моя дѣвичья.
Я возьму ли свою красоту,
Я возьму ли свою дѣвичью
На свои ли ручки бѣлыя,
На свои перстни злаченные.
Отнесу я свою красоту
Не подалече въ чисто поле.
Я кладу ли свою красоту,
Я кладу ли свою дѣвичью
И на землю, на талую,
На траву я на шелковую.
Отойду я прочь, послушаю,
Что не плачетъ ли красота моя.
Вотъ не тужить ли, да дѣвичья.
Вотъ по улицѣ суземьской
Мужики шли деревенскіе,
На красу ли разглядѣлися,
На красу ли любовались,

На красоту дивовалися.

Еще чья-то это красота?

Еще чья-то это дѣвичья.

Въ день вѣчанія, утромъ, невѣста, просыпаясь, садится на постель, начинаетъ причитать и плакать, а затѣмъ рассказываетъ сонъ, будто бы видѣнный ею. Все это причитанье изложено въ видѣ пѣсни. Затѣмъ, собираются подружки, чтобы вести невѣсту въ баню, гдѣ будетъ происходить обрядъ «отнятія воли». Почему-то существуетъ повѣрье, что воля дѣвушки сосредоточена въ косѣ. Поэтому невѣста всѣми усиліями старается воспрепятствовать расплетанію косы; она перевиваетъ ее многочисленными веревочками, ленточками, втыкаетъ булавки, даже перевиваетъ проволокой. Конечно, ничто не помогаетъ: въ банѣ подружки набрасываются на нее и, исколовши себѣ руки и выдержавъ массу волосъ у невѣсты, все-таки расплетаютъ косу. Тутъ начинаются нескончаемыя жалоба на насиліе и пѣсни про «бажону волюшку». Изъ бани невѣсту приводятъ домой, чтобы одѣть въ вѣнцу. Здѣсь опять строго соблюдается правило не выказывать радости по поводу свадьбы, и невѣста, со слезами, облачается въ «рибуши» и только лицо покрываетъ густой кисейной фатой. Когда нарядъ невѣсты законченъ, родители благословляютъ ее въ переднемъ углу, наставляютъ, какъ угождать мужу и выслушиваютъ ее благодарность и сожалѣніе по случаю разставанія. По пріѣздѣ изъ церкви, родители невѣсты встрѣчаютъ молодыхъ у порога, ведутъ ихъ къ столу и сажаютъ подъ образами. Являются гости и по старшинству разсаживаются вокругъ стола. Дѣвушекъ на этомъ вечерѣ не бываетъ. Пируютъ далеко за полночь и только такая свадьба считается удачной, когда половина гостей очутится подъ столомъ отъ опьяненія. Въ ближайшій праздникъ послѣ свадьбы молодые катаются. Тутъ уже оба супруга разодѣты въ свои лучшіе костюмы и возсѣдаютъ на цѣлой грудѣ подушекъ, одѣяль и ковровъ, чтобы показать какое приданое у невѣсты. По дорогѣ, они низко кланяются всѣмъ встрѣчнымъ. Этимъ катаньемъ заканчиваются свадебныя празднества и начинается для молодухи обыденная жизнь, съ ея мелкими заботами по хозяйству, тяжелыми работами въ полѣ и рабскимъ подчиненіемъ мужу, свекору и свекрови. Для женщины съ ея замужествомъ кончается ея личная жизнь. Единственнымъ удовольствіемъ служить гулянье на ярмаркѣ и масляничное катанье, въ которомъ она участвуетъ вмѣстѣ со всей семьей. Остальное время она работаетъ наравнѣ съ мужемъ, и если является самою младшею женщиною въ домѣ, то несетъ на себѣ бремя и всѣхъ домашнихъ черныхъ работъ. Поэтому весьма понятно, что въ пѣняхъ, гдѣ отражается жизнь народа и его обычаи, проскальзываетъ горькая нотка и слышится жалоба на судьбу замужней женщины.

Въ заключеніе нужно прибавить, что въ Оловеской губерніи кромѣ «семейныхъ пѣсенъ» сохранился и другой видъ народнаго эпоса—былины, но говорить объ нихъ не буду, такъ какъ труды Рыбникова и Гильфердинга какъ нельзя лучше познакомили съ ними русскую читающую публику. Какъ исполненіе семейныхъ пѣсенъ выпало на долю женщинъ, такъ «сказителями» былины являются преимущественно мужчины.

Елисавета Дмитровская.

Розга въ дѣятельности одного волостного суда (1862—1895 гг.).

За періодъ времени съ 1862 по 1895 годъ въ Письменскомъ волостномъ судѣ Буйскаго уѣзда, Костромской губерніи, рѣшено было 1562 дѣла. Изъ нихъ дѣлъ, окончившихся присужденіемъ какихъ-либо наказаній, было 455, а дѣлъ, по которымъ присуждено тѣлесное наказаніе,—145. Такимъ образомъ, розга фигурировала въ судѣ болѣе, чѣмъ въ 9⁰/о всего количества разобранныхъ дѣлъ, а въ ряду другихъ наказаній составляла болѣе 32⁰/о общаго числа. Слѣдовательно, чуть не одно изъ трехъ дѣлъ, по которымъ волостной судъ выносилъ наказаніе, кончалось обыкновенно розгами. За указанный промежутокъ времени это постыдное наказаніе было присуждено 177 лицамъ, изъ коихъ только для 9 человекъ было отпущено или Уѣзднымъ Присутствіемъ, или Всемилостивѣйшимъ манифестомъ, или земскимъ начальникомъ, или Уѣзднымъ Съѣздомъ, или, наконецъ, было прощено обидимымъ уже послѣ судебнаго рѣшенія. Значить, за 34 года свободной крестьянской жизни розга «гуляла» на этой волости по спинамъ 169-ти взрослыхъ людей. Ея отношеніе къ общему количеству дѣлъ каждаго года и къ количеству дѣлъ, окончившихся присужденіемъ наказанія вообще, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Общее число дѣлъ.	Число дѣлъ съ наказаніями.	Число дѣлъ съ тѣлесными наказаніями.	Число лицъ, присужденныхъ къ тѣл. наказаніямъ.	Годы.	Общее число дѣлъ.	Число дѣлъ съ наказаніями.	Число дѣлъ съ тѣлесными наказаніями.	Число лицъ, присужденныхъ къ тѣл. наказаніямъ.
1862	7	4	1	1	1868	1	1	1	2
1863	7	3	3	3	1869	2	1	1	1
1864	5	2	1	1	1870	7	4	3	3
1865	7	3	3	3	1871	17	16	12	13
1866	—	—	—	—	1872	10	8	6	6
1867	1	1	1	1	1873	11	8	6	18

Годы.	Общее число дѣлъ.	Число дѣлъ съ наказаніями.	Число дѣлъ съ тѣлесными наказаніями.	Число лицъ, присужденныхъ къ тѣмъ наказаніямъ.	Годы.	Общее число дѣлъ.	Число дѣлъ съ наказаніями.	Число дѣлъ съ тѣлесными наказаніями.	Число лицъ, присужденныхъ къ тѣмъ наказаніямъ.
1874	5	4	4	4	1885	70	24	11	11
1875	3	2	2	1	1886	37	8	5	7
1876	19	9	5	6	1887	71	26	7	7
1877	20	9	4	5	1888	49	15	3	4
1878	59	27	8	11	1889	54	12	5	5
1879	37	22	7	7	1890	68	26	8	10
1880	23	12	6	7	1891	92	22	2	2
1881	36	9	3	4	1892	149	17	1	1
1882	78	13	4	4	1893	95	22	3	4
1883	91	34	10	14	1894	152	34	2	3
1884	64	21	7	7	1895	215	36	1	1

Изъ этой таблицы видно, что тенденція къ присужденію розогъ была въ Письменскомъ волостномъ судѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ время было ближе къ крѣпостному праву, и что она въ особенности замѣтно ослабѣла, начиная только съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, на которые падаетъ также 8 изъ 9-ти вышеуказанныхъ случаевъ неприведенія судебныхъ рѣшеній въ исполненіе. Помимо общаго возвышенія чувства самосознанія и собственного достоинства въ крестьянствѣ, немалую причину этого сокращенія розги является здѣсь отрицательное отношеніе къ ней мѣстнаго земскаго начальника, почему въ послѣдніе годы Письменскій судъ, насколько намъ извѣстно, пересталъ совсѣмъ присуждать розги, зная, что, все одно, онѣ не получаютъ утвержденія свыше. Поэтому, если въ первые годы своего бытія судъ являлся иногда существующимъ какъ будто только для того, чтобы назначать провинившимся крестьянамъ розги, — такъ мало было въ немъ общее количество дѣлъ и такъ велико процентное отношеніе въ нихъ тѣлесныхъ наказаній, — то послѣдніе годы дѣятельности того же суда весьма значительнымъ увеличеніемъ судебныхъ дѣлъ вообще и постепеннымъ доведеніемъ въ нихъ до нуля употребленія розогъ доказываютъ возрастающее въ сильной степени правосознаніе населенія, для котораго розга становится уже печальнымъ пережиткомъ прошлаго.

Впрочемъ, у суда, какъ чисто судебного учрежденія, не было и ранѣе

особенно сильного тяготѣнія къ розгѣ: онъ практиковалъ ее въ значительномъ большинствѣ случаевъ тогда, когда являлся не столько судебною, сколько административно-карательною инстанціею. Поэтому изъ 177 лицъ, присужденныхъ къ тѣлесному наказанію, 80 человекъ, т. е. чуть не половина, были осуждены не за какіе-либо единичные проступки, а по представленіямъ различныхъ административныхъ лицъ, главнымъ образомъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, по преимуществу за неплатежъ недоимокъ, пьянство и нерадѣніе къ дому. Волостными старшинами было такимъ образомъ наказано розгами 30 человекъ, сельскими старостами — 47 и по донесенію становыхъ приставовъ и полицейскихъ урядниковъ о праздношатаельствѣ въ торговомъ селѣ Молиятинѣ — 3 человека. Къ недоимочности и нерадѣнію о хозяйствѣ въ одномъ изъ этихъ случаевъ прибавлена была, какъ отягчающая вину подробность, грубость старшинъ со стороны дочери недоимщика, которую онъ отдалъ за недоимку отца въ работницы и которая на это, едвали законное, распоряженіе ея личною отвѣтила, что она въ работницахъ жить не будетъ. Въ другомъ случаѣ по представленію сельского старосты былъ наказанъ 20 ударами розогъ одинъ крестьянинъ не за недоимку и пьянство, а за то, что онъ, какъ подтвердило все общество, имѣлъ обыкновеніе принимать слишкомъ живое участіе въ общественной жизни, — кричалъ и мѣшалъ на сельскихъ сходахъ. Оба эти случая въ особенности сильно отзываются административнымъ произволомъ, — можетъ быть, потому, что они были еще на-утрѣ крестьянской свободы: первый 7 іюля 1863 г. а второй 10 октября 1865 года.

Что судъ былъ щедрѣе на тѣлесныя наказанія по административнымъ доношеніямъ, чѣмъ по чисто судебнымъ дѣламъ, видно и изъ того, что высшую мѣру этого наказанія, 20 розогъ, онъ употреблялъ здѣсь чаще, чѣмъ въ дѣлахъ другого рода, и наказалъ ею изъ 80 человекъ 37 лицъ, тогда какъ въ дѣлахъ прочихъ примѣнилъ ее къ 40 лицамъ изъ 97 человекъ. Судомъ наблюдалось при этомъ въ употребленіи означенной мѣры наказанія нѣкоторая градація, — въ зависимости отъ значенія должностнаго лица, по представленіямъ котораго она назначалась. Такъ, изъ 30 человекъ, наказанныхъ розгами по доношенію волостныхъ старшинъ, получили по 20 розогъ 16 человекъ, — болѣе половины общаго числа, тогда какъ по представленіямъ сельскихъ старостъ 20-ю розгами наказаны были изъ 47 человекъ только 18 лицъ, — число уже значительно меньшее половины. Низшая же мѣра практиковавшагося въ судѣ тѣлеснаго наказанія, 5 розогъ, въ дѣлахъ этого рода совсѣмъ не употреблялась. И изъ остальнаго количества наказанныхъ по административнымъ представленіямъ лицъ 22 человека получили по 15 розогъ, 1 человекъ — 12 розогъ и 20 человекъ — по 10 розогъ.

Въ дѣлахъ же, въ собственномъ смыслѣ судебныхъ, розги назначались

больше всего за побой, такъ что за разсматриваемое 34-лѣтіе судебной дѣятельности Письменскаго суда онѣ были присуждены 52-мъ провинившимся въ этомъ отношеніи лицамъ. Изъ нихъ 8 человекъ были осуждены за побой женщинамъ. При этомъ только четвертая часть ихъ получила по 20 ударовъ, тогда какъ за побой мужчинамъ высшая мѣра наказанія была употреблена по отношенію къ 17-ти лицамъ изъ 46, т. е. болѣе чѣмъ для трети общаго числа. Последнее не значитъ однако, что во мнѣніи суда побой, нанесенные женщинамъ, являются менѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ побой, причиняемые мужчинамъ, такъ какъ обстоятельство это уравнивается тѣмъ, что за остальные проступки перваго раза были присуждены все-таки сравнительно высокія мѣры наказанія: четвертымъ было назначено по 15-ти розогъ и одному—12, между тѣмъ какъ за побой, нанесенные мужчинамъ, въ 14-ти случаяхъ было опредѣлено только по 10-ти розогъ. Правда, и за побой женщинъ было присуждено въ одномъ случаѣ только 5 ударовъ розги, но это потому, что обвиняемый чистосердечно сознался въ своемъ проступкѣ, что и было принято судомъ во вниманіе ¹⁾. Между тѣмъ вышеуказанныя 12 розогъ за оскорбленіе дѣйствіемъ женщины были назначены лицу, нанесшему побой не одной женщинѣ, но и ея мужу ²⁾; точно также двое, получившіе по 15-ти розогъ, избили не только женщину, но и сына ея ³⁾. Такимъ образомъ присутствіе, въ качествѣ потерпѣвшаго, мужчины являлось въ этихъ случаяхъ смягчающимъ вину обстоятельствомъ, тогда какъ, повидному, оно должно бы было усилить наказаніе, потому что самый проступокъ былъ совершенъ здѣсь противъ большаго количества лицъ. Но, очевидно, во мнѣніи суда драка между мужчинами является не такъ преступною для обидчика, какъ побой его женщинъ, такъ какъ драка эта почти всегда бываетъ до известной степени обоюдною. Если же и за побой, нанесенные мужчиною мужчинамъ, высшая мѣра тѣлеснаго наказанія все-таки примѣнялась судомъ въ довольно значительномъ количествѣ, то это происходило часто потому, что въ такихъ случаяхъ присоединялись къ главному проступку еще другія обстоятельства, которыя, собственно, и усиливали вину. Такъ, напримѣръ, увеличивающими вину обстоятельствами, какъ выразился въ одномъ своемъ рѣшеніи судъ ⁴⁾, служили разъ «тѣ орудія, которыми нанесены обвиняемыми побой, а именно кольца, которыми совершенно можно было нанести увѣчье и даже смерть». Въ другой разъ такимъ же увеличивающимъ вину обстоятельствомъ явилось то, что побой нанесены были въ «публичномъ мѣстѣ», на улицѣ ⁵⁾; въ третій,—что били двое одного ⁶⁾; въ четвертый,—что побой, хотя и легкіе, были засвидѣтельствованы врачомъ ⁷⁾,

¹⁾ 23 іюля 1878 г.; ²⁾ 14 февраля 1871 г. ³⁾ 13 мая 1871 г. ⁴⁾ 1880 г., дѣло № 20. ⁵⁾ 1880 г., № 17. ⁶⁾ Дѣло 28 августа 1877 г. ⁷⁾ 1884 г., № 46.

и дѣло такимъ образомъ уже выходило изъ своего, такъ сказать, семейно-волостного круга, в т. д.

Въ общей сложности, за тѣ и другіе побой розга была назначена въ слѣдующихъ размѣрахъ: по 20 ударовъ—19-ти лицамъ, по 15—17-ти, по 12—1-му, по 10—14-ти и по 5—одному лицу.

Третьимъ по количеству присужденныхъ къ тѣлесному наказанію лицъ проступкомъ является словесное оскорбленіе, за которое Письменскій судъ присудилъ въ продолженіе 34 лѣтъ своей жизни 13 человекъ, и между ними даже одну женщину, и даже послѣ 23 апрѣля 1863 года, когда послѣдовалъ Высочайшій указъ объ освобожденіи женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія. Это удивительное рѣшеніе, примѣровъ которому едва ли наберется много, было постановлено судомъ 15 августа 1863 года по отношенію къ крестьянкѣ деревни Толстикова, Елисаветѣ Ивановой, которая провинилась тѣмъ, что вмѣстѣ съ мужемъ обругала «гнусными словами» пѣтерыхъ дѣвицъ той же деревни. Мужа ея дѣвицы на судъ простили, а ее не пожелаали простить, и судъ присудилъ ей, какъ женщинѣ «характера сварливаго», 20 розогъ. Въ книгѣ судебныхъ рѣшеній нѣтъ слѣдовъ, чтобы это постановленіе было отмѣнено, и нужно думать, что оно было приведено въ исполненіе.

На оскорбленіе словами судъ вообще глядѣлъ неожиданно строго и, если уже присуждалъ за это тѣлесное наказаніе, то по большей части въ высшей его мѣрѣ, которая и была назначена имъ для 8-ми лицъ изъ 13-ти. Да и въ остальныхъ 5 случаяхъ этого рода количество опредѣляемыхъ розогъ было не незначительное: для 4-хъ лицъ по 15 ударовъ и для одного—13. Оскорбленіе женской и въ частности дѣвической чести здѣсь ставилось безусловно выше, чѣмъ мужской, и потому всѣ 4 случая подобныхъ оскорбленій были наказаны каждое по 20-ти розогъ. Изъ мужскихъ же оскорбленій этою мѣрою въ 2-хъ случаяхъ была оцѣнена словесная обида старшины, въ одномъ—оскорбленіе цѣловальника, тоже своего рода почтеннаго лица, и въ одномъ—клевета въ воровствѣ. Оскорбленіе волостного судьи и даже цѣлой деревни было наказано легче, чѣмъ обида кабатчика: только по 15 розогъ каждое, оскорбленіе же пономаря даже и того менѣе: лишь 13-ю ударами розги. Ниже этой послѣдней мѣры тѣлесное наказаніе за словесныя оскорбленія не назначалось.

Въ дѣлахъ семейнаго характера тѣлесное наказаніе было присуждено въ 11-ти случаяхъ, изъ которыхъ 8 касаются нарушенія дѣтьми долга почтенія предъ родителями и обязанности доставлять имъ пропитаніе въ старости. Въ четырехъ случаяхъ это непочтеніе было обнаружено по отношенію къ отцамъ и сопровождалось въ двухъ случаяхъ пьянствомъ, въ третьемъ—недачею пропитанія со стороны уже отдѣленнаго сына, и въ четвертомъ—

самовольнымъ отдѣломъ отъ отца. По приговору суда сынъ, жившій въ раздѣлѣ, кромѣ наказанія розгами, обязанъ былъ къ ежегодной выдачѣ на прокормъ отца 15 пудовъ ржаного хлѣба, а на самовольный отдѣлъ отъ отца судъ посмотрѣлъ такъ снисходительно, что не только не призналъ его недѣйствительнымъ, но и наказаніе за проступокъ положилъ сравнительно мягкое: именно 10 ударовъ розгами ¹⁾, тогда какъ три первыхъ проступка были наказаны по 20 ударовъ каждый. Очевидно, семейныя обстоятельства, которыя обыкновенно вызываютъ въ крестьянствѣ незаконныя съ формальной точки зрѣнія раздѣлы, были здѣсь приняты судомъ въ качествѣ смягчающаго вину обстоятельства.

Въ двухъ случаяхъ непочтительность къ матери была наказана розгами, и въ обоихъ лишь по 15-ти ударовъ. Только 15-ю розгами былъ наказанъ нѣкій непочтительный сынъ даже не за одно оскорбленіе словами матери, и еще за то, что обрубилъ у ней веревки на санихъ и ударилъ ея корову такъ сильно, что та выкинула ²⁾,—слѣдовательно совершилъ въ общей сложности три довольно значительныхъ проступка. На провинности этого рода по отношенію къ отцамъ взглядъ суда былъ такимъ образомъ нѣсколько строже.

Приняты въ домъ зятья, по жалобамъ тестя или тещи на ихъ неполадочную жизнь, были приговорены судомъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ и сыновья по жалобамъ родителей, въ двухъ случаяхъ: одномъ, по жалобѣ тестя, зятю назначено было 20 розогъ; въ другомъ, по жалобѣ тещи на то, что зять, пьянствуя, не кормитъ семейство,—15 розогъ.

Остальныя дѣла семейнаго характера, окончившіяся присужденіемъ розги, любопытны въ особенности потому, что въ нихъ карались этимъ строгимъ наказаніемъ проступки уже не сына, а отца и мужа. Судъ, слѣдовательно, считалъ значительнымъ преступленіемъ не только непочтительность къ отцу, матери и тестю или тещѣ, но также неисполненіе обязанностей отца къ своимъ дѣтямъ и мужа къ женѣ. Поэтому, напримѣръ, 7 октября 1871 года было назначено 15 розогъ крестьянину деревни Галкина, Елисейю Иванову, за стѣсненіе жены и дѣтей въ пропитаніи, а 20 февраля 1873 года за жестокое обращеніе съ женой, по жалобѣ ея, присуждено было 5 розогъ крестьянину Малаго Куданова, Гаврилу Андрееву. Точно также 19 сентября 1882 года мужа крестьянки деревни Рожнова, Александры Никитиной, заочно приговорили къ 20-ти ударамъ розги за побой ей и расточеніе имущества, такъ что этимъ и вышеуказанными рѣшеніями своими судъ вовсе не являлся выразителемъ мѣстнаго «обычнаго права», по которому мужъ можетъ «учить» свою жену, какъ ему захочется.

¹⁾ 20 августа 1889. ²⁾ 30 ноября 1892.

Тѣлесное наказаніе за кражу было присуждено 8-ми лицамъ. На это преступленіе судъ смотрѣлъ вообще не особенно строго, и потому изъ 8 чело-вѣкъ высшей мѣры наказанія подвергся только одинъ, уличенный въ кражѣ двухъ мѣшковъ хлѣба, произведенной имъ при приѣмѣ въ запасный магазинъ въ сообществѣ съ 7-ю другими лицами, изъ которыхъ розгами наказаны были еще трое, по 15 ударовъ каждый ¹⁾). Изъ остальныхъ случаевъ присужденія розги за кражу въ одномъ было назначено 15 розогъ и въ трехъ—по 10-ти; причемъ послѣдняя мѣра наказанія послѣдовала: за воровство корзины съ вещами на сумму въ 2 рубля, за кражу четырехъ мѣшковъ хлѣба и за похищеніе волка вмѣстѣ съ капканомъ, въ который тотъ попался.

Присвоеніе чужихъ вещей повело къ присужденію розги для двухъ лицъ, по 10 ударовъ каждому, причемъ въ одномъ случаѣ было, пожалуй, наказано болѣе неискusstво въ ремеслѣ, чѣмъ дѣйствительное присвоеніе чужой вещи. Это случилось по жалобѣ крестьянки деревни Бахмурова, Афиимы Алексѣевой, на портного, крестьянина деревни Малаго Куданова, Антропа Иванова, которому первая отдала 2 аршина сукна для шитья мужской чуйки. Антропъ Ивановъ сшилъ чуйку, но остатка отъ сукна не представилъ никакого, а между тѣмъ у крестьянки Авдотьи Степановой отъ такого же количества сукна остатокъ оказался, да и самая чуйка вышла просторнѣе. На судѣ обѣ чуйки были сравнены, и чуйка Афиимы Алексѣевой оказалась дѣйствительно короче и уже, чѣмъ у Авдотьи Степановой. Портной былъ долженъ поэтому уплатить истицѣ 1 рубль и подвергнуться кромѣ того тѣлесному наказанію ²⁾).

За порубку чужого лѣса было два раза присуждено тѣлесное наказаніе одному и тому же лицу,—въ одномъ случаѣ 20 розогъ, а въ другомъ—15, причемъ виновный кромѣ того обязанъ былъ возвратить владѣльцамъ стоимость срубленнаго лѣса.

Непочтеніе къ органамъ крестьянскаго самоуправленія вызвало тѣлесное наказаніе для двухъ лицъ: одинъ былъ наказанъ 15-ю разгами, по жалобѣ писаря, за то, что явился въ волостное правленіе пьянымъ, а другой получилъ 20 розогъ за то, что, обвиняемый въ присвоеніи чужихъ денегъ не только не сознавался въ этомъ, но и грубилъ суду.

Крѣпостныя преданія съ ихъ обильными наказаніями розгами по усмотрѣнію помѣщиковъ нашли отголосокъ въ судѣ въ двухъ случаяхъ: 7 мая 1862 года было присуждено, по приказанію мирового посредника, 20 розогъ крестьянину деревни Високова, Ивану Пантелѣеву, за неисполненіе издѣльной повинности помѣщицѣ Ивашинцевой и за грубости и непріятности ей, а 21 февраля 1867 года былъ приговоренъ къ тому же наказанію крестьянинъ деревни

¹⁾ 20 августа 1878. ²⁾ 27 мая 1879.

Сирона, Иванъ Григорьевъ, за то, что ночью отломилъ замокъ въ господскомъ домѣ г. Ивашинцевой, напугалъ ея экономку и ударилъ кухарку. Въ обоихъ, такимъ образомъ, случаяхъ непріятности г. Ивашинцевой оцѣнены были, по старой памяти, высшею мѣрою наказанія.

Высшею же мѣрою тѣлеснаго наказанія были наказаны два лица за своеобразное допущеніе мальчика къ развратному, по выраженію суда, поведенію. Это были крестьяне деревни Башкова, Михайло Алексѣевъ и Алексѣй Егоровъ. Сынъ перваго изъ нихъ учился въ Молвитинскомъ училищѣ, вѣроятно, на волостныя средства. Послѣ лѣта рѣшили отдать его въ училище опять и сшили ему новую сибирку. Но мальчику «бездна премудрости», видно, ужъ надѣла: онъ не захотѣлъ учиться и скрывался у Алексѣя Егорова (дѣдушки?). Судъ постановилъ сибирку у него отобрать, а отца и Алексѣя Егорова наказать по 20-ти ударовъ розгами: перваго — «за допущеніе сына къ развратному поведенію», а втораго — за поощреніе къ этому ¹⁾.

За буйство, выразившееся въ разбитіи стеколъ и ударахъ по чужимъ воротамъ жердью, былъ приговоренъ къ 20-ти розгамъ одинъ человѣкъ.

Наконецъ, розгами же было наказано одно преступленіе религіознаго характера: присуждено 15 ударовъ одному парню, по жалобѣ мѣстнаго причта, за безобразіе, учиненное имъ на колокольнѣ во время пасхальнаго гулянья.

Чаще всего, такимъ образомъ, тѣлесное наказаніе присуждалось изъ Письменскомъ судѣ въ дѣлахъ административнаго порядка, по представленіямъ своихъ же должностныхъ лицъ и по соображеніямъ собственно фискальнаго характера, въ которыхъ судъ, можетъ быть, являлся строгимъ, главнымъ образомъ потому, что въ этихъ дѣлахъ, вслѣдствіе круговой поруки общества, затрогиваются имущественные, наиболее чувствительные интересы крестьянства. Слѣдующую, затѣмъ, ступень занимаетъ наиболѣе возмутительное зло деревни — кулачное насиліе и непечатное слово, а за нимъ — непочтеніе къ родителямъ и неуваженіе чужой собственности. Въ этихъ, главнымъ образомъ, дѣлахъ розга и практиковалась, а все остальное является по отношенію къ ней уже болѣе или менѣе случайнымъ. Сравнительно небольшое присужденіе розги въ чисто-судебныхъ дѣлахъ свидѣтельствуетъ, что суду никогда не было особенно присуще убѣжденіе въ ея врачующей нравственное зло силѣ, и потому въ настоящее время Письменскій волостной судъ фактически разстался съ этимъ позорнымъ наказаніемъ безъ большого сожалѣнія. Нельзя поэтому не признавать, что изъ розги крестьянинъ здѣсь уже выросъ, и что ея законодательное изгнаніе изъ практики суда — вопросъ, подготовленный самою жизнью.

Θ. Покровский.

¹⁾ 7 октября 1876.

О принятіи чукочъ въ русское подданство.

Легенды и документы.

Якутская этнографическая экспедиція была снаряжена Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на средства И. М. Сибирякова въ 1894 году и организована изъ мѣстныхъ изслѣдователей бывшимъ тогда правителемъ дѣлъ Отдѣла Д. А. Клеменцомъ.

Въ кругъ изслѣдованія экспедиціи вошли три округа: Якутскій, Олекминскій и Колымскій. Изученіе народностей Колымскаго округа было произведено г. Йохельсономъ и мною, причемъ я изучалъ оленныхъ чукочъ, каменныхъ ламутовъ и русскихъ порѣчанъ. Подробности свѣдѣнія о результатахъ моихъ работъ изложены въ моемъ «Краткомъ отчетѣ объ изслѣдованіи чукочъ Колымскаго края». «Извѣстія В. С. О. И. Р. Г. О.» за 1899 г., т. XXX, выпускъ 1-й.

Столкновенія русскихъ съ чукчами начались съ первыхъ же встрѣчъ съ ними въ половинѣ 17 вѣка. Такъ, уже Семенъ Дежневъ во время своего плаванія кругомъ сѣверовосточной оконечности Азіи имѣлъ нѣсколько стычекъ съ чукчами не далеко отъ мыса Дежнева въ 1648 году. Съ тѣхъ поръ борьба съ чукчами продолжалась въ теченіе вѣка, но въ данномъ случаѣ казаки, привыкшіе при покореніи Якугировъ и ламутовъ къ легкимъ и часто безкровнымъ успѣхамъ, наткнулись на ожесточенное сопротивленіе, тѣмъ болѣе поразительное, что народъ, оказывавшій его, т. е. чукчи, былъ совершенно лишенъ всякой общественной организаціи и только на время борьбы выдвигалъ въ видѣ временныхъ предводителей наиболѣе сильныхъ и отличившихся въ сраженіи воиновъ.

Изъ этой борьбы казаки не только не вышли побѣдителями, но были разбиты на голову и два послѣднихъ предводителя погибли въ сраженіяхъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ отрядомъ: Афанасій Шестаковъ — 14 марта 1730 года на рѣкѣ Егачѣ и Дмитрій Павлуцкій 15 марта 1747 на верховьѣ рѣки Лабугена. Наконецъ, въ 1776 году безплодная трата людей въ этой борьбѣ была прекращена, и Анадырская крѣпость, выдвинутая противъ чу-

кочь, въ качествѣ форпоста, уничтожена, а гарнизонъ, амуниція и запасы переведены отчасти въ Колымскъ, отчасти въ Гижигинскъ.

Пораженіе Павлупкаго имѣло болѣе важное значеніе, такъ какъ отрядъ Павлупкаго былъ гораздо больше. По мѣстному русскому преданію, Павлупскій былъ разбитъ и погнѣбъ оттого, что часть казаковъ, наскучивъ немовѣрными трудностями походовъ, въ рѣшительную минуту не пришли къ нему на условленное мѣсто. Предводителемъ этой части казаковъ преданіе называетъ пятидесятника Кривогорницына, послѣдній потомокъ котораго, Митрофанъ Кривогорницынъ, слѣпой нищій, еще живетъ на Колымѣ въ Походской деревнѣ.

Чукчи не ограничивались побѣдами на тундрѣ, но являлись нѣсколько разъ на Колыму въ байдарахъ и подвергали заньки и деревни жестокому разгрому. Такъ, одинъ изъ поселковъ до сихъ поръ носитъ названіе Погромнаго, а другой называется Дуваннымъ, потому что тамъ чукчи будто бы дували добычу. Въ 30 верстахъ отъ Нижнеколымска одна рѣчка носитъ имя Томиловки, такъ какъ на ея берегахъ томила зараненная дѣвушка, убѣжавшая изъ разграбленнаго чукчами поселка.

Сношенія съ чукчами были возобновлены въ 1789 г. зашиверскимъ комиссаромъ Баннеромъ. Зашиверскъ—городъ на Индигиркѣ, нынѣ упраздненный; но въ концѣ прошлаго вѣка зашиверскому комиссару подчинился также и Колымскій округъ. Баннеръ убѣдилъ нѣкоторыхъ чукочъ согласиться на платежъ ясака, но взамѣнъ за ясакъ испропталъ имъ выдачу подарковъ отъ казны, превышавшихъ стоимость ясака. Эти подарки по отношенію къ оленнымъ чукчамъ были отиѣнены барономъ Майделемъ. Въ видѣ арханческаго остатка уцѣлѣла еще выдача казенныхъ подарковъ на Анжуйской ярмаркѣ восьми торговцамъ, приходящимъ съ Чукотскаго носа, въ обмѣнъ за ихъ ясакъ. Весенняя ярмарка была учреждена Баннеромъ же первоначально на р. Ангаркѣ, впадающей въ р. Большой Анжуй, но въ началѣ текущаго вѣка переведена на р. Малый Анжуй, гдѣ была для этого срублена деревянная крѣпость самой примитивной формы, собственно говоря, просто группа избъ, обнесенная высокимъ заборомъ. Обороты этой ярмарки очень скоро достигли 200,000 рублей, что для безлюднаго края представляется суммой весьма значительной. Но въ настоящее время обороты эти упали до 10,000 р., т. е. въ 20 разъ, по той причинѣ, что три четверти торговли перешло къ американцамъ, а послѣдняя четверть отвлечена на Анадырь, гдѣ русскіе товары, какъ привозимые морскимъ путемъ, дешевле, чѣмъ на Колымѣ.

Еще въ 1895 году, во время первой поѣздки по стойбищамъ Анжуйскихъ чукочъ, я имѣлъ случай слышать, что во владѣніи одной семьи, проживающей на верховьяхъ рѣки Лабугена, имѣется какая-то старая грамота отъ времени прекращенія войнъ, какъ опредѣляли рассказъ

чики. Описывали ее, впрочемъ, самымъ противорѣчивымъ образомъ даже очевидцы. Одни говорили, что она начертана на свѣтлой пестрожелѣзной доскѣ и похожа на щитъ; другіе утверждали, что это знамя, нѣкогда отнятое чукчами у разбитого ими отряда Якунина (чукотское имя Павлуцаго); третьи, наконецъ, увѣрили, что это ничто иное, какъ доскутъ одежды нѣкого знаменитаго русскаго шамана, который (т. е. доскутъ) до сихъ поръ обладаетъ весьма дѣйствительными чародѣйскими свойствами. Привыкнувъ къ преувеличеніямъ чукочъ, я не придавалъ особаго значенія этимъ рассказамъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно было ѣхать совсѣмъ въ другую сторону.

Въ 1897 году, во время поѣздки по переписи, мнѣ пришлось посѣтить и вышеуказанную семью и я, конечно, не преминулъ спросить о предполагаемой граматѣ, намѣреваясь приобрести ее, если это мнѣ окажется по средствамъ. Оказалось, что на стойбищѣ дѣйствительно имѣются какія-то старыя бумаги и медаль. Владѣтельница ихъ была семидесятилѣтняя старуха Пынчекауръ, нѣкогда знававшая лучшія времена, но теперь пріютившаяся изъ милости на стойбищѣ своего двоюроднаго племянника Кэт-Аймака. Старуха по-видимому очень ревниво относилась къ этимъ бумагамъ, доставшимся ей послѣ покойнаго мужа и даже отказалась показать ихъ мнѣ, объявивъ, что она покинула ихъ въ весенней оставкѣ¹⁾, въ пятидесяти верстахъ отъ настоящаго стойбища. Впрочемъ, вечеромъ Кэт-Аймакъ, въ качествѣ хозяина стойбища, считавшій себя имѣющимъ право на эти бумаги, сообщилъ мнѣ конфиденціально, что онъ могъ бы послать за ними человека, если только я захочу заплатить за проѣздъ. При этомъ онъ назначилъ такую высокую цифру вознагражденія, что я предпочелъ отклонить предложеніе, тѣмъ болѣе что былъ вполне убѣжденъ, что бумаги находятся тутъ же на стойбищѣ и что ѣхать за ними никому не придется. Быть можетъ, не лишнее замѣтить, что почтенный хозяинъ стойбища слылъ между сосѣдами за отъявленнаго плута и даже имя его Кэт-Аймакъ (мерзлая туша) было въ сущности не именемъ, а прозвищемъ, которое ему было присвоено послѣ того, какъ онъ былъ пойманъ съ поличнымъ въ кражѣ мерзлой оленьей туши. Настоящаго его имени я такъ и не могъ узнать, ибо по весьма распространенному обычаю онъ ревниво скрывалъ его и откликался только на свою партизанскую кличку. Я простеръ наружное равнодушіе къ бумагамъ Пынчекауръ до такой степени, что на другое утро уѣхалъ къ моему старому пріятелю Левтыкъ, стойбище котораго находилось въ восьми верстахъ. Передъ отъѣздомъ Кэт-Аймакъ предложилъ мнѣ уже прямо купить бумаги, но снова назначилъ размѣры уплаты, далеко превосходившіе всѣ мои наличные ресурсы въ то время.

¹⁾ Чукчи и ламуты оставляютъ вблизи весенняго кочевья часть вещей, употребляемыхъ лѣтомъ, имѣя въ виду захватить ихъ при возвращеніи съ зимовья на лѣтнее.

Платежнымъ средствомъ, конечно, являлись не деньги, а кирпичный чай и листовой табакъ, и я, по обыкновенію, былъ снабженъ этими продуктами въ весьма ограниченномъ количествѣ и волей-неволей долженъ былъ сокращать размѣры своихъ расходовъ и раздачу подъ угрозой потерпѣть немедленное банкротство среди океана чукотскихъ требованій. Въ данномъ случаѣ я рассчитывалъ на то, что бумаги не представляли для жителей стойбища никакой реальной цѣнности, такъ какъ мужское поколѣніе семей, владѣвшее ими, вымерло, а чукчи вообще относятся довольно подозрительно къ домашнимъ святынямъ и реликвіямъ чужихъ семей и неохотно принимаютъ ихъ въ свою собственную домашнюю сокровищницу. Такъ какъ чай и табакъ на окрестныхъ жительствовахъ цѣнился тогда почти на вѣсь золота, то я былъ убѣжденъ, что Кэт-Аймакъ не упуститъ окончить сдѣлку къ удовольствію обѣихъ сторонъ. Дѣйствительно, вечеромъ того же дня ко мнѣ явился племянникъ Кэт-Аймака, Лелѣ, съ предложеніями гораздо болѣе скромнаго характера и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ мы согласились обмѣнять бумаги Пынчекауръ на полтора кирпича чаю и два фунта табаку. По окончаніи переговоровъ Лелѣ уѣхалъ за бумагами, которыя, конечно, находились вовсе не въ пятидесяти верстахъ, а на самомъ стойбищѣ въ одномъ изъ дорожныхъ мѣшковъ старухи Пынчекауръ, но которыя онъ почему-то не заблагоразсудилъ привести сразу. Часа черезъ четыре онъ вернулся и, забравшись въ палатку, гдѣ мы сидѣли, вручилъ мнѣ маленькій, плоскій, полумзломанный ящичекъ, обвязанный веревочкой и содержавшій дѣйствительно большую серебряную медаль и отрывки двухъ документовъ о принятіи чукотъ въ русское подданство.

Впрочемъ, въ то время я едва успѣлъ осмотрѣть наружный видъ ящика, какъ вниманіе мое было отвлечено въ другую сторону. Надо сказать, что мы сидѣли тогда въ шатрѣ Омрыѣ, шурина Левтыки. Ровтынга, жена Омрыѣ, женщина довольно чахлаго вида, вдобавокъ недавно разрѣшившаяся отъ бремени, въ качествѣ хозяйки находилась съ нами, хотя ребенокъ изъ благоразумной предосторожности передъ чужеплеменниками былъ удаленъ въ самый задній шатеръ. Когда Лелѣ уѣхалъ за бумагами, Омрыѣ высказалъ предположеніе, что появленіе ихъ можетъ причинить вредъ присутствующимъ. Я поспѣшилъ увѣрить его въ благонадежности содержанія этихъ бумагъ (мною еще не виданныхъ) и на этомъ дѣло окончилось. Въ качествѣ человека, привычнаго къ общенію съ русскими, Омрыѣ отъсѣялся высказать свои опасенія въ полномъ объемѣ, а же никакъ не предполагалъ, что чукотское отвращеніе къ реликвіямъ чужихъ семей заходитъ такъ далеко, какъ оказалось потомъ.

Какъ бы то ни было, какъ только я взялъ ящичекъ, привезенный Лелѣ и принялся его развязывать, Ровтынга вдругъ какъ-то особенно по

тянула носомъ воздухъ, тихо простонала и къ моему изумленію и даже ужасу лишилась чувствъ и упала навзничь, недвижная и окостенѣлая, какъ трупъ. Омрыѣ съ крикомъ подхватилъ ее и принялся качать на рукахъ, мѣрно и сильно подбрасывая ее вверхъ. Когда это не помогло, онъ приступилъ къ обыкновеннымъ шаманскимъ манипуляціямъ лѣченія. Онъ сперва усиленно высасывалъ изъ макушки жены духа болѣзни, потомъ, когда этотъ духъ входилъ ему въ ротъ, ожесточенно фыркалъ, трясъ головой и вообще бѣсновался и, наконецъ, сплевывалъ въ сторону, чтобы освободиться отъ этого непріятнаго вкуса. Время отъ времени онъ впускалъ въ свою сжатую ладонь струю дыханія и поспѣшно прикладывалъ руку къ сердцу жены, стараясь сообщить ей частицу своей жизненной силы. — Ухъ, ребенокъ! — повторялъ онъ время отъ времени съ отчаяніемъ. Новорожденный младенецъ былъ его первенцемъ, но въ случаѣ смерти матери, и минуемо долженъ былъ послѣдовать за нею, такъ какъ чукчамъ неизвѣстно искусственное вскармливаніе. Когда ничто не помогало, Лѣлѣ, не долго думая предложилъ кольнуть больную ножомъ, утверждая, что его покойный отецъ бывшій довольно сильнымъ шаманомъ, именно такъ лѣчилъ людей, времени унесенныхъ духами (т. е. упавшихъ въ обморокъ). Омрыѣ готовъ былъ схватиться и за ножъ, и я не знаю, чѣмъ бы это кончилось, еслибы Ровтынга, наконецъ, не стала приходить въ себя, правда довольно медленно. Обморокъ ея длился минутъ пятнадцать и въ это время лицо ея было совершенно похоже на лицо трупа.

Когда молодая женщина оправилась, мужъ могъ устремить свое вниманіе на зловредный предметъ, подавшій поводъ къ обмороку, т. е. на ящичекъ съ бумагами, который я все еще держалъ въ рукахъ.

— Уйди отсюда съ этимъ! — сказалъ онъ безъ обиняковъ. — Ты еще насъ уморить!

— Куда же я пойду? — возразилъ я, довольно основательно предполагая, что въ каждомъ новомъ помѣщеніи можетъ разыгратъ такая же сцена.

— Ко (не знаю!), — отвѣтилъ гостепріимный хозяинъ.

— Ну, такъ я не пойду!

— Если не пойдешь, дай выкупъ! — потребовалъ Омрыѣ.

Удовлетворить это требованіе было все-таки легче, чѣмъ предыдущее.

— У насъ такъ ведется — говорилъ хозяинъ — вещь, которая издавно находилась при чужомъ огнѣ, вѣсть враждебнымъ духомъ на другихъ людей. Эти бумаги были слишкомъ долго у очага потомковъ Энейву.

Однако заключенія мои съ этими документами не окончились уплатой выкупа. Какъ очулась отъ обморока хозяйка, Лѣлѣ уѣхалъ немедленно, противъ обычая даже отказавшись напиться чаю въ нашемъ пологу. Онъ куда-то

спѣшили. Но не болѣе какъ черезъ два часа послѣ его отъѣзда явился къ намъ новый гость или, лучше сказать, гостыя, въ видѣ старухи Пынчекауръ. Я подозреваю, что она ждала гдѣ-нибудь на дорогѣ возвращенія Лѣлѣ, чтобы поскорѣе замѣстить его передъ нами.

— Ты взялъ мои бумаги?—сказала она прямо, послѣ перваго обмѣна несложныхъ чукотскихъ привѣтствій.

— Я ихъ купилъ,—возразилъ я.

— Не знаю!—сказала старуха—я не продавала, а бумаги мои.

Я объяснилъ ей весьма сдержанно, что мнѣ не нужно знать, чьи эти бумаги, но что тому, у кого я ихъ взялъ, я отдалъ за нихъ плату.

— Ну, такъ дай плату и мнѣ! настаивала старуха. — Я хозяйка, а они мнѣ ничего не дали.

Она была такъ настойчива въ своихъ притязаніяхъ, что въ концѣ концовъ я подчинился и далъ ей половину прежней платы, такъ какъ, по ея словамъ, Лѣлѣ и Бѣт-Аймакъ раздѣлили все пополамъ в она хотѣла бы получить такую же долю.

Я распространился съ нѣкоторой подробностью объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ приобрѣтеніе бумагъ, чтобы попутно охарактеризовать способъ сношеній и переговоровъ съ чукчамъ при путешествіяхъ по ихъ стойбищамъ.

Приобрѣтенія мои состояли, какъ сказано выше, изъ двухъ документовъ, написанныхъ на сѣрой бумагѣ полулиствого формата, в кромѣ того большой серебряной медали, помѣченной инициалами Екатерины II и 1791-мъ годомъ.

Одинъ изъ документовъ, названный въ заголовкѣ билетомъ, сохранился цѣликомъ. Другой истлѣлъ и распался на четыре части, вслѣдствіе чего нѣкоторыя слова не могли быть разобраны. Документы привожу съ сохраненіемъ орфографіи подлинника.

Билетъ № 37.

Объявителю сего Чукотской чаунской тоень Хамахей вступилъ вросіинское подданство прошлаго 1788-го года. вчемъ во увереніе учинилъ присягу сообезательствомъ сродомъ ево плати взашиверскую округу ежегодно когда спрошенъ быть имеетъ ясакъ скаждаго человека лукомъ владеющимъ поодной лисице, некогда оной потребуетца то одавать ему безотговорочно закоторое усерд (не) исказны Ея Императорскаго Величества пожалованы алыя кантаны сходныя сыркутскимъ наместническимъ мундиромъ. икортвыи снадыписаніемъ напортупейхъ росіисковъ верноподданной? Господь командуимеющихъ прошу чтобъ онаго тоена Хамахая принимать и почитать заверио-подданнаго Ея Императорскаго Величества раба, для чего сен

билетъ ему заподписанномъ моеи руки исприложениемъ Герба моего печати.
данъ февраля васьмага дня 1789-го Года Земьской исправникъ Бергъ
гешваренъ Иванъ Фишеръ.

М. П.

Казацей сотникъ Иванъ Зеленыхъ.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы
Всероссійской изъ Иркутскаго Наместническаго Правленія Чюкоцкаго
Народа Тосену Хамахану Поуказу Ея Императорскаго Величества
Иркутское Наместническое Правленіе опредѣлило Дать Вамъ Тосену Хамахану
Сен Ея Императорскаго Величества уважь стемъ Чтобы Вы Подоброн
Вашей Воле Сродными Своими Вошедшіе Под-Высоко-Славное Ея Импе-
раторскаго Величества Всероссійское Императорское под-
данство Противъ Продчихъ были Отличены Сими Главнымъ Тосена Назва-
ниемъ Ичто Таковое Ваше Ивсехъ Вашихъ Родниковъ Усерднейшее Желаніе
быть Воономъ Приемлется Соособливымъ Уваженіемъ, А Дабы Вы Ивс[е] Ваши
Родники Отъ всехъ почитаемы Ипризнава Емы были Все Россійскими Верно
подданными Ичтобы Вамъ ивсемъ Родникамъ Никто немогъ Учинить Каковаго
Либо Вреда Или Утесненія; То Предписывается Чрезъ Сіе Всемъ Россійскимъ
под Даннымъ Делать Вамъ Вовсемъ Где-бы-то Нислучилось Всякое благо-
деяние Ивсѣ-возможное пособіе Ичтобъ Никакихъ Видовъ Кънарушенію Вашего
Спокоивствія Итишины Преподаваемонебыло, и что Вы Впротивномъ Всему
Тому Случаю Какъ Россійскимъ Такъ Идругихъ Державъ Иностраннымъ
Людямъ Показывать Должны Сен Ея Императорскаго Величества
Укасъ итребовать осво^н Россійскихъ Единоподданныхъ Всего Вышепроп[и]саннаго
Аотъ иностранн^н Мирнаго Обхожденія на Противъ Чего Исосторонн Вашей
Надеется [Рос]сія Что Вы Вверноподданничество Вашемъ Оставшись Не-
пов[олебляемо?] Неупустите..... Ея Императорскаго Величества
Всемилоствивенней Государиныѣ полезно Итщательно отвращать
Будите Все те обстоятельства Которы Нарушить Могутъ Какъ Ваше Такъ
ивсехъ спо Комствіе Итишину:—Воверность Чего Дан. Сен Изъ Иркутскаго
Наместническаго правле Нія Вгубернскомъ Городе иркутске заподписан[и]емъ
Членовъ Исприложениемъ Герба печати; Октября мц дванадес дня 1791 года:
Правленія Советникъ..... Советникъ Александръ Постниковъ
Иркутскаго Наместническаго Правленія Советникъ Маторъ Василіи Верещагинъ

Секретарь Герасимъ Некрасовъ

Усего указа Ея Императорскаго
Величества иркутскаго наместни-
ческаго Правленія печать

Имя Хамахей (Хымышай), которое носил первый чукотский тойонъ, вступившій подъ русское подданство, довольно распространено между чукчами. Чаунскій Эрмечин ¹⁾, посѣтившій барона Врангеля во время экспедиціи 1823 года, тоже носилъ это имя. Въ родѣ теперешняго тойона ²⁾ оленныхъ чукочь имя это такъ же встрѣчается верѣдею.

Чукотская легенда называетъ устроителя перваго мира между русскими и чукчами не Хымышай, а Ээнейву. Впрочемъ, у чукочь одинъ и тотъ же человѣкъ часто имѣетъ два и болѣе именъ. Въ семействѣ Ээнейву эти документы, спрятанные въ ящикѣ, обвязанномъ веревочками, составляли часть семейной святыни и выносились изъ шатра вмѣстѣ съ другими священными предметами во время жертвоприношеній. Ихъ не обходили ни при помазаніи кровью, ни при кропленіи жертвенной похлебкой. Поэтому шнуры обвязки были украшены уккамаками—маленькими круглыми амулетами изъ дерева и кожи, походя на большія рѣдкія четки; кромѣ уккамаковъ къ нему были подвязаны двѣ тоненькія висточки изъ полосокъ мягкой шкурки молодого тюлена, окрашенные въ дымный цвѣтъ копотью жертвенныхъ огней.

Вопреки вѣлѣрѣчивымъ словамъ вышеприведенныхъ документовъ, устная легенда относительно прекращенія войнъ между русскими и чукчами, рассказанная мнѣ старикомъ Хромымъ Паганто, по поводу именно этихъ бумагъ, гласитъ слѣдующее. Нутэвіа чуванецъ изъ рода Этэль, убиваемого съ обѣихъ сторонъ, пришелъ къ Ээнейву и говоритъ:—Слишкомъ худо убивать другъ друга! Перестанемъ, сотворимъ союзъ! — Ээнейву отвѣтилъ: — Посмотримъ! Поди! спроси сильныхъ людей нашей стороны, что они скажутъ. Потомъ осенью прѣвѣжай.—На слѣдующій годъ настала осень. Наставши, осень окончилась. Сидитъ Ээнейву дома, слышитъ, кто-то прѣвѣхалъ на оленяхъ. Вышелъ на дворъ—иные олени, иная одежда (не чукотская). Человѣкъ привязалъ оленей, не подходитъ, сидитъ на нартѣ, потупивъ голову, это—Нутэвіа. Молча сидитъ, только голову потупляетъ. Ээнейву обошелъ вокругъ одинъ разъ, другой разъ. Молчитъ, ничего не говоритъ. Цнулъ его ногой въ лицо — молчитъ.

¹⁾ Врангель ошибочно принимаетъ это собственное имя за нарицательное имя начальника. Между тѣмъ какъ у чукочь для выраженія понятія начальника существуютъ только производныя существительныя отъ корня эрмэ, арма, adj. и эрмэхин—сильный. Отсюда образуются эрамъ начальникъ (въ русскомъ смыслѣ слова) и эрмэчин—вѣтязь, богатырь, начальникъ (въ чукотскомъ смыслѣ слова). Хымышай собственно значить червячекъ, и существованіе этого имени находится въ связи съ привычкою давать дѣтямъ имена животныхъ.

²⁾ Тойонъ или тоёнъ — слово тюркскаго происхожденія и значить господинъ. Тойонъ оленныхъ чукочь — санъ наслѣдственнаго князя оленныхъ чукочь. Впрочемъ, авторитетъ его чисто призрачнаго свойства. Тойонскій санъ установленъ русскими. Особенно старался укрѣпить его значеніе въ 1869—70 г.г. баронъ Майделъ. Но чукчи обращаютъ очень мало вниманія на этотъ парадный авторитетъ, какъ и вообще на всѣхъ старость и старшинъ, поставленныхъ для управленія ими и для сбора ясаковъ.

Еще разъ обошелъ кругомъ, еще разъ сильно пнулъ ногой въ лицо, испытываетъ, будетъ ли гнѣвъ. Молчитъ Нутэвіа. Тогда Ээнейву присѣлъ на корточки противъ него. — «Пришелъ?—говорить. — Да!—Съ чѣмъ ты?— Ничего не говоря, достаетъ изъ сумы медаль и бумагу. Вотъ эта самая бумага съ просьбой прекратить войну и заключить союзъ.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь еще нѣкоторыя преданія относительно борьбы чукочъ съ русскими и ея прекращенія.

1) Разсказъ чукчи Йенана на урочищѣ Анонайне въ 1896 году.

Была дѣвочка, именемъ Йыныкпэутъ. Собрались въ шатръ совершающіе служеніе, закрыли дымовое отверстіе, шаманить, поютъ, а между тѣмъ это собаки ¹⁾. Одни поютъ: «Кооо! Кооо!». Воютъ дружочки. Другіе поютъ: «Кооон! Кооон!». Третьи, стоящіе: «Ооо! ооо!». Наконецъ, хозяйка стойбища говоритъ дѣвочкѣ. — Найди щель, загляни! Посмотри, что за поющіе, зачѣмъ они закрыли дымовое отверстіе. — Нашла щель. Заглянула. Все собаки воютъ. Подняла крикъ, люди прибѣжали и стали колотить. Убѣжали собаки на западную сторону, стали русскимъ народомъ. Часть осталась собаками, сдѣлалась ихъ упряжкою. Прежніе битые стали гнѣваться за удары, начали войну. — Ухъ! Мы не знали! Наши били собакъ, а онѣ стали народомъ.

Стали воевать. Пошелъ Якуниаъ, желѣзомъ одѣтый, худоубивательный. Якуниаъ, огнивный таньга ²⁾, сталъ истреблять народъ. Почему худоубивательный? Худо убиваетъ людей, мужчинъ разрубаетъ топоромъ по промежности, женщинъ раздираетъ пополамъ, какъ сушеную рыбу. У него приемышъ, взрощенный изъ вочевыхъ людей, изъ племени настоящихъ таньговъ, приносящій пищу, проворный, быстроногій, на бѣгу догоняетъ дикаго оленя, убиваетъ ножомъ. Вываливъ содержимое желудка, хватается за заднюю ногу; такъ просто уноситъ

¹⁾ Здѣсь изображается праздникъ мнѣмргын, который будто бы справляютъ собаки. На этомъ праздникѣ совершается торжественное служеніе надъ добычей охоты, причемъ мужчины шаманятъ, стуча въ бубенъ, а женщины, становясь передъ ними, выражаютъ свой религіозный экстазъ различными странными тѣлодвиженіями и пляской. Между прочимъ, собакамъ, волкамъ и другимъ хищнымъ животнымъ также приписывается совершеніе такихъ служеній послѣ удачной охоты. Впрочемъ, это описаніе праздника имѣетъ сатирическое значеніе, какъ видно изъ разсказа. Чукчи, насмѣхаясь надъ русскимъ «проголоsumъ» плѣнемъ, не имѣющимъ горловыхъ переливовъ, сравниваютъ его съ собачьимъ воемъ, тѣмъ болѣе, что русскіе на Колымѣ и на Анадырѣ, ближайшіе сосѣди оленныхъ чукочъ, ѣдятъ на собакахъ.

²⁾ Таньгами чукчи называютъ одинаково коряковъ, чуванцевъ и русскихъ, но коряковъ называютъ при этомъ настоящими таньгами, а русскихъ огнивными таньгами. Русскіе причислены къ таньгамъ на томъ основаніи, что они вначалѣ явились, какъ союзники коряковъ въ ихъ столкновеніяхъ съ чукчами.

домой. Худоубивательный Якунинъ истребляетъ людей, собралъ цѣлыя возы шапокъ; шапки убитыхъ, двадцать возовъ, послалъ ихъ Солнечному Владыкѣ ¹⁾).

Говорить:—Больше нѣтъ! Всѣхъ истребилъ!

Говорить Солнечный Владыка: — Еще въ травѣ много скрывается птичекъ.

— Довончу! Пусть принесутъ большое ружье. Унесу съ собой!

— Однако нѣтъ! Убьютъ тебя!

— Могу!

Взявъ ружье, большое ружье, унесъ съ собой. Ходить, ищеть жителей, истребляетъ. Наши (т. е. чукчи): Нанкачгаты, богатырь, одѣтый въ одежду изъ лахтакной ²⁾ шкуры, большой, широкій, во время ледохода на рѣкѣ Номваанъ, ложится поперекъ, задерживая глыбы льда. По его тѣлу проходятъ кочевые поѣзда, какъ по твердой землѣ. Товарищъ его Тэмээречъ не менѣе проворный. Пошелъ Врощенный русскими, пошелъ на промыселъ, нашелъ дикаго оленя, убилъ, подхватилъ. Изъ засады смотритъ Нанкачгаты. Говорить:—Не сможемъ! Тэмээречъ говорить:—Я могу! Выскочилъ, догналъ Врощенного русскими, схватилъ за правую руку. Тотъ дергаетъ, но не можетъ вырваться.

— Если я сталъ тебѣ дичью, то убей ³⁾.

— Нѣтъ, не для смерти, но для жизни тебя схватилъ. Сердце твое не хочу достать.

— Эгэ!

— Почему лицо твое, какъ у настоящаго человѣка? ⁴⁾. Кто ты?

— Я изъ кочевого племени, вброщенный русскими.

— А-а! Будь нашимъ товарищемъ, совсѣмъ нашимъ, указателемъ пути!

— Согласенъ.

Пошли вдвоемъ къ Якунину

— Вотъ, вотъ какого человѣка еще привелъ? (кричитъ Якунинъ).

Схватилъ большое ружье, хочетъ выстрѣлить.

— Зачѣмъ же? Это—товарищъ. Будетъ указывать жительство.

Сѣлъ Тэмээречъ, сталъ ѣсть. Ёсть онъ очень скоро.

— Вотъ, вотъ! отчего такъ скоро ѣсть? ⁵⁾.

¹⁾ Государь.

²⁾ Лахтакъ—крупный тюлень породы *phoca barbata*.

³⁾ Въ сказкахъ и преданіяхъ побѣжденный богатырь всегда обращался къ побѣдителю съ той фразой, которая означаетъ требованіе *сoup de grace*. Для побѣжденного считается постыднымъ жить дольше.

⁴⁾ Чукчи сами себя называютъ просто людьми, именно въ противоположеніе всѣмъ другимъ народностямъ.

⁵⁾ Проворство въ ѣдѣ составляетъ признакъ большой физической доблести, подозрительный въ глазахъ Якунина въ предполагаемомъ измѣнникѣ. Чукотская пословица гово-

Схватилъ большой ножъ.. Хочетъ ударить.

— Зачѣмъ? Это товарищъ! будетъ указывать жительства.

— А-а!

Заснулъ Якунинъ, покончивъ ѣду. Тэмээречъ хочетъ его ударить ножемъ.

— Соннаго не убивай! Если Нанкачгатъ силенъ, пусть сражаются завтра двое!

— А - а! Пошли на утро сражаться, Якунинъ, одѣтый желѣзомъ, Нанкачгатъ, одѣтый лахтакомъ, двое. Копьѣ Якунина, лезвее длиною въ локоть, копьѣ Нанкачгата такой же длины ¹⁾). Солнце обошло вокругъ неба, сражаются, не могутъ... Люди кругомъ стоятъ, смотреть. Копьѣ Якунина притупилось, стерлось объ землю до обуха. Желѣзная одежда разсѣчена. Языкъ Нанкачгата вывалился и свѣшивается до плеча. Еще не могутъ.

Эургинъ, изъ смотрящихъ, молодой парень, изъ деревяннаго лука выстрѣлилъ китовоусовой стрѣлой, пробилъ Якунину глазъ. Облился кровью Якунинъ. Сѣлъ на землю, оперся локтемъ объ землю. Множество людей приступаетъ къ нему, еще убиваетъ, ибо онъ силенъ. Тогда Эургинъ ударилъ ножемъ подъ броню, распоролъ брюхо, тогда убили.

На слѣдующій годъ Верожденный русскими и Тэмээречъ пошли обозомъ къ Солнечному Владыкѣ.

— А гдѣ же тотъ?

— Нѣтъ его!

— Куда дѣвался?

— Убили его.

— Ага! Я говорилъ ему, не хвастай!...

Тогда перестали драться. Люди изъ народа Эгаль, убиваемые съ обѣихъ сторонъ, стали переводить на всѣ стороны. Сдѣлались союзниками, перестали воевать.

2. Разсказано чукчей Коравіей на р. Лабугентъ въ 1896 году.

(Вторая версія предыдущаго разсказа)

Когда воевали таньги съ чукчами, люди бѣжали изъ внутренней стороны къ морю, но таньги слѣдовали зади и истребляли неуспѣвавшихъ убъ-

реть: «Когда молодые люди ѣдятъ быстро, старикамъ красиво смотрѣть». Вообще чукчи и молодые, и старые управляютъ съ ѣдой съ большой быстротой и даже остротенностью, когда дѣло доходить до костей, хрящей, сухожилий и т. п.

¹⁾ За немѣнѣемъ мечей копьѣ составляетъ обычное оружіе чукочъ также и для рукопашнаго боя.

жать. Кого ловили, худо убивали. Мужчинъ разрубали топоромъ промежду ногъ внизъ головой. Женщинъ раскалывали пополамъ, какъ рыбу для сушенія. Убѣжали оленные на край земли, помѣстились подъ утесъ, подъ крутыми скалами построили въ ущельи крѣпость; но таньги пришли и взобрались на горы и, скатывая сверху камни, изломали укрѣпленіе и истребили людей.

На землѣ Нэтэнъ за мысомъ Пээкъ ¹⁾ поставили подъ утесомъ, нависшимъ надъ берегомъ, другую крѣпость. Сверху нельзя скатить туда камни. Таньги взошли на утесъ. Ничего не могутъ сдѣлать, ибо камни перелетаютъ черезъ границу жительства. Стали обходить, ища прохода. Впереди идетъ въ желѣзномъ панцырѣ Якунинъ.

У входа въ узкое ущелье стоитъ Эургинъ съ деревяннымъ лукомъ въ рукахъ и пьетъ изъ круглой чаши воду.

— Ней хорошенко!—говоритъ Якунинъ. Больше ты не будешь пить на этой землѣ!—

Схватилъ Якунинъ копьѣ, сталъ размахивать. Прыгаетъ вверхъ, какъ вершина листовницы, машетъ копьемъ, какъ доскутомъ. Эургинъ наложилъ на лукъ маленькую стрѣлу изъ китоваго уса. Лицо Якунина покрыто желѣзомъ. Только двѣ дыры вмѣсто глазъ. Пока прыгаетъ, выстрѣливъ, попалъ ему въ глазъ. Упалъ на землю Якунинъ. Набѣжали и схватили его.

— Ты — худобувающій! У насъ нѣтъ топоровъ, чтобы разрубить тебя. По крайней мѣрѣ иначе заставимъ тебя почувствовать смерть.

Развели огонь. Жарятъ его у огня. Хорошо поджаренное мясо срѣзываютъ ломтиками и жарятъ снова. Умеръ. Таньги, испугавшись, бѣжали, но ихъ настигли и истребили. Тогда къ знакъ радости устроили гонку судовъ. Жители Нэтэна собрались на гонку. Принимъ люди изъ Нуувана, Улена, Пичуна и всѣхъ приморскихъ селеній до Ванкарема ²⁾. Но всѣхъ побѣдили два брата, рожденные сукой, изъ Экалѣруна. Ставкой была плѣнная дѣвушка, Таньгинка. Ее взявъ, женились на ней. Тогда размножился родъ рожденныхъ сукой ³⁾.

3. Разсказано на р. Лабугенъ чунчей Плянганго въ 1897 году.

Когда въ первый разъ сошлись на битву таньги и чукчи, стали стрѣмъ другъ противъ друга. Сильно испугались наши, ибо таньги совсѣмъ не-

¹⁾ Пээкъ — мысъ Дежневъ. Нэтэнъ — мѣстность Ледовитаго побережья съ чукотскимъ поселкомъ того же имени.

²⁾ Приморскіе чукотскіе поселки Ледовитаго побережья.

³⁾ Семья такъ называемаго «тойона оленныхъ чукочъ» ведетъ свое происхожденіе именно отъ этихъ братьевъ, прародительницей которыхъ (но не матерью) считается черная сука.

виданные: торчатъ у нихъ усища, какъ у моржей; копыа длиною по локтю— такъ широки, что затмеваютъ солнце. Глаза желѣзные, круглые. Вся одежда желѣзная. Копають копытомъ копыа землю, какъ драчливые (оденья) быки копытомъ, вызываютъ на бой.

Всѣ сидятъ, потупивъ головы, боатся. Вышелъ таньгъ, копьемъ машетъ.

— Кто, кто выйдетъ со мной на борьбу?

По прежнему сидятъ, потупивъ головы; молчатъ, не рѣшаясь. Старичекъ изъ нашихъ, старый, старый старичекъ, ходить впереди.—Ну, кто, кто попробуетъ?...

Всѣ молчатъ.

Есть четыре сильныхъ: Чимкель, Айнаыргинъ, Элѣннута Лявтылевалинъ¹⁾.

— Ну, пусть хоть Чимкель попробуетъ!

Впереди Чимкеля сидитъ его отецъ. Ждетъ богатырь, пока заговорить старикъ. Однако всѣ сидятъ молча, не рѣшаются. Попрежнему ходить старичекъ впереди рядовъ.

— Кто, кто, кто попробуетъ?

Крикнувъ крикнулъ:—Ну, пусть я!

Кивающій головой закивалъ:—Ты, ты!

— Нѣтъ, я!—Крикнулъ Элѣннута.—Я отъ роговъ тоже острая спица. Пусть сперва обломаютъ!

Копье въ ногъ приложилъ, выскочилъ по глубокому снѣгу. Началось. Три дня, три ночи борются. Никто не можетъ одолѣть. Сталъ Элѣннута изнемогать. Но усталъ и таньгъ. Сдвинулась желѣзная шапка на затылокъ, показались волосы. Вся голова сѣдая. Прокусилъ насквозь губу Элѣннута.— Неужели буду побѣжденъ старикомъ?

Сталъ виться, какъ волосъ, вокругъ таньга, наконецъ ранилъ его въ бедро. Упалъ таньгъ на локоть.

— Ого! Силенъ ты! Одержалъ верхъ надо мною. Только теперь увидѣлъ себя побѣдителя!

— Не говори же потомъ, что между рожденными бѣломорской женой не нашлось человѣка помѣяться съ тобой!

— Ага! Кто отецъ твой? Покажи мнѣ его! Хорошо тебѣ, взростившему такого сына!. Ну, убей меня!

— Нѣтъ!..

— Убей меня, говорю! Побѣжденному зачѣмъ жить на свѣтѣ?

¹⁾ Имена героевъ борьбы съ таньгами еще живутъ въ народной памяти и многія семьи ведутъ свое происхожденіе отъ того или другого изъ нихъ. Самое извѣстное имя—Лявтылевалинъ, что значить кивающій головой. Айнаыргинъ значить крикунъ.

Какъ ни приставажь, не убижь. Тогда сняжь съ себя желѣзную одежду, отдалъ копьѣ, говоритъ:—Этимъ ты владѣй, если ты сильнѣе! Вотъ мой обозъ. Тутъ моя жена, дѣти и имущество.—Самъ ушелъ пѣшкомъ о посохѣ.

4. Разсказано чунчей Ремниленомъ на р. Молондѣ въ 1895 году.

Задолго послѣ битвъ открылась ярмарка и сошлись многіе чукчи, хотѣть торговать. Но пріѣхалъ начальникъ отъ Женщины-Властителя, говоритъ:—Мой духъ худъ. Я хочу воевать. Вы многихъ нашихъ людей убили.

— Это не мы, это Анадырскіе!—Отпираются наши. Ходили по крѣпости четверо. Первый—Леутъ, богатый купецъ, второй Кочёние, дѣдъ Чепатки, третій Леяльпыленъ, дѣдъ Эйгелина, четвертый Вотиргинъ, мой дѣдъ ¹⁾. Торговли нѣтъ. Ходятъ, разсматриваютъ домъ начальника. Посмотрѣли украдкою сквозъ щель, сквозъ тонкую дверь, видятъ: человекъ сидитъ, весь въ красномъ, шапка красная, сапоги красные, вся одежда красная. Говоритъ Кочёние:—Сломаемъ дверь, схватимъ его!

Сломали тонкую дверь, схватили, унесли домой. Онъ бьется, кричитъ:

— Сюда, сюда люди!

Никого нѣтъ; ночь. Унесли его на стойбище Леяльпылена. На другой день зашумѣли русскіе люди, закричалъ начальникъ:—Отдайте человека!

— Нѣтъ, не отдадимъ! Давайте торговать, тогда отдадимъ!—Нечего дѣлать. Согласились русскіе на торговлю. Тогда отпустили краснаго человека. Леутъ богатъ далъ ему двѣ черныя лисицы, ради искупленія.

Послѣ того стали искать переводчика и нашли изъ чуванскаго рода Эталь на Большой Рѣкѣ.

Опять говоритъ начальникъ:—Нѣтъ! Мой духъ худъ! Куда вы дѣвали столько нашихъ людей?

— Не ищи ихъ, перестань! Поставь надъ нами начальника! Пусть онъ платитъ дань ради тѣхъ убитыхъ людей! Указалъ на Вотиргина. Но Вотиргинъ отговорился.—Я живу у моря!—и указалъ на Леяльпылена. Тогда наложили ясаки, но ясаки были немногочисленны. Только потомъ баронъ ²⁾ ихъ умножилъ.

¹⁾ Чепатка—богатый «торговый чукча», ведущій въ настоящее время торговлю на Анаюйской и Анадырской ярмаркахъ. Эйгелинъ—вышеупомянутый «стойонъ оленныхъ чукчъ», тоже современный. Леяльпыленъ—его прадѣдъ, поставленный тоёномъ въ концѣ прошлаго вѣка.

²⁾ Баронъ Майдель см. выше.

Б. Русское преданіе о погромѣ, произведенномъ чукча

(Разсказано мѣщанкой Ариной Шкулевой въ Походской деревнѣ на 1
1896 году).

— А ты знаешь, есть это, Чукочья була деревня ¹⁾. стояла, теперь на боку лежитъ. Давно это була. И на то доса чукочъ сторожить. О и огромная! Каждая стѣна четыре саж. вышина само съ церковью наравнѣ. Внизу мостъ, вверху опять мостъ (бревенчатый полъ). Вотъ одна ²⁾ стоитъ на каланчѣ старичекъ. Вотъ стало утро отзавивать, посмотреть за протоку: совсѣмъ свѣтло стало. Дерево видится лежащее, и показись ему, будто черезъ дерево человекъ перевалился въ чукотской кухлянкѣ перпендикулярныхъ кишекъ. Кухлянка—родъ нашихъ окончинъ ³⁾.

Вотъ сталъ говорить ребятамъ.—Эй, ребята! Смотрите! Живо—чукчи насъ скрадываютъ, исплѣнить ⁴⁾ хотятъ!.

Ну молодежники ⁵⁾, они и не вѣрятъ.

Старикъ сейчасъ котомку на спину, а посохъ въ руку и пошелъ на Походское ⁶⁾. Они стали тамъ лѣтовать, потомъ осеновать. Какъ ночи стали чернѣе, чукчи пришли на нихъ сонныхъ, ну всѣхъ и переплѣнили. Кто выбѣжить изъ дома, того и убьютъ. Только двое братья, такіе удалые, какъ ихъ ни гоняютъ, не могутъ ихъ ни копьемъ ткнуть, ни стрѣлой угодить. Вотъ бѣгали, бѣгали. Старшой и побѣждалъ мимо одной старухи. Старая чукчанка сидитъ на саней, ужъ и ходить не можетъ, ползаетъ. Такъ она стрѣлила костянкой ⁷⁾, да угодила ему въ колѣно. Тутъ упалъ, да закричалъ:

— Эй братъ! Развѣ ты одинъ на свѣтѣ жить хочешь? Какъ станешь?— Ну, тотъ на проходъ самъ и отдался. Такъ обоихъ и убили.

А еще булъ парень, какъ упалъ между мертвыми навзнакъ, будто тоже мертвый, такъ лежитъ и видитъ: одного-то брата одѣли въ бѣлую кухлянку, другого въ пеструю. Одного положили на бѣлую постель ⁸⁾, другого на пеструю.

¹⁾ Чукоच्या деревня—бывшее русское поселеніе на р. Колымѣ при впаденіи р. Чукочьей въ 50 верстахъ отъ океана. Верхній срубъ каланчи, съ которой сторожили чукочъ, еще цѣлъ. Нижній растасканъ на дрова. Впрочемъ, теперь на р. Чукочьей нѣтъ ни одного русскаго «дыма», а въ сосѣднихъ тундрахъ ни одного чукотскаго шатра, такъ какъ населеніе стчасти вымерло, отчасти переселилось въ другія мѣстности.

²⁾ Доспѣть—сдѣлать.

³⁾ Однава—однажды.

⁴⁾ Кухлянка—верхній балахонъ изъ шкуръ, кожи или ткани, также изъ спитыхъ выѣстъ тюленьихъ или моржевыхъ кишекъ. Изъ того же матеріала приготавливаютъ окончины т. е. лѣтнія обложки для оконъ, при отсутствіи стеколъ.

⁵⁾ Исплѣнить—перебить, истребить.

⁶⁾ Молодежники—молодые люди.

⁷⁾ Деревня Походская на лѣвомъ устьѣ р. Колымы.

⁸⁾ Костяная стрѣла.

⁹⁾ Постеля—оленья шкура.

А старуха-то ходить не можетъ, такъ ползаетъ, отъ тѣла къ тѣлу переползывать, каждому въ лицо засматривать. Какъ до живого дошла, да посмотрѣла. Була у ней въ рукахъ полѣмка ¹⁾. Ни лезвее, ни лицо, ничего нѣту, ну да у чукочъ и желѣзо тогда не было. Вотъ и давай этой полѣмкой поперекъ лба у него потихоньку рубить. Тукъ да тукъ! Тукъ да тукъ! Все переლობе вырубилъ. А ужъ не крикнулъ, смолчалъ. Богъ терпѣнье далъ. Какъ только они извелися, онъ я всталъ, въ Походскую далъ вѣсть. Ну въ крѣпость ²⁾ тогда казакъ булъ прямо комаръ, эстолько много. Магазины эти теперь пустыя стоятъ, були мукой завалѣны подъ самой верхъ. Вотъ и послали ихъ съ орудіями разыскивать чукочъ. Ну они дошли до Чукочей, за ёдомой ³⁾ дымъ увидали. Да они о чомъ на драку пойдутъ. Тогда вѣдь одного чукотскаго имени страшился. Такъ и своровали и не сказали про дымъ. Пришли, сказали: «Нигдѣ нѣту»!

Чукчи потомъ говорили:— А мы изъ зарѣчья перешли по льду, да въ чукотской ёдомѣ лѣто прожили. Русаки гусевали ⁴⁾, а мы дружнымъ-то свои стельки ⁵⁾ на дорогу бросали, чтобы они устрадались, ходили поосторожнѣе. Ну, да ужъ нѣтъ.

Оттуль эти чукчи разбрелись въ разны стороны. Ины-то дошли даже до Индигирки. Вотъ ходятъ парни гусевать. Булъ старичекъ Портнягинъ на Портнягиной тонѣ. Говорятъ къ нему:— Что за диво? Мы гусюемъ, а къ намъ и прилетываютъ откуда-то чукотски костянки, одного до смерти убили. Пристанемъ, сколько ходимъ. Никого найти не можемъ!

— Поведи бу меня на то мѣсто!—говорить Портнягинъ.—Я бу, можетъ, и нашелъ.

Пошли всѣ вмѣстѣ. — А гдѣ? — сказывать. — Это! — говорятъ. Поднялись на берегъ, ни кого нѣту. Только калтусъ ⁶⁾. Кочки видятся на калтусѣ чисто безъ конца; такіа крупныя. — Вотъ —говорить— по этимъ кочкамъ стрѣляйте стрѣлами!—Остали стрѣлять. Каку кочку ни стрѣлять, то и чукча падать. Каку кочку ни стрѣлять, то и чукча.

Они—прѣтчи-то ⁷⁾, кочку выкопають, до подъ кочку и садутъ, сверху кочкой прикроются, траву расправятъ, да и смотреть скривъ. Тутъ ихъ и перецѣпили всѣхъ.

¹⁾ Палемка—небольшой кроильный ножъ съ полукруглымъ лезвіемъ, вродѣ сапожнаго.

²⁾ Нижнеколымская крѣпость.

³⁾ Чукотская ёдома.—отрогъ скалистой гряды на западной тундрѣ.

⁴⁾ Гусевать промыслять линялаго гуся.

⁵⁾ Чукотскія стельки по формѣ нѣсколько разнятся отъ русскихъ, такъ какъ носки чукотской обуви болѣе плоски и круглы.

⁶⁾ Калтусъ—кочковатый мокрый лугъ.

⁷⁾ Прѣтча—проказникъ.

Другіе пошли по тундрѣ, да вышли на Дуванное ночью. На Дуванномъ-то опять люднѣре жили. Тѣхъ всѣхъ переплѣнили. Карбася-то у нихъ ножами испротыкали. Каки люди выбѣгутъ, въ карбасъ нападаютъ, хотятъ на рѣку угрести, карбасъ только свиститъ, вода наливается. Тутъ всѣ и при-
тунуть. Потомъ пошли на Омологъ, а тамъ имъ встрѣчу доспѣли, про это сами юкагиры сказываютъ. Достаальны-то разбѣжались порозно. Досельны-то юкагиры пасти бисерками сторожили. Надергавъ ихъ на ниточку, да и доспѣли на наживу. Чукчи полѣзутъ доставать бисерки, да и понадутъ въ пасть. Хозяинъ-то придетъ смотрѣть пасть.

— То чего, кака мечта лежитъ? Еще живой...

А онъ по-русски будто и говорить:—Эй, которая топора мита та, бита та!—Отпустить будто просить. Ну у нашего чего въ рукахъ топоръ или ножикъ. тѣмъ и благословить. Такъ извелись современемъ и всѣ.

А на Анадырской сторонѣ какое многолюдство было, тоже чукчи все исплѣнили. Вотъ булъ городъ, а въ городу осенью люди живутъ. Какъ вечеръ придетъ, воронье то и слетается, такъ и куркаты, такъ и курнать ¹⁾). Вотъ старушки выходятъ, старички.— Эй, робаты! —говорять.— Къ чему же воронье курнать, видно опять чукчи предти хотятъ, насъ погромить хотятъ.—Ну, кто вѣрить, кто и не вѣрить. Вотъ взаболъ ²⁾ на утренней зарѣ и пришли, на сонныхъ напали, всѣхъ и перебили. Бабъ-то поплѣнили. Одна была, у ней булъ титешной робенокъ, она и убѣгла и робенка унесла на рукѣ. Бѣгла, бѣгла, слышитъ погоню за собой; обернулась, гонять ее двѣ санки. Какъ обернулась, одинъ отъ и стрѣлилъ, да робенка-то и угодилъ, ну и убилъ. Она упала на робенку, стала воять. Они и схватили, да понесли. Только понесли, ножикъ у ней булъ, выдернула его, самое себя зарѣзала. Трехъ бабъ чукчи унесли. Одна-то—по дорогѣ яръ у рѣки обвалился — подъ яръ залѣзла само въ глубину. Такъ вѣдь сколько копьями ни кололи, всю парченку ³⁾ испрокололи, а туту-то не могли угодить. Цѣлыя сутки тутъ прожили доставали и, да не могли достать, съ тѣмъ и попустились. Ну какъ они уѣхали, она вышла, пошла напрямъ, туда, гдѣ знала людей. А двухъ-то совсѣмъ увезли. Мужевья-то у нихъ були въ отлучкѣ, оба богатые. Вотъ воротились, бабъ нѣту, давай собирать выкупъ. Понакупили табаки ⁴⁾, а тѣ чукчи були на острову за промысломъ. Сѣли въ карбасъ, погребли. Гребли, гребли, пріѣхали на островъ. Одна баба, какъ увидѣла мужа, такъ и за слезы, другая отъ роду, безо вниманія. А между тѣмъ у обѣихъ но титешному робенку. Стали выкупать: такъ да саятъ, по сумѣ ли, какъ ли, на выкупъ и дали.

¹⁾ Куркаты—каркаты.

²⁾ Взаболъ—дѣйствительно.

³⁾ Парка—женская верхняя одежда.

⁴⁾ Табакъ—пачки табаку. Онѣ складываются въ трехпудовыя вьючныя сумы.

— Бабу то, говорить, отдадимъ, а ребятъ не отдадимъ.

Вотъ посадили бабу въ карбасъ, повезли. Такъ муженьки стоятъ на берегу, ребятъ на рукахъ держать. Какъ отгребли, первый-то и заволялъ, такъ себя по бедрамъ и хлопнулъ.— Ахъ, говорить, я дуракъ! На табакъ полстислся, а бабы лишился. Другу таку, а гдѣ наживу?

А другой только молчать, ничего ему...—Слушай, мамука!... Друга-то баба вѣдь трижды бѣгала къ чукчѣ своему, трижды ее врачивали. Третій разъ убѣжала, да такъ и пропала безъ вѣсти. То есть чукчи ее въ свою вѣру перешаманили ¹⁾).

Анадырской отъ городъ весь разворили, церковь изломали и крестъ на воду спустили, стойкомъ поплылъ. Отчего старики-то говорили, «что Анадырь еще возновится» и правда—вотъ теперь возновился. А тогда какіе булы пелены, утвари, все сюда назадъ вывезли! А городъ огъ зорили, какъ вѣдь уродовали юколу ²⁾, рыбу, кака была, всю на дворъ вынесли, измачкали. Фляги со жиромъ вынесли, вылили на землю, а пустыя фляги побросали, всю вѣдушку изничтожили. Потомъ люди, которые живые остались, цѣлну зиму голодомъ ходили.

6) Преданіе обрусѣлыхъ юнагировъ о нападеніи чукочъ на юнагирскіе поселки на устьѣ р. Омолона.

(Разсказано омолоновскимъ юнагиромъ Василиемъ Востряковымъ въ деревнѣ Колымской въ 1895 году).

Лѣтъ за сто було. Пришли чукчи въ байдарахъ. Русскіе деревни погромили. На Погромномъ крестѣ стоялъ, и того всего копьями испрокололи. Потомъ къ намъ пошли на Омолонъ. Байдары - то на берегу покинули. Стали горой обходить. Одна старушка вышла, слышитъ. Это по вороньему кричать, перекликаются. Смотритъ, а тамъ копья блестятъ на ратовьяхъ. Сказала людямъ. Жители сейчасъ это всю вѣду, припасы, юколы собрали, на корбасья склали, достальны-то корбасья продыроватили, глиной замазали, на берегу покинули. Сами уплыли въ Омолонъ. Пришли чукчи, видятъ: никто вѣту, корбасья на берегу стоятъ, сѣли въ корбасья, погребли; другіе-то къ байдарамъ вернулись, на нихъ выплыли. Тѣ, что на корбасьяхъ, тутъ потонули, а байдары вѣхали въ Омолонъ; на рѣкѣ-то у насъ быстеръ, борозду ³⁾ не знаютъ, всѣхъ пооприкидывало. Тутъ они и потонули всѣ.

В. Влго разз.

¹⁾ Русскіе утверждаютъ, что чукчи при помощи шаманства приворачиваютъ къ своей вѣрѣ сердца женщинъ, попавшихъ къ нимъ въ замужество.

²⁾ Особый родъ вяленой рыбы.

³⁾ Борозда—фарватеръ.

Н а г а й б а к и

(Крещенные татары Оренбургской губерніи).

О черкѣ.

Между многочисленными инородцами, населяющими Оренбургскую губернію, обитають нагайбаки, крещенные татары.

Въ 1842 году, въ виду усиленія района по такъ назыв. новой линіи крѣпостей въ Оренбургскомъ краѣ, были переселены казаки 3-го и 5-го кантоновъ, въ количествѣ 2877 душъ мужского пола. Изъ нихъ первые нагайбаки, станицы Бакаливской и Нагайбацкой ¹⁾, въ числѣ 1250 человекъ, основали между старой и новой линіями поселки: Кассель, Остроленко, Ферлампенуазъ, Парижъ, Требій, Краснокаменскъ и позже Астафьевскій въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи.

Нагайбаки ²⁾ зачислены въ казаки на основаніи Высочайшаго указа, даннаго на имя статскаго совѣтника Кириллова, 11 февраля 1736 года. Между ними до сего времени сохранилось преданіе, что они потомки арскихъ татаръ, крещенныхъ Іоанномъ Грознымъ, будто бы насильно, по завоеваніи имъ Казани.

Между тѣмъ документъ, сообщенный намъ однимъ изъ нагайбаковъ, передаетъ объ этомъ такъ: «Казань взята царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ 1-го октября 1552 года, тогда и ногаи окрестились, записались въ подушный окладъ и переселились на свободныя башкирскія земли въ Уфимской губерніи, гдѣ нынѣ Мензелинскій и Белебеевскій уѣзды. А какъ новокрещенные претерпѣвали отъ воровъ-башкирцевъ многое раззорѣніе, во время башкирскаго бунта 1735—1740 г., и при многихъ баталіяхъ оказали себя ревностными воинами за что, по именному указу Государыни Императрицы Анны Іоановны, изъ ясака исключены и служивыми быть опредѣлены и Ея Императорскимъ Величествомъ пожалованы за ихъ усердную службу и за

¹⁾ Нынѣ два села Белебеевскаго уѣзда—Бакала и Нагайбакъ.

²⁾ Старикова, Откуда взялись казаки. 1884 г.

перенесенное развореніе отъ воровъ-башкирцевъ вмѣсто жалованья землею, съ тѣмъ, чтобы они поселились на оставшихся пустыми послѣ бунтовавшихъ башкиръ земляхъ и именовались бы нагайбачными казаками и построили бы въ селѣ Бакалахъ и Нагайбакѣ двѣ деревянные церкви на свое иждивеніе». Въ числѣ крестившихся нагайбаковъ были татарскіе мурзы, которые послѣ крещенія удалились въ теперешнюю Уфимскую губернію и поселились въ селѣ Бакалахъ и деревнѣ Нагайбакѣ¹⁾. Встарину на этомъ мѣстѣ жили наган, здѣсь же кочевалъ башкиръ Нагайбакъ, по имени котораго и самая деревня (юртъ) стала называться Нагайбачкой. Здѣсь же жили башкирскіе бунтовщики Кусюмъ и сынъ его Акай. Впослѣдствіи въ составъ нагайбаковъ вошли выходцы изъ киргизскаго плѣна, которые явились въ Оренбургъ, приняли крещеніе и затѣмъ были отправлены на жительство въ крѣпость Нагайбачкую и ея окрестности. Выходцы изъ киргизскаго плѣна, которые зачислялись въ составъ нагайбаковъ, принадлежали къ различнымъ племенамъ. Позже, въ царствованіе императрицы Екатерины II, сюда же были включены плѣнные турки, арабы (Агабашевъ—медвѣжья голова, Карабашевъ—черноголовый, Араповъ). Всѣ они слились впослѣдствіи съ нагайбаками и образовали какъ бы особое племя.

До 1736 г. нагайбаки платили ясакъ въ казну и особый оброкъ башкирамъ за земли, которыми они пользовались. Въ этомъ году статскій совѣтникъ Кирилловъ, управлявшій Оренбургскимъ краемъ, на основаніи вышеприведеннаго Высочайшаго указа, записалъ нагайбаковъ въ казаки и отъ взимсканія съ нихъ ясака освободилъ, а оброчныя земли отдалъ въ ихъ собственное владѣніе на 50 верстъ во всѣ стороны отъ ихъ мѣста жительства. Затѣмъ правительство обязало ихъ отправлять казачью службу наравнѣ съ прочими казаками Оренбургскаго края.

Всѣхъ нагайбаковъ въ вышеупомянутыхъ семи поселкахъ, по свѣдѣніямъ станичныхъ правленій, считается 5138 душъ обоего пола, изъ нихъ мужскаго 2551 и женскаго 2564.

Казачьи поселенія Оренбургскаго войска со времени своего образованія носили различныя наименованія. Первоначально они значились подъ «нумерами», позже они назывались выселками, хуторами. При введеніи общественнаго управленія въ войскѣ, когда были учреждены станичныя правленія и поселковыя, эти поселенія получили названія поселковыхъ.

Въ нагайбачныхъ поселкахъ можно встрѣтить и русскихъ, съ которыми нагайбаки живутъ въ согласіи. Сосѣдей же киргизовъ они не долюбиваютъ, хотя ѣздятъ къ нимъ пить кумысъ и ѣсть маханъ (мясо). Въ первыхъ сильно развито коневодство, что немало препятствуетъ развитію здѣсь скотоводства.

¹⁾ Альметевы и Бектеевы ведутъ свой родъ отъ этихъ татарскихъ мурзъ.

Нагайбаки любятъ давать другъ другу прозвища. Фамиліи, какія они носятъ, произошли большею частью отъ татарскихъ именъ и названій, напр., Аптугановъ, Акиметевъ, Айдагуловъ, Альметевъ, Бектемировъ, Дюскинъ, Ишимовъ и т. д.

Нагайбакъ росту средняго, съ соразмѣрными частями тѣла, сложенія крѣпкаго и къ физическому труду способенъ. Очертанія лицъ нагайбаковъ настолько разнообразны, что не представляютъ общаго типа; за малымъ исключеніемъ они напоминаютъ великоросса.

Жилище и его принадлежности. Дома нагайбаковъ деревянные, незатѣйливой архитектуры и по наружному виду довольно опрятны; состоятъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ холодными сѣнями. Кухня выходитъ во дворъ; передъ сѣнями устраивается крытое крылечко, съ одной стороны котораго привѣшивается умывальникъ. Войдя въ кухню, вы увидите въ одномъ углу большую, глинобитную русскую печь, съ боку въ ней вмазывается чугунный котелъ (казанъ), въ которомъ варится ежедневная пища; противъ печи устраиваются нары (широкія скамейки), замѣняющія собой кровать. Въ лѣтнее время обѣдъ готовится на дворѣ, для чего гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ устраивается печь съ казаномъ. Вдоль стѣны кухни тянутся широкія лавки, составляющія вмѣстѣ со скамьею и столомъ всю мебель кухни; впрочемъ у стѣны около печи помѣщается залавокъ, придѣланный къ стѣнѣ, это родъ стола, внутри котораго сдѣланы полки, гдѣ хранятся съѣстные припасы и посуда. На залавкѣ хозяинка приготовляетъ кушанья.

Горница во многомъ отличается отъ кухни: на стѣнахъ красуются различныя картинки, представляющія замѣчательныхъ бывшихъ и современныхъ военныхъ дѣятелей, портреты Государя Императора и Императрицы. Въ углу около двери помѣщается бѣлая, какъ снѣгъ, голландская печь съ карнизами. Если въ домѣ есть сноха, то постель ея со множествомъ пуховиковъ и подушекъ помѣщается въ этой же горницѣ. Между оконъ на стѣнѣ помѣщается небольшое зеркало, задрапированное вышитымъ полотенцемъ. Въ праздники или когда соберутся гости, горница представляетъ изъ себя какъ бы домашнюю выставку: по стѣнамъ развѣшиваются лучшія полотенца, вышитыя чернымъ и краснымъ шелками (вышивки свидѣлствуютъ объ изящномъ вкусѣ и искусствѣ нагайбачекъ), вывѣшиваются также лучшія праздничныя одежды. Изъ иконъ особенно уважаемы Николая Чуд., Спасителя и Божіей Матери. Вообще въ домѣ нагайбаковъ царятъ чистота и аккуратность, въ противоположность другимъ инородцамъ, окружающимъ ихъ. Надворныхъ построекъ много. Скотъ во все время дня находится на «кардѣ», а вечеромъ пригоняется во дворъ.

Одежда мужчин нагайбаковъ не имѣетъ въ себѣ ничего характернаго; зимою въ праздничные дни носятъ овчинный, крытый сукномъ или другой матеріей, тулупъ съ чернымъ мерлушковымъ воротникомъ, а подъ нимъ короткое военное пальто (тужурка) или пиджакъ. На головѣ они носятъ черныя мерлушчатые шапки, на шеѣ пуховые шарфы. Обувь различная—по сезону: зимою надѣваютъ пимы, лѣтомъ сапоги, въ рабочее время лапти. Лѣтомъ богатые одѣваются въ военное казацке пальто изъ черминецкаго сукна, а то изъ камлота. На голову надѣваютъ фуражку съ кокардой. Одежда женщинъ представляетъ нѣкоторыя особенности. Рубашки носятъ татарскаго покроя изъ краснаго или сянго холста собственнаго издѣлія. Къ подолу пришиваются двѣ цвѣтныя оборки. Поверхъ рубашки надѣвается «жиланъ», шелковый или шерстяной, это родъ камзола съ рукавами или безъ рукавовъ. Передникъ служитъ дополненіемъ всего туалета. Праздничныя рубашки шьютъ изъ ситцу. Дѣвушки на головѣ носятъ бѣлый колпакъ съ серебряной бахромой, ниспадающей до самыхъ бровей; впрочемъ, онъ уже выходитъ изъ употребленія и замѣняется обыкновеннымъ платкомъ. Вообще одежда нагайбачекъ утрачиваетъ постепенно свою самобытность, по той причинѣ, что нагайбаки смѣшаны съ русскими; тамъ же, гдѣ они живутъ особнякомъ, одежда сохранилась прежняя.

По выходѣ замужъ, женщина надѣваетъ «сурака», это нѣчто въ родѣ русскаго кокошника, сплошь вышитый золотомъ; поверхъ сурака надѣвается круглый вышитый платокъ съ бахромой. Одно время мѣстное начальство запрещало носить этотъ головной уборъ, находя его почему-то безобразнымъ, но со стороны нагайбачекъ послѣдовалъ резовый протестъ; болѣе упорныя старушки носятъ сурака и до сего времени. Остальная верхняя одежда нагайбачихъ женщинъ та же, что и у русскихъ. Изъ украшеній, кромѣ колець, серегъ ¹⁾ и браслетовъ, онѣ носятъ ожерелья и нагрудники, сплошь унизанные крупными серебряными монетами стараго чекана, а дѣвушки надѣваютъ еще чашь-кабы—это длинная лента, шириною въ два вершка, унизанная, какъ и нагрудникъ, монетами; она покрываетъ всю косу. Въ общемъ нарядъ этотъ довольно красивъ и оригиналенъ.

Пища нагайбаковъ какъ въ праздники, такъ и въ будни не отличается особенно отъ пищи русскихъ. Национальное же и самое любимое кушанье ихъ «каймак» готовится слѣдующимъ образомъ: надоенное коровье молоко вечеромъ нагайбачка процѣживаетъ въ деревянныя ведра и оставляетъ въ нихъ до утра. Утромъ парное молоко смѣшиваетъ съ вечернимъ и выливаетъ въ казанъ (котелъ). Какъ только казанъ закипитъ, нагайбачка разливаетъ изъ

¹⁾ До переселенія серьги носили также мужчины.

него молоко въ деревянныя ведра и подвѣшиваетъ ихъ гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ. Къ слѣдующему утру молоко отстаивается въ видѣ толстой пѣны — это и есть каймакъ. Сюда же еще можно отнести чухонское масло, перемѣшанное съ фруктами, творогомъ и даже медомъ (замораживается). Въ общемъ нагайбаки любятъ смѣсь жирнаго съ сладкимъ. Пища во время угощенія гостей поражаетъ своимъ обиліемъ и разнообразіемъ, причемъ надлежащаго порядка при подаваніи блюдъ не соблюдается; такъ, напримѣръ, первымъ блюдомъ подается компотъ, а въ концѣ обѣда жирный супъ съ гусатиной, бараниной или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Изъ напитковъ болѣе всего употребителенъ квашенный медъ. Пьянство не сильно развито.

Бытъ и занятія. На земледѣліи и скотоводствѣ зиждется все благосостояніе нагайбака. Землю онъ пользуется на казачьихъ правахъ, и на каждаго изъ нихъ полагается по 30 десятинъ земли. Для посѣва землю не удобряютъ, искусственнаго орошенія не производится: «Богъ не дастъ урожая, такъ ничто не поможетъ», разсуждаетъ нагайбакъ, вслѣдствіе чего нерѣдко гибнетъ хлѣбъ отъ засухи, кобылки; ранніе морозы, которые начинаются здѣсь съ 15 августа, также немало способствуютъ этому. Развитію скотоводства много препятствуетъ бичъ Оренбургскаго края — конокрадство, практикуемое киргизами; но несмотря на это, каждый домохозяинъ старается развести какъ можно больше головъ скота; пастбища въ распоряженіи нагайбаковъ великолѣпныя. Огородничество за малымъ исключеніемъ не развито. Войсковое начальство взяло теперь на себя трудъ ввести послѣднее. О садоводствѣ не имѣютъ понятія, да оно и бесполезно при здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Звѣроловство ограничивается охотою на волковъ, лисицъ, зайцевъ и корсаковъ: на него смотрятъ скорѣе не какъ на промыселъ, а какъ на забаву. Нагайбаки ведутъ обширное хозяйство, несмотря на то, что военная служба постоянно отвлекаетъ ихъ отъ дома; кромѣ того для нихъ слишкомъ обременительна подводная повинность, т. е. обязанность бесплатно доставлять лошадей для проѣзда военныхъ чиновъ. Обмундировывается казакъ на свой счетъ. Жизнь его исполнена постоянныхъ трудовъ и заботъ, особенно въ лѣтнее рабочее время; онъ вѣчный труженикъ; лѣтомъ отъ зари до зари онъ на работѣ, дорожа не только днемъ, но и часомъ. Сельскохозяйственные продукты сбываются въ ближайшихъ уѣздныхъ городахъ.

Семейные нравы, обычаи и другія племенные черты. Женщины у нагайбаковъ находились прежде почти въ состояніи рабства, хотя и не въ такой степени, какъ у киргизовъ и татаръ; такъ, напримѣръ, невѣстка должна была надѣвать и снимать обувь всѣмъ домашнимъ. Теперь же, благодаря проникшему къ нимъ просвѣщенію, женщины пользуются уваженіемъ.

Въ полевыхъ работахъ и дома по хозяйству она не уступаетъ мужчине въ силѣ и трудолюбіи. Женившись, братья долго вмѣстѣ не живутъ,—отдѣляются и заводятъ свое хозяйство. Женятся нагайбакъ довольно рано, не выходя однакожъ изъ предѣловъ законнаго возраста. Выбираетъ молодой человѣкъ невѣсту самъ, чему родители нисколько не препятствуютъ.

Прежде у нихъ былъ обычай похищенія невѣсты. Дѣвушка никуда безъ провожатаго выйти не могла, потому что ее выслѣживали и ждали удобнаго случая, чтобы схватить и увести ее. Если родители въ тотъ же моментъ догадывались о случившемся, бросались въ погоню и отнимали дѣвушку. Позже сами дѣвушки убѣгали, условившись предварительно съ женихомъ или сообщали секретно свое намѣреніе родителямъ; но всѣ эти обычаи, дѣтъ съ 50, какъ уже исчезли. Въ настоящее время молодой человѣкъ, полюбивъ дѣвушку, старается прежде всего достигнуть ея взаимности и, въ случаѣ успѣха, заявляетъ своимъ родителямъ о желаніи жениться. Послѣдніе выбираютъ свата или сваху и посылаютъ въ домъ избранной дѣвушки. Придя къ родителямъ дѣвушки, сваха повелительнымъ тономъ восклицаетъ: «посадите меня на подушки, подъ ноги дайте пенець». По этимъ словамъ уже узнаютъ о цѣли ея визита, и желаніе ея немедленно удовлетворяется. Затѣмъ, сваха начинаетъ перечислять достоинства жениха и при этомъ незамѣтнымъ образомъ распарываетъ подъ собой подушку; это продѣлывается для того, чтобы невѣста скорѣе соглашалась. Отецъ семейства благодаритъ за вниманіе, оказанное его дочери, и на первый разъ отказываетъ свахѣ, ссылаясь на какія-либо обстоятельства, оправдывающія его отказъ. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ дѣло улаживается, и отецъ проситъ къ себѣ родителей жениха, чтобы условиться относительно калыма (плата за невѣсту) и подарковъ (съ жениховой стороны). Въ день бракосочетанія, женихъ, въ сопровожденіи своей матери, свахи и шафера, отправляется въ домъ невѣсты. При входѣ въ избу, онъ дальше «матицы» не долженъ проходить. Будущая теща встрѣчаетъ его и усаживаетъ на подушку ¹⁾, причемъ обѣщаетъ подарить овцу или жеребенка; затѣмъ, ставитъ на столъ большую кадку съ масломъ, беретъ оттуда масла и мажетъ ему голову, приговаривая: «будь такъ же сладокъ и мягокъ для своей жены, какъ сладко и мягко это масло». Вслѣдъ за симъ на столъ подается каша, и родители невѣсты требуютъ калыма, или, иначе говоря, выкупа за невѣсту, и уже по полученіи его ѣдятъ кашу. Женихъ разливаетъ вино, привезенное имъ, и угощаетъ подругъ невѣсты. Послѣ обѣда вся эта веселая компанія, во главѣ съ женихомъ и невѣстой, отправляется съ пѣснями кататься по поселку. По возвращеніи домой, начинается приго-

¹⁾ Знакъ особой почести.

товленіе невѣсты къ вѣнцу. Родители благословляютъ дочь и ея нареченнаго жениха. Во время совершенія бракосочетанія, новобрачные незамѣтно спускаютъ себя подъ ноги по серебрянной монетѣ, желая этимъ обезпечить за собой въ будущемъ супружескую любовь. Изъ церкви молодыхъ встрѣчаютъ на дворѣ съ иконой и хлѣбомъ-солью, при этомъ всѣ присутствующіе на свадьбѣ становятся въ одинъ рядъ. Получивъ отъ родителей благословеніе, молодые отбѣдываютъ хлѣба (за все это время новобрачная стоитъ съ покрытой головой). Послѣ этого заранѣ приглашенный мальчикъ подходитъ къ новобрачной и бренчитъ передъ ней три раза уздой; новобрачная каждый разъ дотрагивается до узды рукой и даритъ затѣмъ мальчику полотенце; всѣ входятъ въ домъ, молодые проходятъ за перегородку ¹⁾. Провожатая невѣсты призываетъ маленькаго мальчика и, давъ ему въ обѣ руки стрѣлы (охотничьи), беретъ его за руки и открываетъ такимъ образомъ лицо молодухи, закрытое шалью, спрашивая: «такъ ли?» Отвѣтивъ сама же: «не такъ!», она снова закрываетъ лицо новобрачной и, продѣлавъ это до трехъ разъ, говоритъ наконецъ: «такъ?» и окончательно открываетъ лицо молодухи, послѣ чего послѣдняя уже не закрывается. Тутъ же подходятъ поздравлять молодыхъ и дарятъ молодую деньгами. По выполненіи всѣхъ этихъ обрядовъ, начинаютъ пировать. Тѣмъ временемъ виновница торжества, въ сопровожденіи другихъ женщинъ—родственниковъ мужа, отправляется на рѣку, какъ бы узнать, куда ходятъ за водой. Зачерпнувъ воды, она возвращается домой и этой водой, называемой у нагайбаковъ «сытой», поитъ всѣхъ гостей, которые снова дарятъ ей деньги. По окончаніи пира, когда гости собираются расходиться по домамъ, новобрачные, а также сестры и братья молодого нарочно задерживаютъ ихъ; гости же, не желая долѣе оставаться, откупаются деньгами.

Приданое невѣсты привозится черезъ нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ спустя послѣ вѣчанія, такъ что молодые до этого времени пользуются обстановкой своихъ родителей. Приданое привозится въ Покровъ Пр. Богородицы, въ Троицынъ день или вообще въ большіе праздники; тогда только и начинается торжество, а все вышесказанное еще не есть свадьба.

Въ означенный день, по приглашенію родителей невѣсты, родственники и гости начинаютъ съѣзжаться въ лучшихъ повозкахъ, и затѣмъ весь полѣздъ распределяется такъ: впереди ѣдетъ «аргышъ» (вожакъ), за нимъ везутъ постель молодухи и все приданое, вслѣдъ за ними ѣдетъ деверь ея съ женой и т. д. На постель сажаютъ двухъ мальчиковъ. На встрѣчу этому полѣзду въ домъ свата выходятъ съ хлѣбомъ-солью и пивомъ. Затѣмъ, шаферъ жениха начинаетъ торговать постель у мальчиковъ, сидящихъ на ней; по-

¹⁾ Входя въ домъ, новобрачная вѣшаетъ на гвоздь полотенце, желая обрѣсти здѣсь счастье.

сѣдніе запрашиваютъ нѣсколько тысячъ рублей, торгуются и, наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ соглашаются на нѣсколькихъ копѣйкахъ. Все приданое вносятся въ домъ. За столъ гости садятся по старшинству. Въ это время старшая невѣстка развѣшиваетъ въ комнатѣ полотенца, занавѣски молодой, при чемъ проситъ дать ей серебряные и мѣдные гвозди и получаетъ деньги. Послѣ этого всѣмъ родственникамъ молодого раздаются подарки. На другой день всѣ бывшіе на свадьбѣ зазываютъ къ себѣ молодыхъ и дарятъ имъ домашнихъ животныхъ. Затѣмъ гости опять приглашаются въ домъ тестя, послѣ чего начинаютъ ходить изъ дома въ домъ по очереди другъ къ другу, и пиръ шумный, веселый, въ казачьемъ духѣ, продолжается еще нѣсколько дней. Нигдѣ, кажется, не уничтожается столько водки, сколько здѣсь на свадьбѣ: у бѣдныхъ отъ 5 до 10 ведеръ, у богатыхъ отъ 10—20 ведеръ.

Дѣтей своихъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, нагайбаки отдають въ школы, гдѣ преподаются слѣдующіе предметы: Законъ Божій, чтеніе и письмо, ариметика и для мальчиковъ строевая часть. Наряду съ строевымъ образованіемъ они обучаются военнымъ пѣснямъ; имъ также рассказываютъ событія изъ боевой жизни. Учителя изъ мѣстныхъ нагайбаковъ или присылаются изъ татарской учительской или крещено-татарской школы въ Казани. Главный интересъ школы состоитъ въ обученіи дѣтей русскому языку. Съ дѣтьми нагайбаки ласковы, а тѣ, въ свою очередь, уважаютъ своихъ родителей.

На службѣ и въ частной жизни нагайбаки отличаются неподкупной честностью и покорностью властямъ. Они преданы царю, и это вошло въ сознаніе каждаго изъ нихъ. На войнѣ отличаются храбростью, что видно изъ того, что между ними много георгіевскихъ кавалеровъ. Нагайбакъ рѣдко измѣняетъ данному слову. Въ общемъ онъ способенъ, понатливъ, темперамента хотя и горячаго, но отъ природы добръ и уступчивъ; въ основѣ его характера—мягкость, гибкость; онъ не мститель, но постоять за свою честь въ случаѣ надобности умѣетъ; въ нагайбакѣ, повидимому, простоватомъ, кроется неукротимая воля и сильная энергія. Отличительная же черта въ характерѣ женщинъ—скромность; большинство изъ нихъ очень застѣнчивы.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ молодежь обоего пола предается разнаго рода играмъ и забавамъ; въ вечернее время поетъ пѣсни, водить игры и хороводы. Съ наступленіемъ осеннихъ темныхъ вечеровъ хороводы и игры прекращаются, на смѣну имъ являются «вечерки», куда дѣвушки собираются съ руководѣлими. Сборнымъ мѣстомъ у нихъ бываетъ домъ какой-нибудь бѣдной вдовы или бездѣтной старушки. Сюда являются молодые пары, прошеные и непрошеные, повеселиться.

Дѣвушки на рождественскихъ святкахъ гадаютъ; болѣе всего употре-

бителинъ слѣдующій родъ гаданія: изъ собравшейся молодежи выбираютъ двухъ дѣвицъ, наблюдая при этомъ, чтобы онѣ были младшими въ семьѣ, и чтобы родители ихъ были живы; затѣмъ, отправляютъ ихъ на рѣку за водой. Почерпнувъ воды, онѣ опускаютъ въ ведро мѣдную монету: если она ляжетъ на днѣ орломъ вверхъ, значитъ, урожай хлѣба въ предстоящемъ году будетъ хорошій. Потомъ принесенную воду ставятъ на столъ, и каждая изъ дѣвушекъ, загадывая что-нибудь про себя, опускаетъ въ ведро перстень; затѣмъ, одна изъ дѣвицъ начинаетъ разбалтывать рукой воду и поетъ короткій куплетъ святочной пѣсни ¹⁾; пропѣвъ, она вынимаетъ изъ ведра перстень и отдаетъ обладательницѣ его; послѣдняя, по смыслу пропѣтаго куплета, уже догадывается объ ожидающей ее судьбѣ. Гаданіе это продолжается до полночи.

Масляница — самый разгульный зимній праздникъ, и въ немъ участвуютъ всѣ безъ различія пола и возраста. Молодежь катается по поселку съ пѣснями, причемъ поютъ очень протяжно и ѣздить шагомъ. Затѣмъ, они собираются на площадь и сваливаютъ другъ друга на снѣгъ; игра эта продолжается всю масляницу.

Случаевъ, когда нагайбаки устраиваютъ попойки, много, но самые выдающіеся изъ нихъ: свадьбы, крестины, храмовые праздники, проводы казака на службу и весеннія скачки.

Проводы казаковъ-нагайбаковъ въ службу сопровождаютъ особыми обрядами. Казакъ, отправляющійся на службу, въ самый день отъѣзда ставитъ передъ иконами свѣчку, затѣмъ беретъ цѣлый коровѣй хлѣба и, срѣзавъ горбушку, отдаетъ ее семейнымъ, а себѣ отдѣляетъ небольшой ломтикъ и тутъ же съѣдаетъ его; горбушка же должна сохраняться его семейными въ особомъ сундукѣ до возвращенія казака со службы. Съѣвъ ломтикъ хлѣба, казакъ кладетъ передъ иконами три земныхъ поклона, потомъ кланяется въ ноги отцу, матери и другимъ старшимъ членамъ семьи. Всѣ выходятъ во дворъ, затѣмъ казанъ три раза кланяется въ ноги своему коню, боевому товарищу по службѣ; потомъ, перекрестясь, садится на него и при выѣздѣ со двора три раза ударяетъ нагайкой о ворота. На улицѣ онъ слѣзаетъ съ лошади и прощается съ родными и знакомыми, которые тѣсно обступаютъ его съ пожеланіемъ благополучнаго возврата домой. Наконецъ, казакъ беретъ за поводъ лошадь и идетъ съ ней за околицу, и съ нимъ вмѣстѣ и вся остальная толпа. Дѣвушки поютъ ему при этомъ прощальную пѣсню. Приводимъ ее въ переводѣ.

1.

Пришло время вспрыгнуть на коней,
Вотъ видѣется Гунбейская переправа:

¹⁾ Нѣкоторыя дѣвушки знаютъ около сотни этихъ пѣсень.

Таковы ужъ дѣла и обстоятельства моего сына,
Что ему надлежитъ уйти, покинувъ свою родину!..

2.

На вершинѣ Бѣкейской горы
Лежатъ блистая драгоцѣнные камни...
Лебеди летать, но не достигаютъ того мѣста,
Куда уходятъ, говорятъ, казацкія головы (т. е. казаки).

3.

Луна—наверху, мы—внизу.
Развѣ можно догнать луну?
Ужъ не поѣхать-ли намъ вмѣстѣ, вмѣстѣ!
Что мы станемъ дѣлать въ разлукѣ?

Проводы эти имѣютъ видъ довольно торжественный.

Великій праздникъ Пасхи ознаменовывается скачками и джигитовкой. Въ послѣдней участіе принимаютъ не только молодые парни, но и подростки. Джигитовать—значитъ дѣлать всевозможныя эволюціи на лошади: джигить становится на перекинутыя крестъ-на-крестъ стремяна и скачетъ стоя, скачетъ кверху ногами, держась руками за стремяна или за сѣдло или виситъ на одной сторонѣ лошади, стараясь на полномъ карьерѣ поднять съ земли какой-нибудь предметъ. Посадка нагайбака на лошади чрезвычайно красива, какъ и у всѣхъ казаковъ вообще; нагайбакъ ѣздитъ на короткихъ стремянахъ; на рыси онъ становится на стремяна и такъ низко наклоняется иногда, что голова его почти касается шеи лошади; но когда ѣдетъ шагомъ или галопомъ, составляющимъ обыкновенный аллюръ, онъ держится прямо.

Къ рыпарскимъ упражненіямъ нагайбаковъ можно еще отнести борьбу: при многочисленной толпѣ зрителей двое изъ присутствующихъ выходятъ на середину, снимаютъ верхнюю одежду, затѣмъ обхватываютъ другъ друга, пригибаются къ землѣ то въ ту, то въ другую сторону, стараясь при этомъ повалить противника на землю. Зрители между тѣмъ подзадариваютъ борющихся, выражаютъ одобреніе или осыпаютъ насмѣшками, приходя сами въ то же время въ сильное возбужденіе. Наконецъ, одинъ изъ борющихся, при общемъ хохотѣ окружающихъ, сконфуженный, падаетъ на землю. Поднимается шумъ, восклицанія, слышатся упреки, одобренія и бой оканчивается.

Въ свободное время нагайбаки сидятъ группами на завалинкахъ; женщины всегда съ руководіемъ. Отдѣльно отъ нихъ ведутъ бесѣду сѣдобородые старички и, покуривая коротенькія трубки, вспоминаютъ про былые походы. Въ поселковомъ правленіи часто у казаковъ-нагайбаковъ бываютъ сходки, гдѣ предсѣдательствуетъ поселковый атаманъ. На сходкѣ атаманъ объявляетъ

распоряженія начальства относительно чьей-либо жалобы или дѣлежа луговъ или же рѣшаютъ свои частныя дѣла. Въ поселковомъ правленіи и вѣдѣ оффиціальной сходки всегда бываетъ толпа народа: это для нихъ клубъ своего рода; здѣсь ведутся оживленные споры о чемъ-нибудь, долетаютъ сюда и газетныя новости, причемъ къ новостямъ политическимъ выказывается особенный интересъ.

Въ нагайбакахъ сильно развито гостепріимство и простирается оно на всѣхъ, кромѣ прожорливыхъ киргизовъ. «Если посадить его за столъ, онъ и салфетки всѣ съѣстъ», говорятъ они про него, и, кажется, не ошибаются. Какъ только въ избу зашелъ «кунакъ» (гость), нагайбачка тотчасъ накрываетъ столъ скатертью и ставитъ на него хлѣбъ съ каймакомъ. Гости за столомъ сидятъ чинно, похваливаютъ поданныя кушанія и много не ѣдятъ. Женщины церемонятся больше всего. Прежде былъ обычай, вставъ изъ-за стола, отдавать хозяевамъ по низкому поклону; теперь обычай этотъ утратился.

Въ нагайбакахъ развито и эстетическое чувство, и они не лишены поэтическаго дара. Любимыя изъ музыкальных инструментовъ у нихъ гусли, на которыхъ они играютъ артистически. Характеръ ихъ пѣсенъ болѣею частью заунывный; въ нихъ слышится тоска по утраченной милой родинѣ, откуда они были переселены. Въ этихъ пѣсняхъ напрасно искать возвышенныхъ мыслей, выраженныхъ въ изящной формѣ. Нагайбакъ плохо знаетъ свой языкъ, которому никогда правильно не обучался. Главную роль въ его стихахъ играетъ рифма, и, сочиняя пѣсню, онъ болѣе имѣетъ въ виду приготовленную заранее мелодію. Въ пѣсняхъ болѣе всего воспѣваютъ любовь и природу.

Содержаніе же сказокъ нагайбаковъ наивно-пошлое. Приведемъ одинъ образчикъ изъ ихъ анекдотовъ: «Жили были мужъ да жена. Мужъ занимался ловлею рыбы, а жена ничего не дѣлала и крайне была лѣнива. Мужъ, наловивъ рыбы, приносилъ домой и отдавалъ женѣ чистить; она же, чтобы свалить съ себя эту обязанность, отдавала чистить кошку; та каждый день рыбу съѣдала, а хозяйка терпѣлась въ догадкахъ,—куда дѣвается рыба. Наконецъ, мужъ, выйдя изъ терпѣнія, взялъ пруть и сталъ лупить кошку; послѣдняя бросилась къ хозяйкѣ и начала ей царапать руки.—Отпустимъ ее, говоритъ жена. — А зачѣмъ она съѣдаетъ рыбу, вѣдь я не для нея тружусь—отвѣчаетъ мужъ. И каждый разъ, какъ онъ начинаетъ бить кошку, она испарываетъ руку хозяйки до крови. «Э! подумала она, что же я сама до сихъ поръ не чистила рыбу», и просила мужа не бить кошку. И съ той поры хозяйка уже всегда сама чистила рыбу».

Татарскій языкъ, на которомъ нагайбайки говорятъ, не литературный, а народный, употребляющійся только для выраженія житейскихъ нуждъ. Чужихъ

вліяній на ихъ нарѣчїи не замѣтно. Манера говорить у нагайбаковъ очень живая.

Во время болѣзни нагайбаки обращаются къ фельдшерамъ, хотя и не особенно довѣряютъ имъ. Послѣдніе, обучаясь фельдшерскому искусству, преимущественно проходятъ научно-теоретическій курсъ по книгамъ и безъ практической подготовки назначаются въ станицы. Здѣсь, находясь по нѣскольку лѣтъ въ удаленіи отъ войскового врача, они не могутъ пріобрѣсти практическихъ познаній на столько, чтобы самостоятельно и съ успѣхомъ продолжать лѣченіе. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ является недоувѣріе со стороны населенія къ рациональной медицинѣ. Эти же причины, въ связи съ природнымъ суевѣріемъ и невысокой степенью умственного развитія казачьяго населенія, заставляютъ его для излѣченія своихъ недуговъ обращаться большею частью къ знахарамъ и знахаркамъ, которые съ успѣхомъ отправляютъ своихъ пациентовъ прежде времени въ праотцамъ. Между прочимъ, если болѣзнъ, по мнѣнію знахарки, произошла отъ прикосновенія бѣсы, то она спрыскиваетъ больного водой, пошептавъ предварительно надъ ней; если отъ покойника—велитъ печь прѣсныя алады, а если болѣзнъ причинилъ водяной, то въ рѣку спускаютъ щепотку крупы и соли. Но общеупотребительныя средства, какъ то: отвары ромашки, звѣробоя, богородской травы, репейнаго корня, а также нашатырь, синій купоросъ, мышьякъ, сулема здѣсь въ большомъ употребленіи. Кликунъ, или нервно больныхъ, между нагайбачками положительно никогда не бываетъ; надъ подобными больными изъ русскихъ онъ даже смѣется.

Основаніемъ разныхъ предразсудковъ и суевѣрій въ здѣшнемъ населеніи служить, какъ и вездѣ, главнымъ образомъ невѣжество, а отсюда склонность безсознательно вѣрить всякой небылицѣ, передаваемой изъ рода въ родъ за непреложную истину.

Лѣтъ сто тому назадъ у нагайбаковъ былъ слѣдующій обычай: въ одинъ изъ весеннихъ дней нагайбачка варила кашу, и въ тотъ день въ домѣ должны были царить миръ и спокойствіе; татаръ и русскихъ въ домѣ быть не должно. Затѣмъ, двѣ женщины, надѣвъ чистое бѣлье и положивъ кашу въ двѣ посуды, съ зажженной восковой свѣчой спускались въ подполъ и, кланяясь въ поясъ воображаемому домовому, просили его, чтобы онъ молился Богу за нихъ и чтобы самъ онъ отвратилъ отъ нихъ въ этомъ году всѣ бѣды. Сказавъ такую рѣчь, онъ несли кашу обратно и семейные тутъ же ее сѣдали, причемъ молиться Богу послѣ стола въ этомъ случаѣ запрещалось. Затѣмъ въ эту же ночь нагайбачка съ кашей и прѣсными лепешками отправлялась на рѣку и, обращаясь къ рѣкѣ, вела слѣдующую рѣчь: «отецъ водяной и красавица водяная, примите отъ меня даръ сей и оградите домъ мой въ этомъ году отъ опасности»! Съ той же молитвой она обращалась

къ Богу и, поклонившись въ поясъ по направленію къ рѣкѣ, спускала принесенную кашу и лепешки въ воду. При возвращеніи домой, оглядываться нельзя. Все вышесказанное женщинами продѣлывалось съ благоговѣніемъ и тайно отъ другихъ. Точно такъ же нагайбачка входила съ кашей въ конюшню, гдѣ на привязи стояла лошадь, и опускала стряпню вту въ ясли; затѣмъ, поставивъ передъ блюдомъ свѣчку, низко кланялась и, шепча, къ кому-то обращаясь, молитвы, просила, чтобы скотъ въ этомъ году оставался цѣлъ и невредимъ и чтобы лошади были такъ же крѣпки, какъ сталь; при послѣднихъ словахъ, она гдѣ-нибудь въ углу конюшни зарывала кусочекъ стали и, опять низко кланяясь,—удалялась.

Нагайбаки вѣрятъ въ безсмертіе души, хотя яснаго представленія объ адѣ и раѣ не имѣютъ; впрочемъ, склонны представлять себѣ рай въ видѣ прекраснаго сада, а адъ, какъ огненное море, гдѣ во всевозможныхъ видахъ мучатся грѣшники. Подобному представленію о загробной жизни много способствуютъ лубочныя картины, такъ распространенныя у насъ на Руси.

Похороны совершаются по христіанскимъ обрядамъ. Причитать и выть по покойникѣ не принято и даже считается неприличнымъ; вообще въ характерѣ и поступкахъ нагайбача замѣтна большая выдержка. По окончаніи похоронъ, всѣ присутствующіе на нихъ приглашаются на поминки. За столомъ гости размѣщаются, какъ и всегда, по старшинству или по важности занимаемаго положенія въ обществѣ. Прежде всѣхъ блюдъ подаются холодныя блины съ медомъ. Пить водку на поминкахъ считается предосудительнымъ. Вечеромъ, послѣ похоронъ, въ домъ умершаго приглашаются дѣвушки. Онѣ садятся около опустѣвшей постели умершаго и, какъ бы вспоминая его, поютъ заунывныя, плачевныя пѣсни. По праздникамъ, для поминкованія усопшаго на могилу его родственники приносятъ пищу; послѣдній обычай перенять, по всей вѣроятности, отъ русскихъ.

На умственное и религіозное состояніе нагайбаковъ имѣетъ вліяніе не столько жителство близъ русскихъ, сколько школа и церковь. Въ вѣрованіяхъ нагайбаковъ замѣтна смѣсь понятій азыческихъ съ христіанскими ¹⁾. Въ перечисленныхъ вначалѣ семи поселкахъ склонности къ магометанству не замѣтно, за исключеніемъ поселка Требій, о которомъ будетъ сказано дальше. Нагайбаки носятъ на груди крестъ, за столъ садятся не молясь, соблюдаютъ воскресные и праздничные дни, постѣщаютъ, хотя и не часто, церковь, исполняютъ многіе христіанскіе обряды и въ то же время не соблюдаютъ постовъ, установленныхъ св. церковью. Ученіе христіанской вѣры нагайбаки мало понимаютъ и видятъ въ ней лишь одни внѣшніе обряды безъ пониманія ихъ духовнаго

¹⁾ Нагайбаки, проживая въ Баканахъ, имѣли, должно быть, сношенія съ черемисами и чувашами.

смысла. Преданіе нагайбаковъ гласитъ, что они были крещены насильно, даже при содѣйствіи орудій пытки. Что они были крещены дѣйствительно посильно, безъ руководителей, которые постепенно внушали бы имъ истины христіанской религіи—слишкомъ очевидно, а что касается орудій пытки, то это было въ духъ временъ Іоанна Грознаго. Всякій знаетъ, какъ трудно склонить магометанина къ какой-либо вѣрѣ. Но что болѣе всего могло отталкивать нагайбаковъ отъ христіанства, такъ это не высокій нравственный уровень первыхъ проповѣдниковъ его въ нѣкоторыхъ поселкахъ. Когда эти пастыри церкви были замѣнены впослѣдствіи лучшими, незнаніе русскаго языка (въ особенности женщинами), съ одной стороны, и татарскаго, съ другой—послужило новымъ препятствіемъ къ ихъ сближенію съ обрацаемыми въ христіанство. Индифферентное отношеніе нагайбаковъ къ вопросамъ непонимаемой ими религіи охлаждало первоначальный пылъ священниковъ, и пастыри и новокрещенные были чужды другъ къ другу. И до сихъ поръ нагайбаки рассказываютъ нѣкоторые курьезные случаи изъ того времени. Напр., робкая нагайбачка, идя къ исповѣди, не знала, зачѣмъ ее сюда позвали; затѣмъ, вопросы на ломанномъ татарскомъ языкѣ и наивные отвѣты нагайбачекъ обнаруживали полное непониманіе или значенія исповѣди.

Въ 1880 году нагайбаки впервые услышали, наконецъ, богослуженіе на татарскомъ языкѣ. Радостно вострепнулись они, услышавъ впервые на своемъ родномъ языкѣ содержаніе своей вѣры, обрядамъ которой они до сихъ поръ слѣдовали безсознательно, съ тупою покорностью. Интересъ религіозный между ними возбудился. Они увидали, наконецъ, что обряды и таинства имѣютъ глубокий смыслъ.

Около этого же времени въ школахъ и всюду стали являться въ большомъ количествѣ священныя книги, переведенныя на татарскій языкъ профессоромъ казанской духовной академіи Ильминскимъ. Грамотные изъ нагайбаковъ живо заинтересовались этими книгами, которыя стали переходить изъ рукъ въ руки; распространенію этихъ переводовъ много способствовали, конечно, ученики мѣстныхъ школъ.

Богослуженіе на татарскомъ языкѣ совершило чудо: то, чего не могли достигнуть въ три столѣтія, совершилось въ какія-нибудь 15 лѣтъ. Нагайбаки толпами идутъ въ церковь и прежняя, отображавшаяся скука на ихъ лицахъ во время богослуженія, замѣнилась теперь слезой умиленія.

Священниками теперь состоятъ уроженцы изъ нагайбаковъ и въ мѣстномъ населеніи пользуются большимъ уваженіемъ. Проповѣди въ церквахъ слушаются нагайбавскими христіанами съ напряженнымъ вниманіемъ, и каждый, придя домой, передаетъ смыслъ ея тѣмъ изъ членовъ семьи, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ не могли быть въ церкви. Особенно привле-

кательно для нихъ пѣніе церковныхъ пѣсней на родномъ языкѣ. Пѣніе отличается стройностью, выдержанностью и производитъ сильное впечатлѣніе на молящихся.

Но все вышесказанное относится только къ тѣмъ поселкамъ, гдѣ есть церковь, и гдѣ богослуженіе совершается на татарскомъ языкѣ, а въ остальныхъ, гдѣ ничего подобнаго нѣтъ—все остается по прежнему.

Въ настоящее время одинъ только поселокъ Требій открыто отпалъ отъ христіанства: жители его объявили себя магометанами. Исключительную склонность Требійцевъ къ магометанству можно объяснить тѣмъ, что, проживая въ Белебеенскомъ уѣздѣ, они были окружены татарами. Кромѣ того, съ переходомъ въ христіанство они, по всей вѣроятности, были не въ силахъ отречься совершенно отъ прежней религіи, которая такъ овладѣла ихъ умами и воображеніемъ. Церковь въ Требій построена недавно. Священникъ не подготовленъ къ миссіонерскому служенію, а для того, чтобы бороться съ совратившимися, необходимо знать существо магометанской вѣры, убѣдительнаго опроверженія которой онъ, во всякомъ случаѣ, едва ли можетъ представить. Онъ въ ихъ глазахъ не авторитетное лицо¹⁾: «вѣдь самъ не больше нашего знаемъ»,—говорятъ ему требійцы. Если священникъ и озабочивается насчетъ утвержденія ихъ въ христіанствѣ, то все стараніе его обращается теперь на внѣшность: чтобы ходили въ церковь, совершали требы и т. д., потому что обратить ихъ вниманіе на существенныя стороны религіи онъ хотя и старался, но безуспѣшно: темные казаки подчинились произволу татарскихъ муллъ. Между тѣмъ, поселковый атаманъ угрозами заставляетъ ихъ крестить дѣтей. Это еще болѣе ожесточаетъ совратившихся. На отступленіе этой горсти людей отъ прав. вѣры высшее духовенство смотритъ сквозь пальцы, резонно предоставляя времени ихъ воссоединеніе съ христіанскою церковью.

Калмыковъ нагайбаки не любятъ и, зная ихъ привычку питаться падалью, смотрятъ на нихъ съ отвращеніемъ.

Переселившись на новыя мѣста, нагайбаки, въ особенности женщины, сильно тосковали по прежней—богатой природой—родинѣ: приходи съ ведрами за водой, нагайбачки садились на берегу рѣки и горько плакали. Кругомъ казаковъ кочевали киргизы, а угнать чужой табунъ считалось у нихъ особымъ доказательствомъ удалства. Впрочемъ, въ отношеніяхъ нагайбаковъ съ киргизами не замѣтно особенной вражды. Степная жизнь послѣднихъ въ грязныхъ кибиткахъ—крайне непривлекательна для взора нагайбаковъ, и нѣтъ между ними ничего общаго, что могло бы сдружить или сблизить ихъ между собой.

¹⁾ Требійскій священникъ—бывшій казакъ ихъ поселка.

Башкиры живутъ у нихъ большею частью въ работникахъ. На башкиръ нагайбаки смотрятъ съ пренебреженіемъ, почти не считая ихъ за людей.

Къ русскимъ казаки относятся съ уваженіемъ, не считая однако себя ниже ихъ. А первые, въ свою очередь, смотрятъ на нагайбаковъ свысока; послѣднее происходитъ отъ привычки русскаго человѣка не любить все то, что не русское.

До переселенія у нагайбаковъ былъ обычай, по которому дѣвушка по выходѣ замужъ долгое время не могла говорить со свекромъ, свекровью и старшими изъ мужиной родни. Наконецъ, они сами просили ее разговаривать съ ними и, притомъ, поднося ей монету, спрашивали: «серебро или золото»? Она должна была дать отвѣтъ, и съ этого времени ей уже разрешалось говорить съ ними.

Нагайбаки во время званныхъ обѣдовъ предлагаютъ тосты, и каждый, обращаясь къ тому, за чье здоровье онъ хочетъ пить, поетъ ему застольную пѣснь, наблюдая притомъ, чтобы слова пѣсни подходили къ характеру воспѣваемого.

Переселяя нагайбаковъ изъ Белебеевскаго уѣзда, правительство предоставило имъ самимъ право выбирать мѣстожителство въ краѣ. Большая половина ихъ образовала выше переименованные семь поселковъ, а оставшая часть разсѣялась по русскимъ казачьимъ селеніямъ—ближе къ Оренбургу ¹⁾. Эти послѣдніе, поселившись въ русскихъ поселкахъ, совершенно утратили свои природные обычаи, одежды и пр., но сносясь съ татарами въ Оренбургѣ, они отчасти, хотя и тайно, предались магометанству. Такъ какъ въ этихъ поселкахъ русскихъ больше, то и богослуженіе въ церквахъ совершается на славянскомъ языкѣ. Большинство здѣшнихъ нагайбаковъ—христіане только номинально, но старательно скрываютъ это отъ русскихъ. Овещенникамъ мѣстные казаки оказываютъ почтеніе, но если пристальнѣе всмотрѣться въ отношеніе ихъ къ своему іерее, то подъ маской угодливости нельзя не замѣтить въ нихъ холодно-жестокую уступчивость необходимости и совершенное отсутствіе искренности. Они склонны къ магометанству, а сами ровно ничего не понимаютъ въ этой религіи, и не пристали, какъ говорится, ни къ вашимъ, ни къ нашимъ. Изъ обычаевъ, утратившихъ свою самобытность, у здѣшнихъ казаковъ сохранился только одинъ: празднованіе «курбанъ-байрамъ». Въ этотъ день нагайбаки ѣздятъ въ поле и совершаютъ тамъ нѣчто вродѣ жертвоприношенія. Для этого въ поле приглашается татаринъ, который продолжительное время читаетъ молитвы и вакалываетъ барана. Затѣмъ, это жертвенное мясо варятъ

¹⁾ Нѣженскомъ, Ильинскомъ, Подгорномъ, Гирьялѣ и Алабайталѣ.

въ котлахъ и съѣдаютъ. Все это дѣлается незамѣтнымъ образомъ отъ русскихъ. Сюда даже приглашается священникъ служить молебень. Татаринъ же колеть барана, прѣхавъ на мѣсто еще наканунѣ, и, сдѣлавъ свое дѣло, поспѣшно уѣзжаетъ, а потому нѣкоторые гости изъ русскихъ и не подозрѣваютъ всего происшедшаго.

Недавно жители Нѣженскаго поселка подали прошеніе, изъ котораго видно, что они не желаютъ имѣть въ своемъ обществѣ христіанъ, никогда не посѣщающихъ церкви. Нагайбаки всполошились и не пропускаютъ теперь ни одной церковной службы. Но какъ далеки они отъ того чувства, какими переполнены сердца ихъ же собратьевъ Остроленцевъ, Ферелампелуазцевъ, Парижанъ и др.! На своихъ отступниковъ нагайбаки смотрятъ съ презрѣніемъ.

Нагайбакъ рѣзко отличается отъ другихъ инородцевъ въ краѣ. Онъ — казакъ, что означаетъ олицетвореніе отваги, мужества, смѣлости, находчивости и безшабашной удали: одно это названіе можетъ достаточно характеризовать его.

Е. А. Бектеева.

М. Черный Островъ.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

О бытѣ казаковъ Восточнаго Забайкалья.

Русское казачье населеніе Восточнаго Забайкалья въ данное время населяетъ бассейны рр. Ингоды, Шилки, Онона и Приаргунскія степи. Оно сложилось изъ двухъ группъ: 1-ю группу составляетъ та русская казацкая вольница, которая открыла свое завоевательное движеніе черезъ озеро Байкаль въ 1638 году, подъ начальствомъ атамана Максима Перфильева, дѣло котораго продолжали его послѣдователи: пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ съ урядникомъ Скороходовымъ, перешедшіе въ 1643 году Байкаль, и сотникъ Бекетовъ съ Максимовымъ, которымъ въ 1653—1654 гг. удалось проникнуть чрезъ Яблоновыя хребты и въ 1654 году заложить Нерчинскій острогъ.

Слѣдомъ за казаками, иногда и раньше ихъ, проникали туда же промышленники, привлекаемые во вновь покоренную землю пушниною, а въ послѣдствіи благородными металлами. Изъ тѣхъ и другихъ въ послѣдующее время образовалось служилое сословіе, которое несло свою службу въ городахъ, острогахъ и по границѣ, и во времена Сперанскаго изъ нихъ составили забайкальскій городской полкъ и возложили на него полицейскую службу; остальные же казаки числились станичными и были обязаны охранять и защищать мѣста, ими заселяемые, и выставлять по границѣ караулы.

Вторую группу образовали нерчинско-заводскіе крестьяне, которые составлялись изъ крестьянъ, переселенныхъ изъ Западной Сибири въ началѣ 17 столѣтія; къ нимъ приписали жившихъ уже въ Забайкальѣ государственныхъ крестьянъ, которые, начиная съ конца 60-хъ годовъ 17 столѣтія, формировались: изъ крѣпостныхъ крестьянъ, ссылавшихся помѣщикамъ взаменъ рекрутчины, отставныхъ солдатъ, подлежащихъ ссылкѣ преступниковъ и крестьянъ, отправлявшихся въ концѣ 18 столѣтія добровольно въ Сибирь для пашни.

Въ 1851 году нерчинско-заводскіе крестьяне были переименованы въ казаковъ и вмѣстѣ съ станичными казаками Нерчинскаго округа составили пѣшіе казачьи баталіоны. Въ среду казаковъ, состоявшихъ изъ этихъ двухъ группъ, съ 1854 по 1858 годъ былъ введенъ новый элементъ—штрафованные нижніе чины гарнизонныхъ баталіоновъ внутреннихъ губерній Россіи.

Отсутствіе здѣсь русскихъ женщинъ заставляло казаковъ похищать себѣ женъ изъ инородковъ, почему у русскаго казака, за исключеніемъ позднихъ колонизаторовъ, часто встрѣчаются монгольскія черты лица: то выдающіяся скулы и широкій носъ, то при правильныхъ чертахъ лица жиденькая борода, то узкіе, сѣрые, съ косыми разрывомъ глаза. Инородческое вліяніе инородческихъ женщинъ отразилось на русскихъ не въ одномъ физическомъ измѣненіи расоваго типа, оно, частію, отразилось и на ихъ мировоззрѣніи, на языкѣ, обычаяхъ, покрояхъ одежды.

Современная казачья усадьба состоитъ изъ дома, амбара, сарая, повѣтки для скота, хлѣвковъ для овецъ, дворовъ и прилегающаго къ дому огорода. Все это обносится заборомъ, сдѣланнымъ изъ досокъ, бревенъ, жердей или частоколомъ. Въ нѣкоторыхъ же караулахъ, за отсутствіемъ лѣса, надворныя постройки ограничиваются

однимъ амбарчикомъ и жердяными дворяками. Часто не бываетъ и двора. Входъ въ избу обыкновенно со двора. Изба казачья состоитъ изъ двухъ половинъ: стѣней и собственно избы, а у зажиточныхъ же домъ состоитъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ корридормъ. Иногда внутри дома дѣлаютъ перегородки, на которыхъ размалеваны красками разные узоры или цвѣты. Окна бываютъ отъ 3-хъ до 4-хъ съ обыкновенными рамами. Дома кроютъ берестой, а сверху драньемъ, зажиточные тесомъ, стайки соломой, или лѣственничнымъ корьешъ. Стѣны, въ большинствѣ случаевъ, круглыя и потолки не обтесанные и не бѣленые. Одинъ разъ въ году, къ Пасхѣ, какъ стѣны, такъ и потолокъ скребутъ особыми желѣзными скребками. Встрѣчается, что обтесанные и не обтесанные стѣны и потолки бѣлятъ известью. Почти половину избы занимаетъ громадная русская печь. Печь дѣлается настолько широкой, что въ зимнее время на ней спать нѣсколько человѣкъ; кромѣ того, на ней же сушатъ хлѣбъ для помола; устье печи полукруглое, передъ нимъ шестокъ, который есть продолженіе дна печи; на шесткѣ становятся вынутые изъ печи горшки; нижняя часть печи представляетъ собою ящикъ изъ плахъ, набитый галькой и глиной, и поверхъ всего этого настланъ кирпичный подъ (дно печи) и только стѣны и сводъ печи выкладываются изъ кирпича. Внизу, въ деревянной части печи, устраивается помѣщеніе для куръ (шестокъ), а за печкой, около стѣны, широкая полка «гопчикъ», гдѣ кладутъ ухватъ, кочергу, лопаты и проч. Подлѣ печи помѣщается кадка для воды и лоханка для сливанія помой, надъ ней же и умываются, беря изъ ковшу воду въ ротъ. Рядомъ съ печкой на аршинномъ разстояніи отъ потолка почти половины избы занимаютъ палаты (досчатая горизонтальная заборка). На палатахъ ночью спать, а днемъ складываютъ не нужную «лопаты» (платье) и прочія ночлежныя принадлежности. Около самой печи вдоль ея со стороны входной двери тянется «лѣнникъ», гдѣ отдыхаютъ днемъ; съ нея же лезятъ на печь и палаты. Отъ палатъ къ передней стѣнѣ почти по срединѣ избы тянется брусъ, на который кладутъ кушаки, шапки и прочія вещи. Въ «кути» около стѣны придѣлана широкая полка для посуды. У нѣкоторыхъ тутъ же въ углу прибитъ небольшая шкафчикъ. Въ переднемъ углу большая рѣзная божница съ массой иконъ. Около стѣнъ идутъ бѣлыя лавки и разосланная кровать, на которой въ безпорядкѣ валяется разное платье и трипицы. Полы не крашены; поэтому, желая сохранить ихъ чистоту, на полъ настилаютъ зимой солому, а лѣтомъ свѣжую траву или мелкій песокъ. То и другое создаетъ пыльную, ничѣмъ не вентилированную атмосферу. Зимой въ жилыхъ домѣхъ помѣщаются за особыми перегородками около входныхъ дверей, телата, агнята и поросята, въ шесткѣ подъ печью—куры. Все это создаетъ невозможный воздухъ; однако и взрослые, и дѣти такъ свыкаются съ нимъ, что незамѣчаютъ постоянного зловонія.

Одежда мужчины состоитъ изъ сарпниковой или ситцевой рубахи съ ремешкомъ кушакомъ или шнуркомъ, изъ дабовыхъ или тиковыхъ панталонъ (то и другое занавшивается до невѣроятности) изъ ичеговъ, изъ картуза, халата или чуги (зипунъ изъ сукна собственного издѣлія). Въ праздники грязная рубаха и панталоны смѣняются чистыми и дополняется пиджакомъ или жилетомъ и шароварами изъ бумажной матеріи, а не то и изъ тонкаго сукна. Холостые парни надѣваютъ зачастую «холодай»—рубашка изъ яркоцвѣтныхъ шерстяныхъ матерій или изъ кашемира. Зимой носятъ барашковые съ ушами шапки; зажиточные же казаки дѣлаютъ ихъ изъ лисьихъ лапъ, а щеголи покупаютъ круглыя бобровыя или другія шапки. Верхней же одеждой въ зимнее время служитъ баранья дубленая шуба; причеъ у оновскихъ и аргунскихъ, а часто и у нерчинскихъ казаковъ шубы бурятскаго покрова съ низкими воротничкомъ, плисовой оторочкой вокругъ подола, груди и обшлагавъ. Во время зимнихъ работъ или извоза сверхъ шубы надѣваютъ доху изъ кожи домашней или дикой козы, на руки—бараньи рукавицы или вязанные изъ шерсти варежки съ «мохнатыми» сверху, т. е. рукавицами, сшитыми шерстью вверхъ. Вмѣсто сапогъ служатъ унты изъ козьей кожи, сшитыя шерстью внутрь, и чулки или же валенки. Женщины носятъ внизу ситцевую рубашку съ подшитой къ ней дабовой или холщевой «станушкой» (юбкой). Сверху надѣвается ситцевое платье, или сарафанъ, или же юбка съ кофтой. Голова бабы прикрывается повойни-

комъ (родъ шапочки съ шнурками), и сверху его повязывается расписнымъ платкомъ, концы котораго завязываютъ подъ подбородкомъ; на плечахъ носить шаль, а спереди запонъ. При выходѣ изъ дома женщины надѣваютъ курму, пальто изъ бумажной матеріи, а зимой шубу, покрытую всюду, причемъ праздничная дѣлается съ большимъ лисьимъ или бѣличьимъ воротникомъ. Одежда дѣвушки таже, что и бабы, только отсутствуетъ повойникъ. Женская обувь состоитъ изъ чулокъ, башмаковъ или сапоговъ. Въ праздничные дни надѣваются чистыя платья изъ цвѣтной матеріи или ситцевыя.

При каждой семьѣ есть старшой—дѣдъ или отецъ, а если нѣтъ таковыхъ, то старшій братъ «большакъ». Старшой есть полновластный хозяинъ и распорядитель.

Пища забайкальскихъ казаковъ хотя и однообразна, но сытна. Скоромные обѣды ихъ состоятъ: изъ щей съ гречневой или ячменной крупой, капустой и съ мясомъ, которое крошатъ ножами въ корытцѣ и всыпаютъ въ общую миску, изъ гречневой или ячменной каши съ саломъ или съ молокомъ, а у зажиточныхъ съ масломъ. Каша иногда замѣняется поджареннымъ на салѣ или на маслѣ картофелемъ. Въ лѣтнее же время обѣдъ дополняется простоквашей, а у зажиточныхъ и въ зимнее время подаютъ кислое молоко (родъ варенца безъ сахара). Въ праздники обѣдъ разнообразится похлебками изъ брюшны или кишекъ съ картофелемъ, а у зажиточныхъ дополняется жаренымъ мясомъ. Весной передъ отправкой на поле въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ѣдятъ «заваруху»¹⁾ съ саломъ, съ масломъ или съ молокомъ. Постные обѣды состоятъ изъ щей съ рыбой и крупой, или съ «порсой»²⁾ вмѣсто рыбы; изъ овсянаго киселя съ коноплянымъ масломъ и изъ тертой рѣдьки съ квасомъ и картофелемъ. Въ праздники у зажиточныхъ готовятъ «студень» (холодецъ) изъ гречневой крупы. Къ ужину подаютъ остатки отъ обѣда. Какъ лакомство, зимой ѣдятъ пареную (печеную въ вольномъ жару печи) брюкву и «курсуны» изъ черемухи, битой на каменной плитѣ. «Курсуны» по своей формѣ и величинѣ напоминаютъ собой круглые пряники. Только что приготовленные курсуны сушатъ на солнцѣ и навязываютъ связками на шнурки для зимняго запаса. «Курсунами» въ большинствѣ случаевъ угощаютъ дѣтей. Сушеную черемуху мелютъ въ муку, которая идетъ для начинки пирожковъ. Позднею осенью спѣлое яблоко разбиваютъ съ молокомъ и морозятъ для зимы.

Чай для забайкальца не только напитокъ, но и одинъ изъ важныхъ пищевыхъ продуктовъ. Чай является необходимымъ для каждой семьи, и забайкалецъ не понимаетъ, какъ можно жить безъ него. Правда, въ прошлой старинѣ не многіе имѣли возможность пить чай, зато они замѣняли этотъ напитокъ «шультой» (сгнившая древесина березы), «чагой» (особый наростъ на березѣ), листьями травы «бѣлосвѣтки» и яблони.

Забайкальцы пьютъ преимущественно кирпичный зеленый чай («карымскій») и только за послѣднее время сталъ распространяться черный кирпичъ (полубайховый); байховый же чай заваривается только для гостей.

«Карымскій» чай пьютъ или съ забѣлой, приготовленной изъ молока, масла и яицъ, или черный съ однимъ масломъ, или бѣленый сметаной. Постный же чай пьютъ съ коноплянымъ сѣменемъ или съ сокомъ; пьютъ его также и съ «затураномъ» (ячменная или пшеничная мука, поджаренная на постномъ или скоромномъ маслѣ).

«Карымскій» чай готовятъ такъ: толкутъ его въ деревянной или чугунной ступкѣ, всыпаютъ въ чугунокъ съ водой и кипятятъ въ печи, потомъ выливаютъ въ «байдару» (высокая глиняная миска) и солятъ, а затѣмъ деревяннымъ или желѣзнымъ ковшемъ («поваренкой») «сливаютъ»³⁾ его около 1/4 часа. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ Забайкалья чай всыпаютъ въ воду послѣ того, какъ она будетъ влита въ «байдару». Когда же чай остываетъ, его подогреваютъ горячими камнями, опуская ихъ въ «байдару». «Шару» (выварка чая) большинство сушатъ и снова завариваютъ. Болѣе бѣдныя семьи варятъ такимъ образомъ «шару» раза два.

¹⁾ Пшеничная или ячменная мука, замѣшенная въ кипящей водѣ.

²⁾ Мелкую рыбу чабановъ, юнелъсковъ и пр. варятъ вмѣстѣ съ кишками, затѣмъ отдѣляютъ кости и сушатъ оставшееся мясо, которое и составляетъ «порсу».

³⁾ Зачерпываютъ чай ковшемъ и, приподнявши его, снова выливаютъ въ «байдару» потомъ опять зачерпываютъ и выливаютъ, и т. д.

Увеселенія Забайкальскихъ казаковъ.

Здѣсь я имѣю въ виду только тѣ увеселенія, которыми пользуется взрослая молодежь обоого пола совмѣстно. Болѣе веселое время для деревенской молодежи, какъ и вообще для всѣхъ поселянъ — святки, которыя въ Забайкальѣ называются «страшными вечерами». По народному вѣрованію, ночью въ эти дни по улицамъ бѣгаютъ шиликуны, т. е. незлобивые духи, которые продѣлываютъ различныя мелкія пакости ¹⁾; больше же всего появляются шиликуны наванунѣ Новаго года и Крещенія. Вечеромъ въ эти дни, жители углемъ ставятъ кресты на откосахъ дверей, оконъ домовъ, прочихъ построекъ и на воротахъ дворовъ. Нужно замѣтить, что эти кресты ставятся не въ силу христіанскаго міровоззрѣнія, а въ огражденіе отъ шиликуновъ, которые въ предстоящую ночь убѣгутъ отъ нихъ.

Игра и чики ²⁾. Игранчики устраиваются въ продолженіе всѣхъ святокъ — «страшныхъ вечеровъ». Инициатива устройства ихъ принадлежитъ дѣвцамъ, которыя для этой цѣли абанируютъ на всѣ святки просторную избу. За абаниментъ хозяйка избы получаетъ съ каждой дѣвушки фунтовъ по 10 круглаго хлѣба или по 6—9 мягкихъ (ячменныхъ, гречневыхъ или пшеничныхъ) булокъ; случается, что платятъ и деньгами. Игранчикъ начинается съ наступленіемъ сумерекъ и продолжается до тѣхъ поръ, пока окончательно не стемнѣетъ (часовъ до 9 вечера). Дѣвцы и парни приходятъ на игранчикъ въ обыденной грязной одеждѣ и большая часть какъ дѣвушекъ, такъ и парней остается въ верхнемъ платьѣ. Парни не принимаютъ активнаго участія въ играхъ и танцахъ дѣвицъ, приходятъ же они на игранчикъ лишь для того, чтобы, пользуясь полумракомъ, пошалить съ дѣвцами. Все свободное пространство около дверей заполняется толпой подростковъ мальчишекъ и дѣвочекъ. Последнія, въ свою очередь, такъ же, какъ и взрослые дѣвушки, стараются устроить на площадахъ около дверей хородовые танцы, но назойливые мальчишки своей шалостью не даютъ имъ возможности доканчивать начатую пѣсню; галденіе мальчишекъ лишь дополняетъ шумъ и нестройно-крикливое пѣніе дѣвушекъ. Болѣе распространенными играми являются «жилинъ, или бояре» ³⁾, «А мы просо сѣяли», «Золото хороню». Въ послѣдней игрѣ послѣ словъ: «очутился перстень на правой ручкѣ, на лѣвомъ мизинцѣ», конецъ варьируютъ такъ:

«Ой вы, дѣвушки, не дайте,
Мое золото отдайте,
Меня мать будетъ бить,
Меня мать будетъ бранить:
По три утри, по четыре прута золотые,

Пятынь жемчужнымъ.
Куда мышка шла,
Туда рожь густа, умолотиста,
Какъ изъ колосу коврига,
Изъ полузерна пирога.

Свѣять макъ и ленъ. Къ этой игрѣ поется слѣдующій варіантъ, повторяющийся до тѣхъ поръ, пока не скажутъ — «поспѣлъ».

На горѣ-то макъ, макъ,
Подъ горой-то такъ, такъ,
Маковка — маковочка,

Златая головочка!
Встаньте врьдъ,
Не пора ли рвать?

Игра въ олени. Эта игра нѣсколько варьируетъ отъ игры описанной. Среди избы на стулѣ или скамьѣ садится парень. Дѣвушки ходятъ кругомъ и поютъ:

Подъ кустикомъ олень,
Подъ ракитовымъ олень,
Тепло литѣ, олень,
Холодо литѣ, олень,
Приодѣйся, олень

Приокутайся, олень!
Съ мужичка облачка опоясочки,
Съ малаго робеночка пеленочки,
А со дѣвушки платокъ.

¹⁾ Рывыхъ и шаловливыхъ дѣтей называютъ шиликунами, вѣроятно, отъ слова шалѣть.

²⁾ Описаніе игранчика взято у казаковъ Нерчинскаго округа, Удинской станицы.

³⁾ «Народныя увеселенія Иркут. губ.» Щукина. «Зап. Император. Рус. Геогр. Общ.» 1869 г. Т. II.

Прятомъ какая-нибудь дѣвушка отдаетъ платокъ, послѣ чего снова начинается пѣсня и такимъ образомъ продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ участвующія дѣвушки не отдадутъ платковъ, которые въ концѣ игры выкупаютъ поцѣлуями.

Круговыя пѣсни. Во время пѣнія круговыхъ пѣсень дѣвушки, обнявшись другъ съ другомъ или съ парнями, ходятъ кругомъ и поютъ извѣстныя пѣсни: 1. «Во лугахъ было, въ зеленыхъ лугахъ». 2. «Какъ по ельничку, да по березничку». 3. «Со вьюномъ я хожу, животомъ гуляю». 4. «Сѣни мои, сѣни». Эта пѣсня въ началѣ и въ концѣ варьируетъ такъ:

Сѣни новыя, королевныя.
Имба стара Зубирева!
Буть-то быть-то нѣтъ
По сѣнечкамъ не хаживайте и т. д.

Заканчивается же слѣдующимъ варіантомъ:

Я не слухала отца,
Да потѣшала молодца,
«Я зато его потѣшу,

Что одинъ сынъ у отца—
Зовутъ Ванюшкой-Пивоварушкой.

5.

Вечеръ шла молода,
Поздно вечеромъ одна.
А на встрѣчу молодой
Закатистый удалой,
Закатистый удалой,
Подъ нимъ конь вороной,
И весь уборикъ золотой,
И золотая претупея
Улыбается на немъ;

Черна шляпа са перомъ
И эполеты серебромъ.
Черну шляпу скидывалъ,
Честь дѣвицъ отдавалъ:
— Здравствуй, милая моя,
Да вечеръ былъ у тебя,
Не узнала ты меня,
Не узнала, отсылала,
Прочь отказывала.

6.

По утру рано младешинька вставала,
Я сердечнаго дружка дождалась.
Не ему было, канальѣ, мной владѣти,
Что владѣти было прежнему дружку,
Я котораго въ дѣвицахъ любила,
Золотымъ его колечкомъ дарила.
Не за-толь меня маменька журила:
Ты куда, дочерь, колечко дѣвала?
— Въ зеленое садъ, маменька, гуляла,
Я зеленую капусту поливала,
Съ гряды на грядъ колечко катила.
Ужъ я тутъ свое колечко потеряла,
Потеряла, обронила, призамяла!—
Не далеко мила дружка проводила:
Я отъ Троицкихъ воротъ да до Горбатскихъ
Ужъ я голосомъ рывѣла,—
Милъ не слышать;
Шелковымъ платочкомъ махала,
Милъ не видать.

7.

Изъ-за лѣсу, изъ-за горъ
Подымались тучи, громъ
Со великимъ со дождемъ.
Какъ со этого дожда
Стала улица грязна.
Стала улица грязна,
Пройти молодцу нельзя.
Прошелъ, прошелъ молодецъ мостовиночкой,
Противъ Машина окна останавливался:
Черну шляпу скидывалъ,
Честъ дѣвицѣ отдавалъ.
— Ужъ ты, дѣвица, душа,
Да кто есть дома у тебя?
— Да нѣту никого,
Да заходи ко мнѣ въ окно.

8.

Вьюночникъ мой, да вьюночникъ,
Лазуревый да цвѣточникъ.
Я куда тебя, вьюночникъ, положу?
Положу ты, вьюночникъ, на головку
Ко удалому да къ молодцу.
Что не кумъ съ кумой да покумился,
Что не братъ съ сестрой да посестрился,
Дорогимъ съ дорогимъ да подарился,
Золотымъ кольцомъ да обручился.
Среди кружка да остановился,
Среди кружка да на лужечкѣ ¹⁾
Красны дѣвушки да во кружечкѣ.
— «Ужъ ты, мой кумъ,
Ужъ какъ я, твоя кума,
Гдѣ мы съ тобой сойдемся,
Тамъ и обоймемся».

Дѣвушка выходитъ изъ кружка и каждая цѣлуетъ какого-нибудь парня; послѣ чего снова продолжаютъ хороводъ.

Помимо «игранчиковъ» въ «страшные вечера» по домамъ устраиваютъ «смельцы» (жмурки) ²⁾.

Гаданье и маскарадъ (машкарадъ). Гадаютъ и маскируются молодежь описываемаго мною района преимущественно накануне Нового года и Крещенья, какъ бы пользуясь въ эти дни веселіемъ духовъ-шиликуновъ. Маскарадный костюмъ состоитъ изъ шубы, вывернутой шерстью вверхъ, и берестяной или бумажной собственнаго издѣлія маски; за ненивнѣемъ же таковой, лицо намазываютъ сажей и подвѣшиваютъ бороду. Въ такомъ видѣ замаскированные сначала ходятъ изъ дома въ домъ, а потомъ бѣгаютъ по улицамъ и, соединившись вѣстѣ съ прочими парнями и подростками, которые ищутъ спрятанныхъ дѣвушекъ, разбираютъ заборы, выволакиваютъ изъ оградъ телѣги, сани, бороны, сохи и т. п. и изъ всего этого дѣлаютъ посреди улицъ баррикады. Дѣвушки, между тѣмъ, скрывшись отъ назойливыхъ парней, начинаютъ гадать. Каждой изъ нихъ хочется приподнять занавѣсъ своего неизвѣстнаго будущаго и

¹⁾ Лужайка. ²⁾ Шукшинъ: «Народныя увеселенія Иркут. губъ». «Записки Импер. Рус. Геогр. Общ.» 1869 г. Т. II.

узнать, что ее ждет. Главное же что девушку интересует, это скоро ли наступит желанное время замужества, в которую сторону предстоит ей выйти замуж, кто и каков по характеру и состоятелен ли будет ее муж и, наконец, какова будет ее новая жизнь. Ради всего этого создались различные способы гадания.

Молоть и глѹ. Меж жернова ручной мельницы кладут иголку. Одна девушка крутит жерновъ, а другая садится подъ него и прислушивается къ звукамъ иголки, на основаніи которыхъ и дѣлаетъ выводъ, сообразуясь съ своимъ завѣчаніемъ.

Замыкаться. Ложась спать на Крещенье, девушки замыкаютъ ворота своей рубашки висячимъ замкомъ, и что приснится ей въ эту ночь, то и сбудется.

Иманомъ (козломъ). Дѣвушки заходятъ въ хлѣвъ и въ потьмахъ стараются изловить козла. Если девушка изловитъ козла (имана), то женихъ будетъ богатъ; если козлуху, то—бѣденъ.

Вещами. Это гаданье похоже на гаданье «на сборникъ» у великорусскаго населения; только тамъ кладутъ три вещи въ горшокъ. У Забайкальскихъ казаковъ кладутъ на столъ уголь, бумагу, кольцо, новоянникъ¹⁾, соль и проч., послѣ чего всѣ девушки закрываютъ глаза; руки складываютъ назадъ и пытаются къ столу, чтобы взять какую-либо изъ вещей и по взявшей, такимъ образомъ, вещи дѣлаютъ слѣдующіе выводы: кто возьметъ уголь у той женихъ будетъ кузнецъ, соль—поваръ, бумагу—писецъ, кольцо знаменуетъ скорый выходъ замужъ, новоянникъ—быть замужемъ за вдовцемъ.

Кольцомъ. Въ стаканъ, налитый водой, кладутъ кольцо и смотрятъ въ него. Показавшійся въ кольцо мужчина будетъ женихомъ, а показавшійся гробъ предвѣщаетъ скорую смерть. Или: Кольцо, подвѣшенное девушкою на волосъ съ своей головы, медленно опускается въ стаканъ съ водой, и въ который край стакана оно ударитъ, въ той сторонѣ и быть замужемъ. Количество же ударовъ опредѣляетъ, сколько лѣтъ осталось ей до замужества.

Снѣгомъ. Дѣвушки, войдя ночью въ огородъ, падаютъ на снѣгъ навзничъ. Если лежбище утромъ окажется аккуратное, то женихъ будетъ красивъ, и на оборотъ. Или: девушка ложится на снѣгъ спиной и если на утро около этого лежбища окажется еще второе, то она скоро выйдетъ замужъ; если же во второмъ лежбищѣ окажется земля вырытой, то скоро умереть.

Гаданье на растаніи. Дѣвушки, выйдя ночью на растань, чертятъ два круга. Въ одинъ кругъ садится девушка, желающая гадать, а въ другой всѣ остальные. Наступаетъ тишина. Первая девушка усиленно старается услышать или лай собаки, или звонъ колокольца, и съ которой стороны она услышитъ, туда и выйти ей замужъ. Или: Иногда на растаніи бросаютъ кольцо, съ приговоромъ: «гдѣ собака залаетъ, тамъ мой женихъ». А то дѣлаютъ и такъ. Приводятъ на растань старую кобылицу, завязываютъ ей глаза мужскими панталонами, и девушка, желающая гадать, садится на кобылицу лицомъ къ хвосту; затѣмъ, взявшись за хвостъ, погоняетъ кобылицу. Куда она повезетъ, въ той сторонѣ и быть замужемъ. Или: Наканунѣ сочельника девушки выходятъ на растань съ двумя зеркалами. Одно зеркало ставятъ на снѣгъ, а съ другимъ въ рукахъ девушки становятся спиной къ лунѣ такъ, чтобы отраженіе въ немъ луны было видно и въ первомъ зеркалѣ; причемъ одна изъ нихъ смотритъ въ стоящее зеркало. Если покажется ей въ зеркалѣ идущіе къ вѣнцу, то она скоро выйдетъ замужъ, а если—гробъ, то умереть.

Лошадь. Лошадь приводятъ на прорубь, завязываютъ ей глаза и, сбивши съ пути, пускаютъ ее. Въ которую сторону она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть девушкой замужемъ.

Пѣтухомъ. Хлѣбное зерно насыпаютъ въ нѣсколько кучекъ (по количеству девушекъ) и выпускаютъ пѣтуха. Чью первую кучку онъ будетъ раньше клевать, та девушка выйдетъ замужъ.

Курицей и пѣтухомъ. Посередѣ пола ставятъ кольцо, зеркало, воду и выпускаютъ курицу съ пѣтухомъ. Если они будутъ клевать кольцо, то скоро быть замужемъ, если станутъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница. Причемъ, если клюетъ одна изъ птицъ, то супружеская жизнь будетъ не дружная; когда же онѣ клюютъ

¹⁾ Женскій головной колпакъ, который женщины носятъ по выходѣ за мужъ.

виѣтъ и смотреть въ зеркало, это предвѣщаетъ хорошую семейную жизнь. Иногда за-
вѣщаютъ о томъ, кто впередъ умретъ, и если первымъ клоняетъ кольцо пѣтухъ, то
прежде умретъ мужъ, и на оборотъ.

Пепломъ. Ночью на Новый годъ на снѣгъ сѣютъ пепель. Если утромъ на
пеплѣ окажется слѣдъ ичига, то быть замужемъ за бѣднымъ, если—слѣдъ сапога—за
богатымъ. Парни иногда подсматриваютъ дѣвушекъ и дѣлаютъ на посѣянномъ пеплѣ
слѣды по своему усмотрѣнію.

Гаданье въ банѣ. Богѣ смѣлыя дѣвушки отправляются въ отдаленную
баню. Войдя въ нее, онѣ открываютъ окошечко и выставляютъ въ нее извѣстную
обнаженную часть своего тѣла, наблюдая, кто къ ней прикоснется. Если ощущение бу-
детъ чего-то мохнатого въ шерсти,—быть замужемъ за богатымъ, если—голого, то въ
замужествѣ ожидать бѣдности. Парни нерѣдко подшучиваютъ назъ дѣвушками и тро-
гаютъ ихъ по выставленнымъ въ банное окно оголеннымъ частямъ.

Соломинкой или лучинкой. Въ щель скамьи или стола втыкаютъ соло-
минку или лучинку, и поджигаютъ снизу; въ которую сторону упадетъ подгорѣвшая
соломинка, тамъ и быть замужемъ.

Коноплемъ. Берутъ колокъ конопеля и, подожженный, пускается на воздухъ;
если онъ полетитъ вверхъ,—значить сбудется завѣщанное, а если внизъ—не сбудется.
А то дѣлаютъ изъ конопеля кольцо, кладутъ его на столъ и поджигаютъ; который бокъ
прогоритъ скорѣе, въ ту сторону и выйдти замужъ.

Полѣномъ. Ложасть спать, кладутъ подъ голову краденое полѣно дровъ и что
приснится по завѣченному вопросу, тому и быть.

Позвонками. Вывариваютъ позвонки коровьяго хвоста; затѣмъ каждая изъ
дѣвушекъ беретъ по одному позвонку и кладетъ его передъ собой. Чей позвонокъ
раньше съѣстъ впущенная собака, та дѣвушка и выйдетъ замужъ прежде другихъ.

Вечерки. Прошли веселыя святки, но сельская молодежь не унываетъ. Ова
пользуется вечерками, которыя устраиваются въ честь прїѣзжихъ гостей дѣвицъ—род-
ственниковъ или по случаю свадьбы и дѣвичниковъ. Когда же долго нѣтъ поводовъ къ
устройству вечерокъ, то парни устраиваютъ ихъ складчиной въ праздничные дни. Такія
вечерки обходятся не больше отъ 1 р. 50 к. до 2 р., а то и того меньше, такъ какъ
расходъ требуется лишь на скрипача отъ 50 к. до 1 руб., за квартиру почти ту же
плату и расходъ на сальную свѣчу. Звать гостей на вечерку отираляютъ верхомъ на
лошади какого-нибудь мальчика, который подъ окнами каждаго дома, гдѣ есть дѣвушка,
кричитъ: «милости просимъ на вечерку» къ такому-то (имя хозяина дома). На вечерку
обыкновенно собирается такая масса молодежи, что, не находя свободнаго мѣста по лав-
камъ, разставленнымъ вокругъ стѣнъ, гости садятся другъ къ другу на колѣни, т. е.
парни и дѣвушки. Иногда сидятъ рядами въ 3 или 4. Такое положеніе вещей даетъ
полный просторъ цинизму парней въ обращеніи съ дѣвушками. Не остается свободнымъ
и мѣсто у дверей,—тамъ своя компанія, состоящая изъ подростковъ мальчиковъ и дѣво-
чекъ. Несмотря на тѣсноту помѣщенія, шумную возню ребятишекъ, спертую атмосферу,
пропитанную табачнымъ дымомъ и прочими зловоніями, молодежь веселится здѣсь не-
устанно, отхватывая подъ хриплую скрипку свое молодцоватое «трепака» или вертлявую
«барыню».

По случается, что веселое настроеніе молодежи быстро смѣняется партійнымъ
ожесточеніемъ, которое какъ пламя охватываетъ всѣхъ. Дѣвушки съ ужасомъ вскаки-
ваютъ на лавки и спѣшатъ убѣжать по домамъ; между парнями идетъ повальная драка.
Изъ избы они выбѣгаютъ на улицу и уже тамъ взявши кулаковъ пускаются въ ходъ
«стяжки» (дубивки). Подобныя драки происходятъ изъ ревности къ дѣвушкамъ. И эту
затаенную вѣжду соперники долго носятъ скрытно, но на вечеркѣ, гдѣ позволяютъ
всякая вольности по отношенію къ дѣвушкамъ, лишь стоитъ кому-нибудь изъ парней
задѣть своего соперника словомъ или своимъ поведеніемъ, затрагивая самолюбіе по-
слѣдняго, какъ моментально вспыхиваетъ драка, и всѣ парни раздѣляются на два
враждебныхъ лагеря.

Когда же вечерка проходитъ безъ дракъ, то она продолжается далеко за полночь.
Расходясь по домамъ, каждый парень подъ полой своего халата или шубы провожаетъ
свою возлюбленную.

Въ перерывъ пляски парни и дѣвушки совмѣстно хорошо поютъ прогласныя пѣсни, хватающія за душу своимъ минорнымъ тономъ, въ которыхъ вы ясно чувствуете отклики радости или горя народной жизни, излившіеся въ той или другой пѣснѣ. Но за послѣднее время развитіе среди молодежи отхожаго промысла по городскимъ и приисковымъ прислугамъ внесло въ народную поэзію чуждые элементы. Часто можно слышать на вечерахъ романсы съ искусственными мотивами и исковерканными словами. Тоже самое встрѣчается и въ пляскѣ. Нерѣдко можете услышать, напр., какъ какой-нибудь парень или дѣвушка, побывавшіе въ городѣ, просятъ сыграть «валець» или «польку»; кадрили же сдѣлалась уже почти общеупотребительной.

Голубецъ. Эта состязательная пляска напоминаетъ своимъ исполненіемъ и музыкой «камаринскаго», только здѣсь танцующіе парни исполненіемъ «колѣнъ» (фигуръ) чередуются. Тотъ, у кого истощается запасъ фигуръ, считается побѣжденнымъ. Къ музыкѣ «голубецъ» существуетъ слѣдующій припѣвъ:

Футы, нуты голубецъ,
Матрофановъ жеребець.
Матрофанова кобыла
По расадушкѣ ходила,
Киселя блюдо носила.

Парочка. Тоже что и «камаринскій», только непремѣнно пляшетъ здѣсь парень съ дѣвушкой. Музыка для парочки называется «бычекъ», съ слѣдующимъ къ ней припѣвомъ:

Гдѣ это виданное,
Да гдѣ это слыханное,
Чтобы курочка бычка принесла,
Поросеночекъ яичко снесъ,
Тутусеночекъ за печку унесъ,
Кобыла цыплятъ выпарила,
Жеребенокъ раскудахтался,
Безрукій яйца пократъ,
Голопузый за пазуху поклатъ,
А глухой-то подслушивалъ,
А слѣпой-то подглядывалъ,
А нѣмой караулъ закричалъ,
Безногій на побѣгъ побѣжалъ!
—Ахъ, мамонька, разбой, разбой, разбой,
Государиня, денной, денной, денной.
Разбилъ меня дѣтинка молодой,
Схватилъ меня въ охапочку,
Посадилъ за столъ на лавочку!
Ахъ, маменька, бычекъ, бычекъ, бычекъ,
Еще, маменька, теленочекъ!—
Ужъ ты, тетушка, сыграй бычка:
Не попляшетъ ли моя дочка—Феколочка.

Послѣ этихъ несложныхъ танцевъ начинаются болѣе сложные въ нѣсколько паръ. Барыня. Въ 8 паръ ¹⁾ къ музыкѣ существуетъ припѣвъ:

У барыни угурцы,
Да ее любить всѣ кушцы.
Футы-нуты барыня, } Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ строкъ.
Да сударыня, барыня. }

¹⁾ См. Щукина. «Народ. увесел. Иркут. губ.» «Записки Импер. Рус. Геогр. Об.». 1869 г. Т. II.

Барыня кочевала,
Подъ уваломъ ночевала. (Припѣвъ).
У барыни огородъ,
Да ее любить весь народъ. (Прип.)
Загляну я на палаты,
Тамъ барыня въ халати. (Прип.)
Загляну я подъ порогъ,
Тамъ барыня ѣсть творогъ. (Прип.)
Барыня на брусу,
Да у ней шишка на носу. (Прип.)
Барыня шита, мита,
На базарѣ кнутомъ бита. (Прип.)

Польскій. Пляшутъ во 4 пары. Своимъ расположеніемъ пары образуютъ крестъ. Начинается круговымъ шеномъ¹⁾, затѣмъ слѣдуетъ переѣзна мѣстъ обихъ визави. Послѣ этого сначала первая пара дѣлаетъ проходной шенъ²⁾ (какъ въ кадрили въ первой фигурѣ) съ своей сосѣдней парой, а 3-я пара съ остающейся. Въ концѣ каждой фигуры парни шлепаютъ ладошками разонъ. Послѣ каждой изъ этихъ фигуръ исполняется (по усмотрѣнію) какая-нибудь фигура «барыни».

Монашенъка. Пляшутъ въ 4 пары, которыя располагаются крестообразно. Сначала вальсируютъ каждое визави, проходя на мѣста другъ друга и обратно; затѣмъ, первая пара дѣлаетъ проходной шенъ съ правой сосѣдней парой, послѣ чего эта же пара крутится съ сосѣдней лѣвой парой. Тоже дѣлаетъ и визави первой пары, а потомъ и всѣ остальные пары, чередуясь между собою. Послѣ этого парни одинъ послѣ другого крутятся съ каждой изъ дѣвушекъ, взявшись руками за спинной другъ друга.

Къ музыкѣ существуетъ слѣдующій припѣвъ:

Ужъ вы, кумушки, голубушки, подружки,
Вы которому спасителю молились?
Вы которому святому унижались?
Что мужья то у васъ да молодые,
Будто ягодки, да наливныя!
У меня-то младой да старчище!
Старчище не отпустить на игрище.
Я отъ стараго ухodomъ уходила:
Цвѣтныя платъе подъ полою уносила,
Я бѣллыцы, румянцы во карманицы;
Я чулочки, башмачки—въ бѣлы ручки.
Я у ближняго сосѣда снаряжалась,
Во хрустальное зеркальцо смотрѣлась.
Не ему, какаль, мной было владѣти...
И т. д. (см. «Игралки» круговая пѣсня, № 6).

Ярославъ. Ярославъ преимущественно пляшутъ въ Нерчинско-Заводскомъ и въ Нерчинскомъ округахъ. Онъ состоитъ изъ 4-хъ паръ, которыя располагаются крестообразно. Сначала исполняется круговой шенъ, какъ у «барыни»; послѣ этого каждая пара со своимъ визави исполняютъ вторую фигуру кадрили, послѣ которой слѣдуетъ опять круговой шенъ. Далѣе пары визави вальсируютъ, переходя на мѣста другъ друга, послѣ чего снова круговой шенъ и первая фигура кадрили; затѣмъ, дѣвушки визави, а также и парни между собою, берутъ другъ друга за руки и, образуя такимъ

¹⁾ Дѣлаютъ кругъ, потомъ дѣвушки идутъ вправо, а мужчины лѣво и при встрѣчѣ подаютъ другъ другу руки, пропуская дальше.

²⁾ Дѣвушки и парни—пары визави—проходятъ въ средину другъ друга по діагонали.

образомъ крестъ, крулятся въ обѣ стороны по очереди, и, наконецъ, снова круговой шень.

Цыганочка. Цыганочку лишутъ дѣвушки. Одна изъ нихъ надѣваетъ мужскую шапку, изображая изъ себя цыгана, другая—цыганку. Последняя садится между подругъ, а цыганъ начинаетъ плясать одинъ, какъ бы ища цыганку. Все таки онъ находитъ свою пару и, продолжая пляску, въ тоже время поклонами приглашаетъ ее къ себѣ, но цыганка, разобиженная чѣмъ-то, не выходитъ къ нему. Наконецъ, на стойчивость цыгана заставляетъ ее выйти. Теперь онѣ пляшутъ вмѣстѣ. Въ это же время цыганъ хочетъ поцѣловать свою жену, но последняя сначала отъ него отвертывается, а потомъ, когда изъявляетъ на это желаніе, то уже поздно: цыганъ оскорбленъ первымъ ея отказомъ, уходитъ со сцены и садится на лавку. Теперь настаетъ очередь цыганки продѣлать все, что было изображено ея мужемъ. При этомъ, она выражаетъ свое огорченіе слезами. Цыганъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, забываетъ свое оскорбленіе и выходитъ къ женѣ. Наступаетъ обоюдное удовлетвореніе, которое и заканчивается поцѣлуемъ. Этотъ танецъ оригиналенъ тѣмъ, что онъ похожъ скорѣе на пантомиму, изображающую небольшой семейный разладъ между мужемъ—цыганомъ и его женой—цыганкой.

Закабланъ. Это одна изъ старинныхъ плясокъ, которую теперь рѣдко можно встрѣтить. Его пляшутъ въ 6 паръ. Парни становятся на одну сторону, а дѣвушки на другую; причемъ каждый парень стоитъ противъ своей дѣвушки. Въ первой фигурѣ парни и дѣвушки по направленію влѣво обходятъ во кругъ другъ друга и становятся на прежнія мѣста. Во второй фигурѣ пары, взявшись каждый со своей дѣвушкой за руки, начинаютъ движеніе вправо и влѣво, а потомъ исполняютъ первую фигуру. Въ третьей—каждая пара верхняго конца, приходя въ интервалы между соседнихъ паръ, двигается впопъ, а нижнія пары такимъ же образомъ—вверхъ и опять обратно.

Въ 4-ой фигурѣ первая пара, взявшись руками, крутится, а потомъ парень вывертываетъ дѣвушку, такъ что ея руки остаются за ея спиной въ его рукахъ. Затѣмъ онъ цѣлуетъ дѣвушку и для той же цѣли подводитъ ее къ остальнымъ парнямъ, принимающимъ участіе въ танцахъ. То же самое исполняютъ и остальные пары, чередуясь по порядку.

Въ 5-ой фигурѣ первая пара, взявшись крестообразно руками со второй, крутится съ ней, потомъ также съ слѣдующей и т. д. спускаясь внизъ. Остальныя пары одна за другой идутъ по тому же направленію, крутятся съ слѣдующими. Когда всѣ пары расположатся въ нисходящемъ порядкѣ, тогда снова начинаютъ такое же движеніе обратно.

Въ 6-ой фигурѣ (последней) каждая дѣвушка по очереди дѣлаетъ со всѣми парнями круговой переборъ, какъ въ «барынь», т. е. русскую. Къ музыкѣ имѣются слѣдующіе припѣвы:

Трамъ, трамъ закабланъ,
На зорьку передамъ.
Изъ-подъ дуба домозуба,
Изъ-подъ вяза домовяза.

Журунка. Журунку пляшутъ въ 2 или въ 4 пары. Визави располагаются крестообразно. Каждая пара, взявшись руками, идутъ на встрѣчу со своимъ визави; затѣмъ, всѣ пары разомъ начинаютъ крутиться, вывертывая руки надъ головами, послѣ чего каждое визави, чередуясь, исполняетъ проходной шень; затѣмъ пары одна за другой идутъ кругомъ и вальсируютъ. Послѣ вальса пары снова крутятся, какъ и вначалѣ. Послѣ этой фигуры парнями дѣлается «переборъ», т. е. каждый парень сначала со своей, а потомъ съ остальными дѣвушками, по очереди, пляшетъ «русскую». Къ музыкѣ существуетъ слѣдующій припѣвъ:

Журунка, попляши,
Долгоноганый, поскачи!

Молодчикъ. Для исполненія этой пляски требуется 2 пары, при чемъ каждый парень приглашаетъ по 2 дѣвушки и становится въ средину ихъ. Пары располагаются другъ противъ друга. 1 фигура. Сначала пары, обнявшись и вальсируя, проходятъ на мѣста своихъ визави и обратно. 2-я фигура. Послѣ этого исполняютъ проходной шень, и парни проходятъ въ срединѣ по прямой линіи, а дѣвушки по діагонали. Затѣмъ, снова повторяется первая фигура. Въ 3 фигурѣ дѣвушки входятъ въ кругъ и, взявшись крестообразно правыми руками, крутятся. 4 фигура. Сначала одинъ парень вальсируетъ съ каждой изъ дѣвушекъ, въ отдѣльности; то же дѣлаетъ и другой. Затѣмъ, идутъ въ круговой шень, послѣ котораго опять исполняется «переборъ» дѣвушекъ. Къ музыкѣ прицѣваются плясовые пѣсни.

1.

Да ты, молодчикъ, молодчикъ молодой!
 Да не заигрывай, пожалуйста, со мной,
 Да ты не бей меня по бѣлому лицу (2 раза).
 Да мое личико разгорячивое, (2).
 Разгорячится не уймется (2).
 Прийду домой догадаются (2),
 Отчего лицо пылается (2).
 Да отъ того лицо пылается.
 Что часто съ молодцомъ выдается (2).
 Не могу я такую радость получить
 Да залучить дружка отподчивати.
 Залучу дружка отподчиваю,
 На серебрянномъ поднось поднесу,
 На кроваточѣ постельку постелю.
 На постельку мила спать положу,
 Сама сяду въ изголовьицѣ ему,
 Стану связывать ему:
 — Не женись, не женись, молодецъ.
 Если женишься, спокоешься.
 Съ молодой женой намаешься.

2.

— Да ты, молодчикъ, молодчикъ молодой (2 раза),
 Да ты, голубчикъ, голубчикъ сизой ной,
 Да поживи, радость, со вѣрной, со мной,
 Да ужъ я вѣрная сударушка твоя!
 — Во глаза льстишь, обманывашь меня,
 Да по-заочь честь мою хочешь рядить,
 Да хочешь, матушка, много полюбить!
 — Да я по истинной по правдѣ побожусь:
 Одного тебя—молодчика, люблю,
 Да одного тебя молоденькаго,
 Да не жанатаго, холостенькаго!
 Да не женись, не женись, молодецъ,
 Да не женись, удалая голова:
 Если женишься—спокоешься,—
 Да съ молодой женой намаешься,
 Да съ молодыми дѣтушками поплачешься.
 Да подъ порогомъ наваляешься.

Дудка. Дудку пляшутъ отъ 4 до 8 паръ. Сначала составляютъ общій кругъ, и идутъ въ круговой шень. Затѣмъ, парни выдѣляются и идутъ въ лѣвую сторону, а

дѣвушки навстрѣчу парнямъ—въ правую сторону; при встрѣчѣ снова идутъ въ шенъ. 2-я фигура. Визави дѣлають шенъ, какъ въ 1-ой фигурѣ кадрили. 3-я фигура. Идутъ въ круговой шенъ, послѣ чего каждый парень, по очереди, съ каждой дѣвушкой въ отдаленности, зацѣпившись локтями, крутятся. 4 фигура есть повтореніе 3-й, только здѣсь вторая ея часть исполняется дѣвушками. Къ музыкѣ этой пляски имѣется припѣвъ:

Дудка, ты дудка, зеленая юбка.
Стала дудку свататься,
Стала дудка прятаться
По печуркамъ, по лугамъ,
По амбарамъ, сундукамъ.

По улицѣ. Играють общезвѣстную пѣсню съ ея мотивомъ. Этотъ танецъ пляшется въ одну пару. Пара, взявшись руками, дѣлаеть плавное движеніе, подъ темпъ музыки, вправо и влево, а потомъ, зацѣпившись локтями, крутятся въ темпъ музыки. Послѣ этого музыкантъ играетъ «бычка», и пляшущіе исполняютъ «парочку» (камаринскій). Если исполняютъ въ 2 пары, то каждая пара, взявшись локтями, крутятся одновременно обѣ пары, потомъ каждая пара, по очереди, пропускаетъ другъ друга въ средину и снова крутятся, какъ вначалѣ.

Мясоедъ заканчивается веселой и шумной масляницей. На масляницѣ каждый спѣшитъ побывать въ гостяхъ у своихъ дальнихъ родственниковъ. Молодые, недавно поженившіеся, первую повѣзду къ своему тестю пріурочиваютъ такъ же къ масляницѣ. Разнаряженные дѣвушки ходятъ по гостямъ. Пожилые мужчины и парни озабочены устройствомъ призовыхъ бѣговъ на лошадяхъ и въ то же время предаются игрѣ въ «арлянку» на деньги. Мальчишки кавалькадами разѣзжаютъ по улицамъ верхомъ на жеребятахъ, безъ сѣдла. Челки и гривы жеребятъ изукрашены яркими лентами. По вечерамъ съ наступленіемъ сумерекъ собирается вся молодежь гдѣ-нибудь на ближайшемъ увалѣ и съ шумомъ и крикомъ толпой скатываются или, лучше сказать, сбѣгаютъ съ него на ногахъ. Иногда катаются на большихъ саяхъ или на кожахъ. На каткѣ все время происходитъ шумная возня мальчишекъ между собой и шалость парней съ дѣвушками. Въ послѣдній день масляницы къ кавалькадѣ мальчишекъ на жеребятахъ присоединяются тройки, запряженные въ кошевы, пары и одиночки съ изукрашенными яркими лентами дугами и челками лошадей. Съ наступленіемъ сумерекъ ходятъ по домамъ прощаться. Въ каждомъ домѣ столы бывають заставлены соответствующими яствами; повтому, по приходѣ въ гости садятся за столъ поѣсть.

Во время постовъ не устраивается вечеровъ или другихъ общественныхъ увеселеній. Но вотъ наступаетъ Пасха и на время притихшія увеселенія молодежи снова оживаютъ. Теперь молодежь веселится уже на лужайкахъ, гдѣ-нибудь за деревнями или посередъ деревни. Тамъ устраиваютъ деревянную качель. Для этого ставятъ высокіе козла, надвѣваютъ на нихъ кольца и прикрѣпляютъ къ послѣднимъ два шеста, концы которыхъ соединяются березовымъ вѣломъ. Качаются на ней стоя, или одинъ, или вдвоемъ. Приэтомъ, любители сильныхъ ощущеній дѣлають на столько велики размахи, что зачастую становятся въ положеніе параллельное поверхности земли. На томъ же лужкѣ устраиваютъ игры:

«Въ разлукѣ» общезвѣстная игра въ горѣлки.

Въ воротца. Парни, взявшись руками попарно, съ дѣвушками, становятся рядомъ, приподнимая взявшіеся руки вверхъ; въ образовавшійся, такимъ образомъ, проходъ пары одна за другой пробѣгаютъ и также становятся на другомъ концѣ всѣхъ паръ и т. д.

Въ веревку. Эта игра напоминаетъ собою игру въ «кошку и мышку», только здѣсь парень или дѣвушка находившіеся въ кругу, стараются ударить кого-либо по рукѣ.

Лужекъ. Начиная съ Пасхи, каждый праздникъ молодежь собирается на лужайкѣ, или въ самой деревнѣ, если таковой имѣется, или за деревней. Здѣсь молодежь поетъ пѣсни и играетъ въ «разлукѣ». Вечерами въ дѣтніе праздники молодежь навлекается

вечерками, устраиваемыми на помочах поселянами для жатвы или сенокоса. Молодежь идет на эти помочи въ виду предстоящей вечерки, съ большой охотой.

Съ октября, съ окончаніемъ полевыхъ работъ, въ длинные осенніе вечера дѣвушки устраиваютъ посидѣлки (посидѣнки). Для этого онѣ занимаютъ избу у одинокой хозяйки куда и собираются по вечерамъ съ работой. До прихода парней, собравшіяся дѣвушки продолжаютъ принесенную съ собой работу, но вотъ явились парни, и работа сѣнилась любовничаньемъ, возней и хоровыми пѣснями, въ промежуткахъ которыхъ разсказываютъ сказки и загадываютъ другъ другу загадки. И это осеннее веселье молодежи затягивается почти до полночи. Въ прежнее время посидѣлкамъ предшествовалъ «дѣвичій саламать», или, какъ говорили, «снимать съ рукъ мозоли». Для чего 1 октября собравшаяся молодежь устраивала гулянку: они переходили изъ избы въ избу съ пѣніемъ и плясками, а вечеромъ собирались въ заранее условленный домъ гдѣ готовили ужинъ, изъ принесеннаго участниками гулянья мяса и изъ крупы съ масломъ изготавливается «саламать». Теперь обычай устройства «дѣвичьего саламата» исчезъ, но посидѣлки сохранились въ той-же силѣ.

Бирки и сельскіе деревянные календари.

Слабое развитіе грамотности зачастую заставляло людей прибѣгать къ различнымъ іероглифамъ, къ какимъ-либо фигурнымъ письменамъ. Такіе условные знаки встрѣчаются на биркахъ—деревянныхъ календаряхъ и другихъ записныхъ дощечкахъ. Бирки и по настоящее время встрѣчаются въ употребленіи въ Забайкальѣ между казаками, крестьянами и инородцами, хотя, съ развитіемъ грамотности, онѣ постепенно исчезаютъ, и не далеко то время, когда совсѣмъ исчезнутъ изъ употребленія. Бирки въ настоящее время замѣняютъ собою росписки при сдачѣ животныхъ въ пастбу и хлѣба въ общественный магазинъ; нерѣдко онѣ служатъ и памятнымъ листками для прочихъ домашнихъ расчетовъ.

Бирку составляютъ 4-хъ гранный деревянный брусокъ (см. табл. фигуры 1 и 2), толщиной въ $\frac{1}{4}$ вершка, длину же отъ 2-хъ вершковъ до 1 аршина. Одинъ обозначается одной вертикальной чертой; два—двумя чертами, пять—чертой, наклоненной верхнимъ концомъ влѣво; десять—буквой X и т. д. При сдачѣ хлѣба четверти отиѣчаются на одной плоскости бруска, а гарницы—на другой и, притомъ, болѣе мелкими знаками.

Послѣ наръзки соответствующей записи на биркѣ послѣдняя надрѣзается продольно такъ, чтобы надрѣзъ прошелъ по срединѣ знаковъ. Одна половина бирки остается у хозяина, а другая отдается пріемщику или должнику. При уменьшеніи или увеличеніи записи половинки бирки соединяють и дѣлають соответствующую отиѣтку. Для проверки правильности записи половинки снова соединяють, причѣмъ требуется, чтобы всѣ нанесенныя на биркахъ отиѣтки совпали. Къ числу подобныхъ «памятнущекъ» можно отнести записную дощечку, присланную мнѣ казакомъ Донинской станицы Нерчинскаго заводскаго округа, Косыхъ, которая употребляется инородцами р. Борзъ при расчетахъ съ казаками и другъ съ другомъ (смотри табл. А фиг. 3). Эта дощечка служила памяткой для должника и заимодавца. На ней изображены предметы забора фигурами, а подъ ними стоимость ихъ въ рубляхъ—чертами, а въ копейкахъ—точками. Черты имѣють то же значеніе, что и на биркахъ; точки, наставленные лѣвѣ чертъ, означаютъ десятки копѣекъ, а точки надъ фигурами—пятами *).

Казацкіе караулы и монгольскіе сторожевые пикеты во время дѣловыхъ переговоровъ для удостовѣренія полномочій своихъ представителей пользуютсѣ дощечками, на которыхъ вырѣзано, съ одной стороны по-русски, а съ другой—по-монгольски, на-

*) Фигуры изображаютъ слѣдующіе предметы: а) шкуру животного, б) вилы (значить, вѣтъ сѣна), в) сани,—условно означаютъ два воза дровъ, г) стегно (бедро) мяса, д) лошадь е) деньги, ж) иѣшокъ съ хлѣбомъ, з) телѣга и топоръ, к) чугунный котелъ. л) чай кирпичный.

звание казачьяго караула и его станичнаго округа. Эта дощечка расщепляется по поламъ: одна половина остается у нашихъ казаковъ, а другая отдается монгольской стражѣ.

Кромѣ только что перечисленныхъ записныхъ дощечекъ и бирокъ, которыми донинѣ пользуются забайкальскіе казаки, крестьяне и инородцы, прежде употреблялись деревянные календари или народные святцы, въ настоящее время исчезнушіе въ народномъ обиходѣ. Они когда-то были настольной книгой. Эти календари играли важную роль въ обыденной жизни забайкальцевъ, служили указателемъ праздниковъ, постовъ, именинъ; ими руководствовались и для опредѣленія времени полевыхъ работъ.

Здѣсь сдѣлано совмѣстное описаніе календарей, найденныхъ у забайкальскаго казачьяго населенія, съ календарями, найденными у крестьянъ по р. Ленѣ и у инородцевъ Приморской области, въ виду того, что календари, найденные въ этихъ сопредѣльныхъ областяхъ, имѣютъ близкое сходство по начертанію знаковъ и по отмѣткамъ чтимыхъ дней. Вѣроятно, всѣ они занесены одними и тѣми же первыми колонизаторами нашего края, которые съ одинаковой энергіей и смѣлостью проникали въ глухую Якутскую тайгу, въ Даурию и въ бассейнъ далекаго Амура, всюду заноса свои обычаи, вѣрованія и утварь домашняго обихода.

Въ Забайкальѣ календари, найденные въ Нерчинскомъ округѣ,—одинъ въ станицѣ Мелопугивѣ, а другой въ поселкѣ Шуринскомъ,—имѣютъ форму шести-гранной призмы, въ $7\frac{1}{2}$ верш. длиною и вершокъ толщиной. На каждой грани помѣщается два мѣсяца. Календарь ленскихъ крестьянъ имѣлся у меня въ чертѣжѣ, который былъ найденъ г. Владиміровымъ въ архивѣ читинской консисторіи. Этотъ календарь формы 4-хъ гранной призмы, въ $\frac{3}{4}$ аршина длиною и въ вершокъ толщиной. На каждой грани вытѣцается 3 мѣсяца. Числа обозначены на всѣхъ календаряхъ зарубками на граняхъ, а праздники и прочіе почему-либо памятные дни отмѣчены или разнообразными знаками (эмблемами народныхъ вѣрованій, связанныхъ съ этими днями) или начальной буквой праздника.

Я пытался установить древность календарей, найденныхъ въ Нерчинскомъ округѣ, но на всѣ мои вопросы получалъ одинъ отвѣтъ: «остался отъ стариковъ, а какъ они по немъ читали—не знаетъ». Календарь, чертѣжъ котораго былъ доставленъ г. Владиміровымъ, найденъ у крестьянина по р. Ленѣ и, судя по прилагаемому къ нему объясненію, его нашелъ одинъ священникъ около 50-хъ годовъ IX-го столѣтія. На просьбу священника отдать ему календарь, старикъ владѣлецъ, его, ни за что не соглашался на это. Онъ ссылался на то, что календарь остался отъ прадѣда; отецъ же, умирая, завѣщалъ дѣтямъ хранить календарь и передавать по наслѣдству. Такимъ образомъ священнику пришлось ограничиться лишь чертѣжемъ.

Новый годъ, по всѣмъ признакамъ, отмѣченъ на календаряхъ 1 сентября. Такъ напримѣръ, на календарѣ табл. 1-го счетъ идетъ отъ лѣвой руки къ правой, и сентябрь стоитъ въ началѣ грани, тогда какъ январь въ срединѣ. На календаряхъ табл. 2 и 3-й первыя числа какъ сентября, такъ и января отмѣчены въ срединѣ грани, но здѣсь на обоихъ календаряхъ 1 января не отмѣчено никакимъ особеннымъ знакомъ и не отдѣлено ничѣмъ отъ декабря, какъ конца стараго года, тогда какъ 1 сентября на календарѣ табл. 2-ой отлечено буквою Н; кромѣ того, между первымъ числомъ сентября и послѣднимъ числомъ августа вырѣзана фигура, состоящая изъ шести короткихъ вертикальныхъ линій, пересѣченныхъ одной общей горизонтальной. Этотъ знакъ какъ бы отдѣляетъ новый годъ отъ стараго; тѣмъ болѣе это вѣроятно, что онъ является единственнымъ знакомъ въ срединѣ двухъ мѣсяцевъ.

Начало счета на календаряхъ табл. 2-й и 3-й съ 1 сентября идетъ отъ правой руки къ лѣвой, а на календарѣ табл. 1—отъ лѣвой руки къ правой и, вѣдѣмъ, лентообразно переходить съ одной грани на другую.

Празднованіе новаго года въ сентябрѣ даетъ право предполагать, что эти календари принадлежатъ ко времени до-Петровской реформы или сдѣланы старовѣрами.

На правыхъ концахъ каждой плоскости календарей табл. 2-ой и 3-ей вырѣзаны кресты; причемъ на календарѣ табл. 2-ой впереди каждаго креста имѣются особые разнообразные знаки.

Въ сентябрѣ отмѣчены слѣдующіе, болѣе чтимые народамъ, праздники: 1 сентября—

Семеновъ день. Къ этому дню приурочено окончаніе нѣкоторыхъ полевыхъ работъ, потому и существуетъ пословица: «въ Семеновъ день косу въ пень». На всѣхъ трехъ календаряхъ онъ обозначенъ различными знаками: С. Н. и трехконечнымъ крестомъ. 8 сентября—Рождество Пресвятой Богородицы; на календаряхъ табл. 2-ой и 3-ей отмѣчено кругомъ. 14 сентября—Воздвиженіе животворящаго креста. На всѣхъ календаряхъ это число отмѣчено восьми-конечнымъ крестомъ. Съ этого дня всѣ зимоспящія животныя ложатся въ норы на зимнюю спячку. Къ этому же времени приближаются къ концу полевая работа, поэтому говорятъ: «въ здвигенье послѣдняя копка съ поля двинется». 20 сентября—Евстафьевъ день, на календарѣ табл. 1 отмѣчено, какъ начало охоты за оленями и бѣлкой въ сѣверной части Забайкалья. 24 сентября отмѣченъ отъ прочихъ будничныхъ дней, по всей вѣроятности, какъ день многихъ именинниковъ. 26 сентября—Іоанна Богослова, отмѣчено на календарѣ табл. 1-ой инициаломъ святаго, а на календаряхъ табл. 2-й и 3-й—крестомъ.

Въ октябрѣ: 1 октября—Покровъ Пресвятой Богородицы. Съ этимъ днемъ связано полное окончаніе полевыхъ работъ; говорятъ: «овинъ—именинникъ», который и придаетъ празднику характеръ болѣе веселый: дѣвушки въ честь овина-именинника устраиваютъ саломать, т. е. варятъ гречневую или ячную крупу и, взявши въ нее въ изобиліи масла, ѣдятъ въ такомъ видѣ. Въ иныхъ же мѣстахъ вмѣсто крупы варятъ на водѣ муку. Полученное такимъ образомъ тѣсто поджариваютъ на сковородѣ и ѣдятъ съ масломъ. Во время саломата на складчину покупается и водка для того, чтобы, какъ говорятъ: «смыть съ рукъ мозоли». Покровъ изображенъ на календарѣ табл. 1-й кустомъ безъ листьевъ, что, по всей вѣроятности, указываетъ на осеннее время, когда деревья и кусты теряютъ свои листья, а на календаряхъ табл. 2-й и 3-й отмѣченъ крышей, что значитъ: кровъ кровь, покровъ. На календарѣ табл. 2-ой отмѣчены 5 и 9 октября, а на табл. 3-й—5 число; на табл. 1-ой—10 октября. По всей вѣроятности, всѣ эти числа отмѣчены, какъ дни мѣстныхъ или семейныхъ праздниковъ. 22 октября—Казанская Божія Матерь. На календарѣ табл. 1-ой отмѣчена буквою К, а на календаряхъ табл. 2-ой и 3-й—крестомъ на кругѣ. 26 октября—Дмитріевъ день. Какъ говорятъ: «Митрій рѣкоставъ». Къ этому дню въ восточной части Забайкалья малкія рѣки замерзаютъ. Отличенъ буквою 4—Д.

Въ ноябрѣ: 1 ноября отмѣчено на всѣхъ календаряхъ: на табл. 1-ой буквою «Н», а на остальныхъ—нѣсколько удлиненной чертой. Нужно полагать, что это число являлось какимъ-либо мѣстнымъ праздникомъ. 8 ноября—Михаилъ Архистратигъ. Этотъ праздникъ почитается сельскимъ населеніемъ повсемѣстно. На календаряхъ табл. 2-ой и 3-ей онъ отмѣченъ копьемъ, какъ эмблема небснаго воина. 14 ноября. Это число отмѣчено, какъ начало Филиппова поста. 21 ноября—Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы («Введеніевъ день»). На календаряхъ табл. 1-й и 2-й отмѣчено буквою «В», а на табл. 3-й—крестомъ на кругѣ. 24 ноября—Екатерина Великомученица. Эта святая молвуется у населенія большимъ почетомъ, и ея имя часто дается дѣвочкамъ при крещеніи. 24 ноября—Знаменіе Пресвятой Богородицы. По народному повѣрію, кто работаетъ въ этотъ праздникъ, тотъ будетъ наказанъ или неудачей въ дѣлахъ или потерей животныя; поэтому каждый старается не работать, а почтить этотъ праздникъ.

Въ декабрѣ: 6 декабря—Николай Чудотворецъ, «Николинъ день». Этотъ святой среди крестьянскаго населенія пользуется особеннымъ почетомъ. Его называютъ не иначе какъ «Микола милостивый». На календаряхъ табл. 2-й и 3-й онъ изображенъ кустомъ, что указываетъ на него, какъ на покровителя растительнаго царства. На это же указываетъ и народный обычай, когда, при полномъ окончаніи жатвы на полѣ, оставляется клокъ несжатыхъ колосьевъ, какъ говорятъ: «Миколѣ на бородку». Онъ же считается и покровителемъ охоты; поэтому звѣропромышленники къ Николину дню стараются вернуться изъ тайги домой, чтобы дома почтить «Миколу». 12 декабря—св. Спиридонъ. Спиридоновъ день не почитается какъ праздникъ, но съ нимъ связана народная примѣта о переѣвѣ съ этого дня состоянія погоды: «солнце на лѣто, зима на морозъ», потому и называется этотъ святой «Спиридономъ-солноровотомъ». На календарѣ табл. 1-ой изображено это число буквою «С», а на остальныхъ—фигурой, напоминающей собой солнце. 25 декабря—Рождество Христово отмѣчено на календаряхъ

табл. 2-й и 3-й четырьмя крестами; четвертый крестъ, по всей вѣроятности, относится къ сочельнику; остальные же три указываютъ на три дня праздника.

Въ январѣ: 1 января—Васильевъ день. Отмѣченъ на календарѣ табл. 1-й буквою «В», а на табл. 2-й и 3-й—крестомъ. Наканунѣ этого дня старики гадаютъ объ урожаѣ хлѣба. Для этого они наливаютъ въ ложки воду и, завѣтивъ каждую ложку на извѣстный хлѣбъ, ставятъ ихъ въ рѣшето съ хлѣбомъ и на ночь выносятъ на улицу. Въ которой изъ ложекъ вода замерзнетъ съ болѣе высокимъ бугоркомъ, урожай того завѣченного хлѣба будетъ хорошій. 6 января—Крещеніе Господне. Этотъ праздникъ отмѣченъ на календаряхъ табл. 1-й крестомъ, какъ бы изображающимъ явленіе Св. Троицы, а на табл. 2-й и 3-й—хоругвями, напоминающими о крестномъ ходѣ. 18 января. Относительно этого числа говорятъ: «полозеъ покатится», т. е. въ это время путь обледенѣетъ, и получится хорошая санная дорога; поэтому 18 января на табл. 2-й и 3-й отмѣчено изображеніемъ саней. 24 января. Это число не считается какъ праздникъ. Оно лишь связано съ народной примѣтой относительно того, что съ этого дня наступаетъ вторая половина зимы. Поэтому говорятъ о числѣ: «Оксинья-полужимница». 30 января—день трехъ святителей. На всѣхъ календаряхъ онъ отмѣченъ тремя линіями, исходящими изъ одной точки.

Въ февралѣ: 2 февраля—Срѣтеніе Господне. На календарѣ табл. 1-й отмѣчено буквою «С», а на остальныхъ—крестомъ. 24 февраля—Обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи. На календарѣ табл. 1-й отмѣчено буквою «Г», что значитъ глава; на остальныхъ же изображена фигура головы. 29 февраля отмѣчено, какъ число, относящееся къ високосному году. На календаряхъ табл. 2-й и 3-й оно стоитъ отдѣльно и отмѣчено крестомъ; на календарѣ же табл. 1-й соединено съ 28-мъ числомъ.

Въ мартѣ: 1 марта — Евдокимъ день; отмѣченъ не какъ праздникъ, а какъ день, связанный съ примѣтой, что съ этого дня наступаетъ тепло. На календаряхъ табл. 1-ой и 2-ой это число обозначено буквою «Е». 6-е и 9-е марта. 6 числа воспоминаются 42 мученика, а 9—40 святыхъ, причемъ въ этотъ день стрипаютъ изъ пшеничнаго тѣста жаворонки въ виду ихъ прилета 9 марта. 17 марта — Алексѣевъ день. Это число отмѣчено не какъ праздникъ, а какъ день, связанный съ народной примѣтой о томъ, что съ этого дня наступаетъ оттепель: «Загорается ледъ отъ воды, а сибѣтъ отъ земли». 25 марта—день Благовѣщенія Пр. Богородицы поселяне строго соблюдаютъ; по ихъ вѣрованію, въ этотъ день ласточка не вьетъ себѣ гнѣзда, поэтому они стараются избѣгать работы. По вѣрованію ихъ, если женщина будетъ шить въ Благовѣщеніе, то всѣ вновь родившіеся агнята будутъ безъ задняго прохода. По примѣтамъ, къ Благовѣщенію прилетаютъ утки, поэтому на календаряхъ табл. 2-ой и 3-й 25-ое марта отмѣчено изображеніемъ птицы.

Въ апрѣлѣ: 1 апрѣля—Марія Египетская. Это число отмѣчено слѣдующими знаками: на календарѣ табл. 1 изображеніемъ голой женской фигуры въ воспоминаніе изъ страницъ житія этой святой, на календарѣ табл. 2-й и 3-й—иниціалами «М». 23 апрѣля—Георгій Побѣдоносецъ («Егорьевъ день»). На календаряхъ отмѣченъ на табл. 1-й изображеніемъ лошади, въ воспоминаніе дня отдыха лошадей, а на табл. 2-й и 3-й—изображеніемъ коня, какъ эмблемы храбрости и силы святого. Въ этотъ день въ селахъ устраиваются крестные ходы на ближайшую рѣку или озеро, гдѣ служится молебствъ, послѣ котораго купаютъ лошадей. Работы въ Егорьевъ день на лошадяхъ не производятъ, такъ какъ этотъ день есть лошадиный праздникъ.

Въ маѣ: 1 мая отмѣченъ не какъ праздникъ, а какъ начало весенней полевой работы, т. е. пахоты, поэтому и говорятъ объ этомъ числѣ: «Крема запрягальникъ». Согласно со смысломъ этой пословицы, связанной съ сельско-хозяйственными работами, на календаряхъ сдѣланы слѣдующія изображенія: на табл. 1—верхняя часть сохи, а на табл. 3—сошникъ; на табл. же 2-й надъ этимъ числомъ стоитъ буква «И». 9 мая—Перенесеніе мощей Николая Чудотворца или, какъ говорятъ: «Николинъ день». Почитается этотъ праздникъ также, какъ и 6 декабря, и отмѣченъ изображеніемъ тѣхъ же знаковъ. 21 мая—матери Елены, царя Константина или, какъ говорятъ: «Цари града». Въ этотъ день стараются избѣгать полевыхъ работъ, такъ какъ, въ наказаніе за нарушеніе праздника.

святой выражает свой гнѣвъ надъ виновнымъ тѣмъ, что посылаетъ градъ, который истребляется весь хлѣбъ. 25 мая—Обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи.

Въ іюні: 12 іюня—Онуфріевъ день. Это число отмѣчено не какъ праздникъ, а какъ день, съ которымъ связана народная примѣта о состояніи погоды. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстахъ Забайкалья ночная температура до 12 іюня бываетъ низкая, и крестьяне, желая узнать, будутъ ли нинѣ съ 12 іюня, для этого выносятъ на ночь мокрую судомойку. Если судомойка обледенѣетъ, то, значить, еще будутъ нинѣ. 24 іюня—Рождество Іоанна Предтечи, или, какъ говорятъ: «Иванъ Травникъ». Наканунъ этого дня ходятъ въ поле и собираютъ лѣкарственные травы. На календарѣ табл. 2-й и 3-й это число отмѣчено нѣсколькими знаками. 29 іюня—Петра и Павла. Это число отмѣчено изображеніемъ рыбы, и знакъ этотъ напоминаетъ о томъ, что прошедшемъ постѣ, когда употреблялась въ пищу рыба, или есть эмблема того, что эти апостолы были рыбаками.

Въ іюлѣ: 8 іюля—Проконевъ день. Съ этого дня начинается сѣнокосъ, поэтому на календаряхъ табл. 1-й и 3-й надъ нимъ изображена коса (горбуша), а на табл. 2-й буква «П». 20 іюля—Ильинъ день. Считая Илью Пророка громовержцемъ, такъ какъ громъ, по вѣрованію сельскаго населенія, происходитъ отъ его поѣздки на колесницѣ, поселане стараются избѣгать полевыхъ работъ въ этотъ день; если же кто производитъ ихъ въ Ильинъ день, то вся его исполненная въ этотъ день работа будетъ истреблена молніей. На всѣхъ календаряхъ онъ отмѣченъ изображеніемъ колеса, какъ части колесницы пророка. 28 іюля—отмѣченъ какъ праздникъ Смоленской Божіей Матери, которая пользуется особымъ почетомъ и у забайкальскаго населенія.

Въ августѣ: 1, 6 и 15 августа—глубоко чтимые народомъ два Спаса и Успеніе Пр. Богородицы. Въ память крестнаго хода 1 августа, какъ первый Спасъ, отмѣченъ изображеніемъ хоругви; 6 августа отмѣченъ изображеніемъ креста, а Успеніе Пр. Богородицы на табл. 2, 3 изображеніемъ гроба. 18 августа. Это число мы встрѣчаемъ, отмѣченнымъ на двухъ календаряхъ табл. 2-й и 3-й, какъ день Фрола и Лавра. На первомъ оно отмѣчено изображеніемъ лошади, что указываетъ на народное повѣріе, которое считаетъ этихъ святыхъ покровителями домашнихъ животныхъ, въ особенности лошадей. Въ силу этого повѣрія, во всѣхъ наговорахъ, во время лѣченія животныхъ, или огражденія ихъ отъ порчей, обращаются къ защитѣ и помощи Фрола и Лавра. Изображеніе серпа надъ этимъ же числомъ на календарѣ табл. 3-й напоминаетъ собой о времени наступленія жатвы, такъ какъ обыкновенно къ этому времени уже начинаютъ жать хлѣба. 29 августа Успеніе главы Іоанна Предтечи. На календаряхъ табл. 1-й и 3-й это число отмѣчено изображеніемъ креста, какъ эмблемы Крестителя. На календарѣ табл. 2-й изображенъ мечъ, въ память отсѣкновенія главы святому.

Помимо описанныхъ праздниковъ на всѣхъ календаряхъ имѣются дни, отмѣченные какъ второстепенные праздники или просто дни именинъ. На ленскомъ календарѣ табл. 1-й отмѣчены числа слѣдующихъ святыхъ: Михаила Архистратига, 6 сентября, Евлампія 10 октября, св. Наума 1-го и Варвары велико-мученицы 4 декабря. Василія пресв. 22 марта, преподобнаго Георгія 7 апрѣля, Іоанна Богослова 8 мая, Тихвинской иконы Божіей Матери 26 іюня, Маріи Магдалины 22 іюля. Изъ этого перечня святыхъ, отмѣченныхъ на ленскомъ календарѣ, видно, что у крестьянъ по р. Ленѣ преобладающіе мужскія имена слѣдующія: Михаилъ, Евлампій, Матвій, Наумъ, Василій, Лука, Иванъ и Егоръ; женскія же: Марія, Варвара, Акинья, Фекла и Дарья. На календаряхъ табл. 2-й и 3-й отмѣчены, кромѣ перечисленныхъ прежде, еще дни именинъ и прочихъ семейныхъ праздниковъ въ слѣдующія числа: 3, 17, 26 и 27 ноября, 29 мая, 8 іюня Феодора Стратилата отмѣчено буквою «Θ», 1, 15, 24 и 26 іюля.

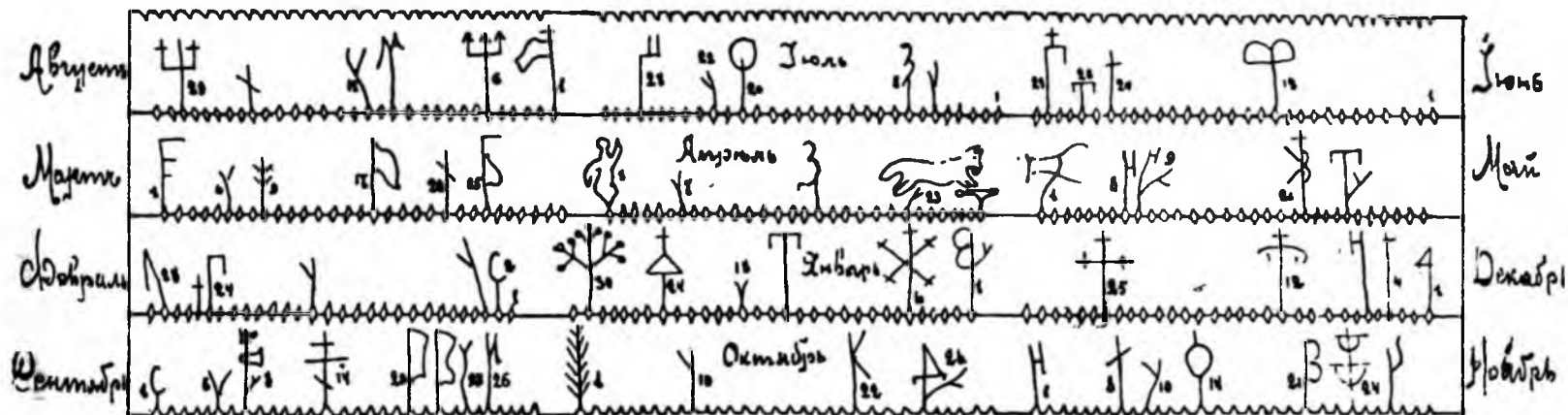
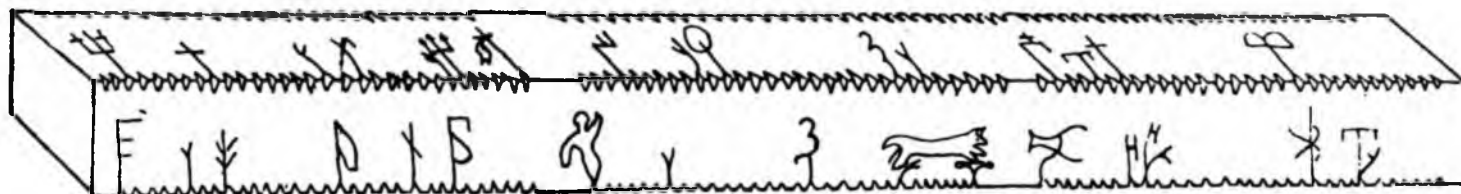
Въ коллекціяхъ Хабаровскаго музея имѣется костяной календарь, какой встрѣчалъ въ свое время Миддендорфъ у якутовъ. Онъ имѣетъ форму шестигранной призмы съ расширеніемъ въ срединѣ. Знаки на этомъ календарѣ, по своему начертанію, нѣсколько напоминаютъ знаки предыдущихъ календарей (см. табл. 4-ая). На каждой грани этого календаря помѣщено два мѣсяца. Отмѣчены на немъ слѣдующіе праздничныя числа: 6 января—Крещеніе Господне изображено крестомъ. 18 января. Это число отмѣчено фигурой, изображающей сани, что подтверждаетъ народную поговорку: «Полозъ покатится», т. е. устанавливается къ этому времени обледѣвшій путь. 24 января—число, обозна-

чающее половину зимы. 30 января трех святителей, на что и указывают три точки. 2 февраля—Срѣтеніе Господне изображено пятью точками. Отмѣчены 7 и 11 и 21 февраля. Это послѣднее число, вѣроятно, ошибочно отмѣчено вмѣсто 24, какъ дня Обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи; тѣмъ болѣе вѣроятна эта ошибка, что фигура надъ этимъ числомъ напоминаетъ собою голову; 9 марта—день 40 святыхъ отмѣченъ восьмью точками; 17 марта—Алексѣевъ день отмѣченъ изображеніемъ вилообразной фигуры. 25 марта—Благовѣщеніе Пр. Богородицы изображено неопредѣленной фигурой. Можетъ быть, это гнѣздо, какъ эмблема того, что птица въ этотъ день не вьетъ гнѣзда; 23 апрѣля—Вгоровъ день, отмѣченъ изображеніемъ фигуры, напоминающей какого-то животнаго. Въ маѣ болѣе другихъ отмѣчены: 9 мая, какъ день св. Николая Чудотворца, 21—Царя града, 25—третье обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи, на что и указываетъ изображеніе трехъ точекъ. Въ іюні отмѣчены: 12 число, какъ день Онуфрія. Знакъ надъ этимъ числомъ отличается отъ знаковъ прочихъ календарей; 15 число отмѣчено изображеніемъ пяти точекъ, 24-го—Рождество Предтечи, 29—Петра и Павла. Въ іюлѣ имѣющими болѣе важное значеніе отмѣчены: 8-го Прокопьевъ день и 20—Ильинъ день, который и обозначенъ колесомъ. Въ августѣ: 1, 6 и 15 числа, какъ три, почитаемые народомъ Спаса. 1-го Сентября отмѣчено какъ и на прочихъ календаряхъ. 8 сентября—Рождество Пр. Богородицы. 14-е—какъ день Воздвиженія Креста Господня. 1 октября отмѣчено изображеніемъ куста, какъ и на календарѣ табл. 1. Въ ноябрѣ: 1, 8, 14 и 24, изъ которыхъ болѣе всѣхъ празднуется въ народѣ 8-ое, Михайловъ день. Въ декабрѣ: 6-ое число, какъ праздникъ Николая Чудотворца, и 25—Рождество Христово. Помимо тѣхъ чиселъ, которыя перечислены здѣсь, встрѣчаются отмѣтки еще и на другихъ числахъ, но нужно полагать, что это незначительные мѣстные или семейные праздники.

Членъ сотрудниковъ Приамурскаго Отд. И. Р. Г. Общ. *К. Д. Логиновскій*.

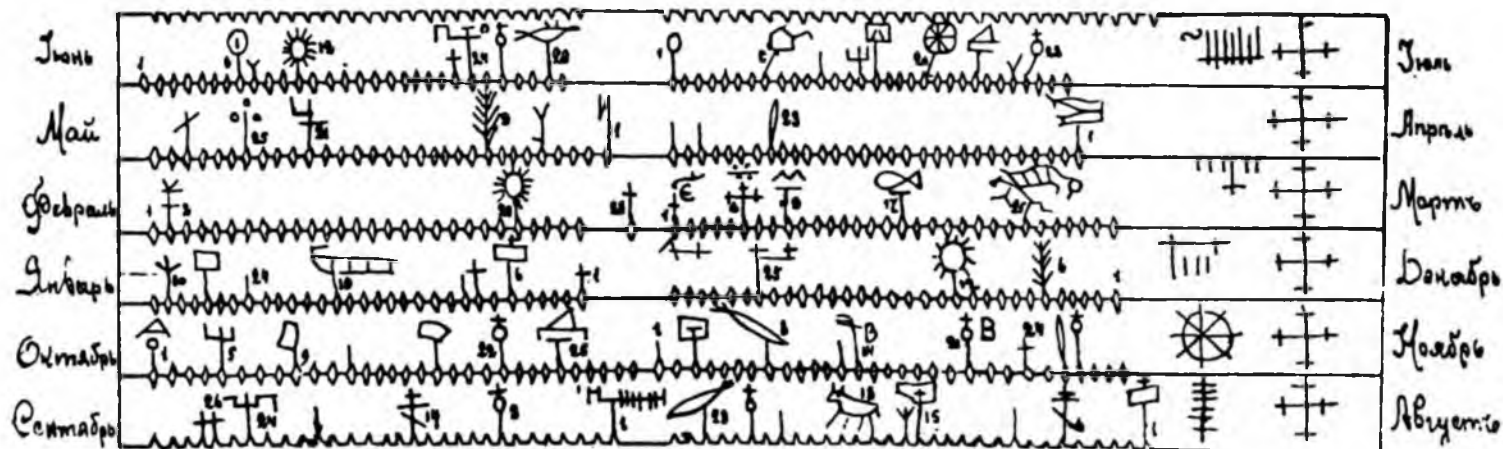
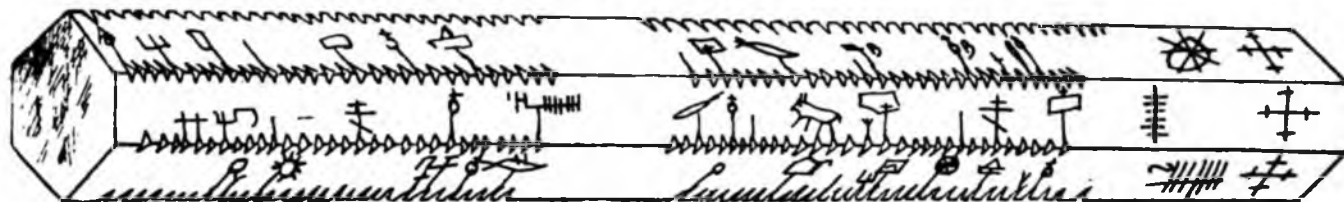
Хабаровскъ.

Таблица 1.

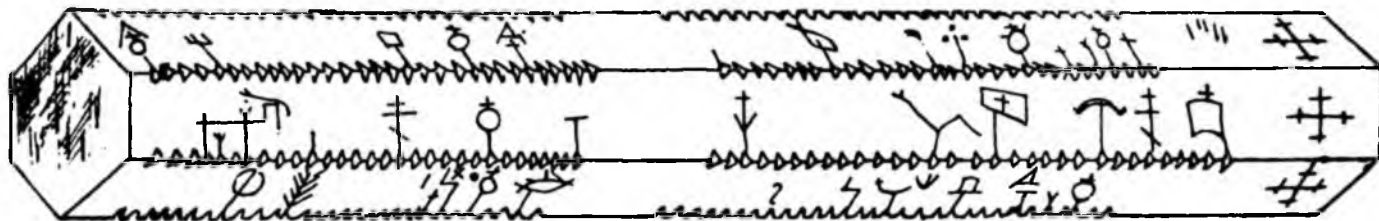
130 1/2 натуральной величины.

Таблица 2:

Всё в 1/2 натуральной величины.

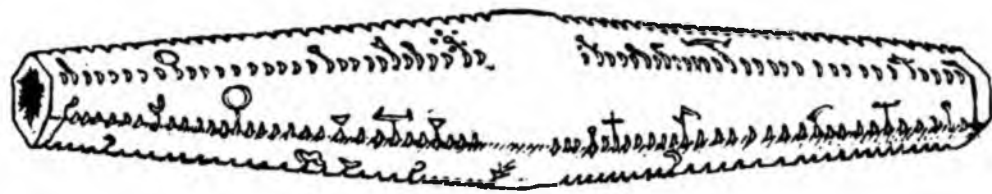
Таблица 3.

Сентябрь		Август
Октябрь		Ноябрь
Ноябрь		Декабрь
Декабрь		Январь
Январь		Февраль
Февраль		Март
Март		Апрель
Апрель		Май
Май		Июнь
Июнь		Июль

36 1/2 натуральной величины

Таблица 4

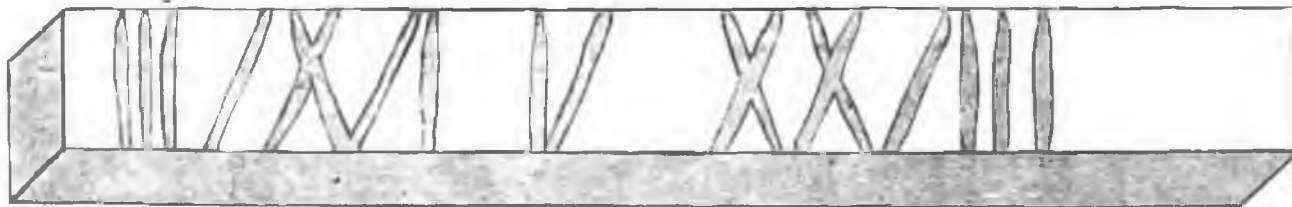

Февраль		Январь
Март		Декабрь
Апрель		Сентябрь
Май		Август
Июнь		Май
Июль		Апрель

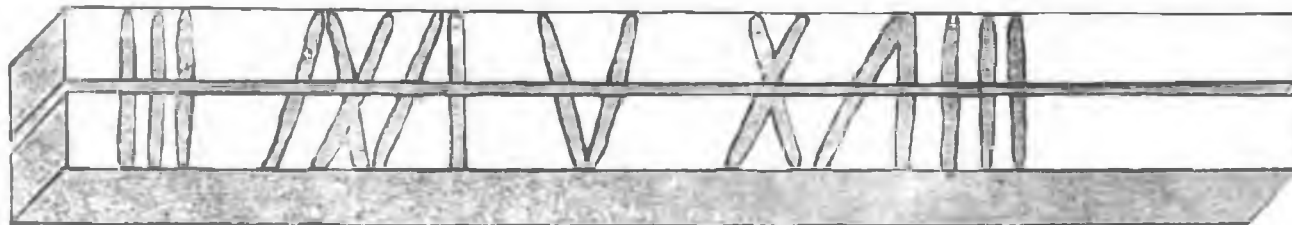
Въ натуральную величину

Παλμυρα Η.

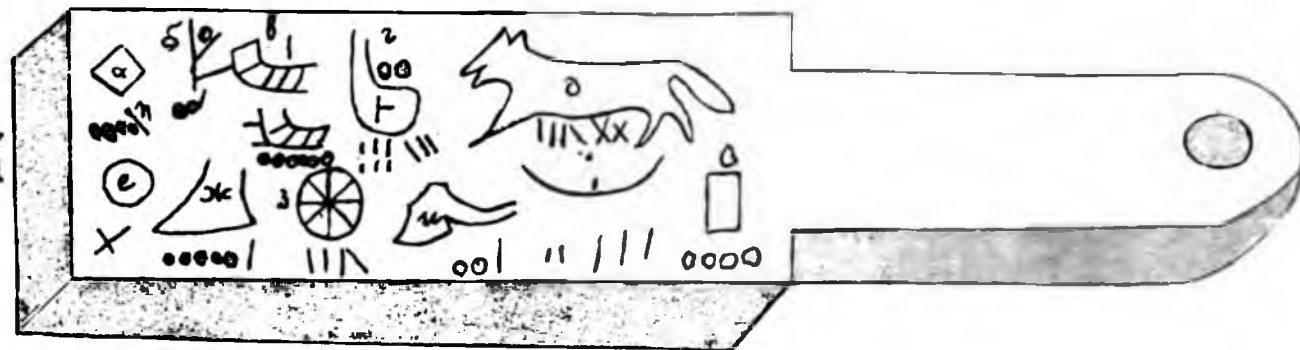
Σελ. 5

Σελ. 5

Σελ. 11

Простонародное лѣченіе болѣзней въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, съ постепеннымъ развитіемъ промышленности и народнаго образованія всюду въ сельскомъ населеніи замѣчается упадокъ старинныхъ обычаевъ, правовъ. и т. п.; все это естественно, иначе и быть не можетъ.

Для этнографа такой моментъ въ жизни народа очень важенъ. Важенъ онъ въ томъ отношеніи, чтобы не пропустить времени для отиѣтки того или другого изъ «старинны глубокой» по части этнографіи, пока это то или другое не перешло въ область преданій. Вотъ почему и я пишу настоящую свою замѣтку, повидимому, не имѣющую теперь особаго значенія для читателя.

Прежде всего надо сказать, что въ послѣднее время земская медицина въ Кадниковскомъ уѣздѣ поставлена весьма удовлетворительно, доказательствомъ чего можетъ служить то обстоятельство, что земство ассигновало по сибѣ на 1900 годъ къ расходованію на это дѣло 55.348 руб., — сумма, какъ видите, довольно порядная, и на нее можно кое-что сдѣлать. Немало, конечно, уже и сдѣлано. Такъ, напр., изъ отчетовъ по врачебной части видно, что больныхъ въ кадниковской больницѣ и четырехъ лѣчебницъ въ 1899 г. было 1928 человекъ, проводившихъ на излѣченіи 35.926 дней, амбулаторныхъ же больныхъ по уѣзду въ томъ году было 91.091 человекъ¹⁾.

Но несмотря на все это, простонародное лѣченіе болѣзней всюду по уѣзду практикуется еще до сихъ поръ, особенно въ глухихъ, отдаленныхъ отъ больницъ деревняхъ; съ этого-то рода лѣченіемъ я и хочу познакомить читателя.

Начнемъ съ головной боли и кончимъ болѣзнями ногъ.

1. а) Отъ головной боли лѣчатся такъ: берутъ кусокъ глины, размачиваютъ его въ водѣ и разминаютъ, а затѣмъ кладутъ ее пластомъ въ тряпку и обвертываютъ голову. Сырая глина, какъ извѣстно, холодитъ голову и больной чувствуетъ нѣкоторое облегченіе.

б) Прикладываютъ къ головѣ капустные листья, смоченные предварительно въ квасу.

в) Прикладываютъ тертую рѣдьку.

г) При нервныхъ боляхъ, голову обвертываютъ платкомъ какъ можно туже, т. е. крѣпче.

д) Пьютъ траву, по извѣстному названію «адамова голова». Приготавливаютъ эту траву такъ же, какъ чай: кладутъ въ чайникъ 2—3 травинки и, заваривши, пьютъ по чайной чашкѣ 3—4 раза въ день.

2. Глазные болѣзни. а) Могутъ глаза хорошимъ средствомъ глицериновымъ или яичнымъ, а когда это не помогаетъ, то спускаютъ въ глаза растворъ крима²⁾.

б) Смѣшиваютъ яичный бѣлокъ съ тертыми квасцами и, намазавъ такую смѣсь на тряпку, прикладываютъ къ глазамъ.

в) При больмахъ употребляютъ имбирный корень или леденцовый сахаръ въ порошокъ. Если это средство не помогаетъ, то промываютъ глаза виномъ, настояннымъ на камфорѣ, дабы «профѣло».

¹⁾ Доклады кадниковской уѣздн. земской управы и журналы земск. собранія 1900 г. стр. 114, 115 и 545.

²⁾ Крима—каломель.

г) Если глаза «засыпаются», т. е. по утрамъ бываетъ нагноеніе, то бросаютъ въ нихъ нюхательнаго табаку.

д) При болѣзни вѣкъ употребляется въ дѣло лѣченія хвѣлевой листъ; листомъ этимъ (шаршавой стороной) трутъ вѣка; если это не поможетъ, спускаютъ въ глаза регальное или муравьиное масло. Последнее готовится такъ: берутся муравьи и кладутся въ бутылку, которую ставятъ въ жаркую печь; когда же всѣ муравьи полопаются отъ жары, тогда ихъ извлекаютъ оттуда и выжимаютъ изъ нихъ сокъ, который и называется масломъ.

е) При краснотѣ глаза засыпаютъ его чистымъ и пережженнымъ сахаромъ.

ж) Засореніе глаза очищаютъ языкомъ какой-нибудь «мастерицы», т. е. специалистки.

з) При конъюнктивитѣ спускаютъ въ глаза растворъ *kali jod*.

и) Опухоль железы на вѣкахъ («писыакъ») лѣчатъ примачиваніемъ своей мочей или прикладываніемъ къ глазу теплаго мягкаго хлѣба, который при остываніи долженъ быть выброшенъ собакой, иначе это средство не поможетъ. Отдается же собака этотъ хлѣбъ, а съ нимъ и самую болѣзнь потому, что, по повѣрью, и самая-то болѣзнь эта получается отъ собаки, и именно тогда, когда видишь, что собака испражняется, и если не сумѣешь или не успѣешь сказать: «собака съи и с... и себѣ на глаза», то и сдѣлается писыакъ.

3. Насморкъ («насмѣка»). а) Насморкъ излѣчиваютъ такъ: мажутъ переносье саломъ, нюхаютъ табакъ, сморкаются въ портянки.

б) Если ни одно изъ упомянутыхъ средствъ не помогаетъ, то мажутъ соплями дверную скобу, чтобы насморкъ перешелъ къ тому, кто послѣ того первый возьмется за скобу.

в) При коростахъ у носа отпачиваютъ ихъ теплымъ спитымъ чаемъ—травой.

г) Мажутъ носъ сажею и по повѣрью кто первый скажетъ, что у тебя-де на носу сажа, къ тому и перейдетъ насморкъ.

д) Прилѣпляютъ къ носу травинку осоки, и кто скажетъ, что «у тебя на носу осока», слѣдуетъ отвѣтить: «перейди къ нему моя насмѣка».

е) Трутъ носъ кошачьимъ хвостомъ.

4. Зубная боль а) Кладется на больной зубъ лозоръ (краска), купоросное масло или крѣпкая водка (*acidum nitricum*) или же стручковый перецъ, вино.

б) Если это не поможетъ, то готовится настой изъ горошечнаго перца съ виномъ, и держатъ этотъ настой во рту.

в) Кладется на зубъ даже человѣческій калъ, полощутъ холодной водой.

г) Дѣлается такая спеція: берется часть толченаго перцу, часть сахарнаго песку и немного вина, чтобы развести эту смѣсь и на ложкѣ или на чайномъ блюдечкѣ нагрѣваютъ ее надъ свѣчкой и затѣмъ этой смѣсью, пока она не остыла, залѣпляютъ дупло и мажутъ десну.

д) Если въ домѣ никто не умиралъ, то берутъ изъ трещины въ стѣнѣ (изъ бревна) перемычку и выходятъ съ нею ночью на улицу, когда свѣтитъ луна, и говорятъ, повторяя трижды: «какъ у покойника не болятъ ни зубы, ни дѣсны, такъ бы и у раба Вожія (имя рекъ) не боляли бы ни зубы, ни дѣсны», и перемычку эту кладутъ на больной зубъ.

е) Ходятъ на кладбище и ищутъ тамъ человѣческую кость, если найдутъ, то трутъ ею зубы и десна, говоря тѣ же слова, что и при употребленіи перемычки.

ж) Настаиваютъ на винѣ траву—«подорожникъ» и кладутъ на зубъ.

5. Воль въ горлѣ. и) При болѣзни горла (напр. ангина) кладутъ на горло сахарную бумагу, смазанную саломъ; привязываютъ къ ножи жерстяной носокъ, предварительно смазавши шею саломъ же.

б) При кашлѣ сухомъ употребляется настой травы, извѣстной подъ названіемъ «звѣробой», и также намазывается горло и грудь саломъ.

6. Грудныя болѣзни. а) Отъ грудной боли пьютъ вино, настоянное на стручковомъ перцѣ. Кромѣ того мажутъ грудь и бока скиндаромъ, чтобы «разогнать кровь».

б) Если эти средства не помогают, то водят больного в баню и там делают припарки из сынной «трухи» ¹⁾ и к ночи пьют настои из «дорогой травы» (Sagvararilli) с вином.

в) Заваривают овес, как чай, и тоже пьют.

7. Желудочные болезни. а) Сначала растирают живот (массаж), а затем дают пить скипидар, а иногда и нашатырь, конечно, по немногу.

б) Если это не поможет, то наливают в бутылку горчичной воды и катают ею по животу больного или же накладывают на живот горшок, предварительно вложивши в него немножко кудели и зажегши ее, и получается нечто вроде сухих банок.

в) Пьют соленый квас, водку с солью или с перцем, также и хрип, называя его «сердечный порошок».

г) Если живот болит от глистов, то пьют постное масло (из сынного льна) и повертывают пуп.

д) Если боль объясняется, что «пуп сорвал», то кувыркаются через голову и пьют соленую воду, настой из наганного корня.

е) При запорах пьют «сыворотку», т. е. отбросы от творога.

8. Болезни спины. а) При лечении боли в спине, больного берут в охапку и встряхивают.

б) Сбьют т. е. рубят как-нибудь неживым вѣш (утѣш, по мѣстному) и, придя к больному, кладут его на порог животом, а на спину кладется голик (вѣшник безъ листьев) и стучат по голику топором, при этомъ кто-нибудь долженъ спросить: «чего сбьешь?», сбивший отвѣчаетъ: «утѣш». — «Ну, такъ, — говорятъ, — сбьки его больнѣе, чтобы не было у Степана боли».

в) Если спина болит от ушиба, то больного заставляют перегибаться через палку или кувыркаться, а также употребляется натирание спины скипидаром или керосином.

г) При простуде, когда спину «надуло» вѣтромъ, прикладывают иногда припарки из сынной трухи.

9. Простуда, лихорадка («вумуха»). а) Прежде всего, когда человек почувствует озноб, его ведут в баню и там парят, какъ возможно дольше, чтобы пропотѣть. После бани натирают его скипидаром или керосином или же муравьиным спиртом.

б) Къ ночи больного поят настои на вѣш стручкового перца, а ноги обкладывают чистым березовым листом; утромъ же заставляют его ходить по росѣ босымъ, если это случилось не зимою.

в) Если эти средства не помогутъ, то приносят изъ лѣсу муравьище и кладется на него кадка съ теплой водою, куда больной и кладет свои ноги. Это тоже своего рода припарки.

г) Лѣчат и паровыми ваннами, а именно: обвертывается больной мокрой простыней, садится на стулъ съ рѣшеткой, подъ стулъ ставится какой-нибудь сосудъ, наполненный какимъ-нибудь горючимъ матеріаломъ, каковой и зажигается. Отъ жара нагревается мокрая одежда и образовавшіеся пары согреваютъ тѣло больного.

10. Ножные болезни. а) При лишайныхъ сыняхъ мажутъ пораженныя части дегтемъ, клеевой, а иногда и сметаной, которую, затемъ, даютъ слизать съ больного собакѣ.

б) При мокнущемъ лишаѣ или экземѣ присѣкаютъ кремнемъ и огнемъ (железная пластинка) летучій огонь, но при этомъ наблюдается, чтобы одинъ изъ присѣкающихъ былъ самый старшій изъ семьи, а другой — самый младшій; одинъ другого долженъ спросить: «что присѣкаешь?» Отвѣтъ: «летучій огонь засѣкаю»: — «Сбьки бойчѣе, чтобы вѣкъ его не было».

в) Сухой лишай мажутъ грязью изъ трубки или чубука.

г) Коросты на головѣ и вѣши смазываются ртутной мазью, которую готовятъ сами изъ ртути, свѣжаго сала и масла.

д) При чесѣ моютъ в банѣ дегтярной водою или соленымъ молокомъ. Такъ же

¹⁾ Труха — измельченное сѣно.

мажут сметаной, что и при сыпях или мажут мазью, приготовляемой из горючей сѣры со сметаной.

е) На вередя прикладывают печеный лукъ, привязываютъ варъ, бѣлый грибокъ, смоченный въ теплой водѣ, иногда шкурку лѣтяги (мездрю на вередъ). Это послѣднее средство, по словамъ знатоковъ, очень хорошее средство, жаль только, что звѣрковъ этихъ мало водится въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

ж) Прикладываютъ нѣкоторые знахари вмѣсто упомянутыхъ веществъ битые пряники или теплый творогъ.

з) Раны засыпаютъ табакомъ, засыпаютъ сахаромъ, паутиной, сверху же кладется листъ подорожника или бересты. Свѣжія раны покрываются лакомъ спиртовымъ и завязываются тонкой кожей—бахтармой. Иногда раны засыпаются алебастромъ.

и) При проколотой ранѣ, когда сдѣлается уже нарывъ, привязываютъ жеванный хлѣбъ съ солью.

і) Къ нарывамъ привязываютъ мыло, подорожникъ и варятъ еще какой-то пласиръ съ сѣрою.

к) При ранахъ, напр., *sifilis'a*, щелокомъ гонять волосъ, прикладываютъ заячью шкурку, мездрю къ ранѣ. Первое средство известно, какъ шарлатанство знахарей и дѣлается оно такъ: знахарь приноситъ къ больному своего щелоку; положивши предварительно въ щелокъ нѣсколько волосинокъ, онъ начинаетъ мыть рану и какъ будто изъ нея вытаскиваетъ одну за другой волосинки, говоря: и у тебя оттого долго не заживаетъ рана, что тамъ росли волосинки, но теперь я ихъ выгналъ, и рана скоро заживетъ». Больной, конечно, обрадуется, и лишній «пятакъ» перепадетъ въ руку такому знахарю.

л) При трещинахъ сосковъ (у женщины) мажутъ ихъ яичнымъ масломъ (изъ желтка) или деревяннымъ (елемъ), а также, если найдется, свѣжимъ медвѣжьимъ саломъ. Последнее—отличное средство при всякихъ трещинахъ на тѣлѣ или царапинахъ, но, къ сожалѣнію, не всегда имѣется оно. Къ ранамъ прикладываютъ еще варъ съ масломъ.

м) Кровотеченіе изъ ранъ останавливаютъ засыпкою сухимъ мохомъ, сахаромъ, трутомъ (грибокъ съ березы) и алебастромъ, а сверху покрываются подорожникомъ или капустнымъ листомъ.

11) Дѣтскія болѣзни. а) Если ребенокъ не крѣпко спитъ, дрыгаетъ ногами, ѣжится и гнется на спину—это значитъ: у него щекотуха. Чтобы избавиться отъ щекотухи, дѣлаютъ изъ крупчатой муки на женскомъ молокѣ крутое тѣсто, въ видѣ колобка, и несутъ ребенка въ баню, гдѣ прежде всего вымоютъ его, а затѣмъ натираютъ этимъ колобкомъ спину, задницу, наружныя стороны верхняго плеча и заднюю поверхность бедеръ до подколенной ямки, и потомъ тотчасъ же смываютъ. Когда смоятъ это тѣсто съ ребенка, то снова натираютъ и прикладываютъ чистыя тряпки, затѣмъ пеленаютъ его и оставляютъ уже до слѣдующей бани, обыкновенно до завтра, такъ какъ въ первое время по рожденіи ребенка бани топятся ежедневно.

б) Нѣкоторыя женщины вмѣсто колобка натираютъ тѣ же мѣста у ребенка кускомъ или порошкомъ квасцовъ. Щекотуха, по словамъ лѣкаровъ, выходитъ изъ тѣла въ видѣ черненькихъ волосковъ, какъ щетинка.

в) При коликахъ въ животѣ парятъ ребенка въ банѣ почти до потери имъ сознанія.

г) При грыжѣ поятъ грыжной травой, пропускаютъ черезъ животъ мышенка, прижигаютъ пяточку веретена, нагрѣтаго сильно треніемъ о что-либо, зажигаютъ на пупѣ небольшой клочъ кудели и надѣваютъ на шею старинную мѣдную монету, которую отчасти нилать, и опилки даютъ ребенку выпить въ водѣ.

д) Когда ребенокъ опрѣветъ, то присыпаютъ опрѣвшія мѣста толченымъ ольховымъ листомъ и корой или березовымъ задубомъ; нѣкоторые, впрочемъ, присыпаютъ овсянымъ толокномъ или гарь-дьякою, получаемою отъ тренія мельничнаго вала.

е) Чтобы сохранить ребенка отъ лихого глаза, слѣдуетъ, по повѣрію, обмыть три дверныя скобы и затѣмъ этою водой обмывать ребенка, положивши предварительно въ воду горячихъ угольковъ.

ж) Отъ золотухи (по мѣстному, «просодье») поятъ и моютъ ребенка настоемъ

калныи. Затѣмъ, существуетъ еще заговоръ: «Встану я раба Божія, благословясь и перекрестясь, и пойду изъ воротъ въ ворота, во чистое поле, во чистомъ полѣ стоятъ золотой стулъ и сидитъ на немъ бабушка Соломонида, она хвощетъ и полощетъ всѣ 12 просоній съ раба Божія (ими рекъ): костяное, жидкое, мясное, язычное, подъязычное, зубное, глазное, головное, мозговое, ножное, подреберное и брюшное». Заговоръ этотъ произносится надъ ребенкомъ, когда его моютъ въ банѣ.

в) Ребенку только-что родившемуся жуютъ хлѣбъ или пряники—сусленики и, завернувши въ рѣдкую тряпку, суютъ въ ротъ—это соска.

и) Если ребенокъ не мочится, то берутъ съ крыши гумна моху, завариваютъ его какъ чай и даютъ пить.

і) Судороги у ребенка («родимецъ») вылѣчиваютъ массажемъ.

12. Женскія болѣзни. а) При кровоточеніи изъ матки, пьютъ черныи брунецъ (ядовитыя ягоды), заваривая его какъ чай. Брунецъ употребляется какъ и abortivное средство.

б) Для ускоренія родовъ даютъ роженицѣ пить настой травы, извѣстной подъ названіемъ «прыгунъ» или воду, въ которой были обмочены 2—3 ключа.

в) Если у роженицы слабы потуги, то суютъ ей въ ротъ волосы и даже плюютъ, кромѣ того рвутъ руками наружные половые органы.

г) Если ребенокъ идетъ неправильно то роженицу вѣшаютъ къ воронцу (балка) внизъ головой и встряхиваютъ. Если при родахъ показалась ручка или ножка, то безъ церемоній ухватываются за нее и тянутъ изъ всей силы.

д) Пупокъ завязываютъ какъ можно ближе къ тѣлу ребенка и непременно суро-вою ниткою, скрученною съ волосами матери. Коса во время родовъ должна быть расплетена, и самые роды должны производиться тайно, дабы они были легче.

е) Послѣ родовъ тащутъ роженицу въ баню, нерѣдко съ невышедшей еще постелькой. Послѣ бани даютъ пить суидъ (овсяная мука, замѣшанная на квасу или водѣ). Женщины-сосѣдки приносятъ роженицѣ здоровья въ видѣ пирога изъ ржаной или ячной муки.

ж) Во время беременности, при судорогахъ, носятъ кольца золотыя, серебряныя или же изъ старинной мѣди. Въ то же время, если случится изжога, то ѣдятъ горохъ, мѣлъ или держатъ дробинку во рту.

13. Разныя общія болѣзни. а) Sifilis. Болѣзнь эта называется здѣсь «купорсонницей», «худой болѣзнію». Лѣчатъ ее, напр., папулы на губахъ, кондиломы на мошонкѣ и заднемъ проходѣ смазывая мѣднымъ купоросомъ. Затѣмъ, подкуриваются киноварью, пьютъ бѣль съ виномъ, дорогую траву (Sarsaparilli), настоенную на винѣ же.

б) Impotentia. Эта курьезная болѣзнь чаще всего случается въ первые дни женитьбы, лечатъ ее такъ: скоблятъ ножомъ рогъ и стружку пьютъ въ винѣ, говоря: «стой мой, какъ рогъ».

в) Отъ порчи во время свадьбы, молодой втыкаютъ въ рубашку, которая на ней, «протышь», т. е. иглу безъ ушей. Былъ такой случай: «молодая» съѣла, и игла—довольно большая—ушла въ ягодицу; несчастная, не смѣя или стыдась сказать, носила ее три дня, пока не кончили всѣ свадебныя пиршества.

г) Если кто во время перваго грома перекувырнется, то во весь годъ не будетъ болѣть у того поясница.

д) Переломы, вывихи и ушибы. При переломахъ размываютъ переломленные части съ мыломъ, обкладываютъ затѣмъ дракками или берестой и на-туго перетягиваютъ толстымъ поясомъ изъ коровьей шерсти.

При вывихахъ поступаютъ также. При этомъ бывають такіе печальные случаи, какъ нижеслѣдующіе: разъ пьяненькій мужичекъ ушибъ руку; призванная къ нему костоправка стала править здоровую руку и вывернула ее. Ушибленная рука поправилась, а та, которую правила баба, и теперь не дѣйствуетъ. Фактъ.

Есть костоправы, дѣйствительно, знающіе отчасти это дѣло, но и съ ними случаются казусы (впрочемъ, и съ докторами случаются ошибки!). Такъ, напр., у больного костоправъ, «ничтоже сумняшеся», снялъ повязку фельдшера и началъ «правлять», послѣ чего у больного появились нарывы, и онъ умеръ.

При ушибахъ привязываютъ болотную широколиственную траву, известную здѣсь подъ названіемъ «урѣзная», предварительно смоченную въ теплой водѣ.

При ушибахъ же иногда употребляютъ такое средство, какъ смачиваніе дѣтской мочей.

е) Ожоги, занозы. Ожоги лѣчатъ прикладываніемъ тертаго картофеля, смазываніемъ варенымъ постнымъ масломъ или дрожжами.

При занозахъ, когда уже началъ образовываться нарывъ, жгутъ крахмальный холщевый лоскутъ и надъ дыномъ отъ него держать морозенную часть тѣла. Если нарыва еще нѣтъ, то занозу просто вынимаютъ иголкой.

ж) Отъ водянки пьютъ настой березовыхъ почекъ на винѣ.

з) При нкоть стараются испугать чѣмъ-нибудь. Угри и прыщи оттираютъ въ банѣ грязной рубашкой. Трещины на ногахъ смазываютъ сметаной или свороженнымъ масломъ.

д. Хмѣлевская.

А. А. Шустиковъ.

Нѣкоторыя повѣрья, пѣсни и обряды Орловской и Калужской губерній.

А в с е н ь.

(Въ с. Кошелевѣ Орловской губерніи, Кромскаго уѣзда, подъ новый годъ справляютъ Авсень).

Приходятъ мальчишки въ хату, посыпаютъ овсомъ и поютъ пѣсню:

Ой, Авсень, Авсень
Ой во борѣ, борѣ,
Сосенка стаяла,
Зелена, кудрява.
Ой Авсень, Авсень!
Ѣхали баяре,
Сасенку срубили,
Въ дашечки пилили,
Масточки мастили,
Сукномъ устилали,

Гвоздиками убивали.
Ой, Авсень, Авсень!
Каму ѣхать
По етому мосту?
Ѣхать тамъ
Авсену да новому году.
Ой, Авсень, Авсень!
Курочкѣ съ пѣтушкомъ,
Полковничку съ дьячкомъ.

По окончаніи пѣсни спрашиваютъ у бабъ, сколько онѣ направи нитокъ. Бабы показываютъ ребятамъ нитокъ, изъ которыхъ нѣсколько берутъ себѣ ребята.

М а с л я н и ц а.

(с. Самбурово Мещовскаго уѣзда).

На масланицу пекутъ блины и алады. Яичницу жарятъ; драконы пекутъ. Женщины наряжаются мушкетерами, а мужчины женщинами. Поютъ разныя пѣсни.

Понедѣльникъ I недѣли вел. поста

(с. Кошелево, Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи).

Въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста сажаютъ на салазки мужика или мальчишку съ поддѣльной бородою, даютъ ему донце, гребень и намычку и заставляютъ его пристѣ, а бабы и мальчишки возятъ его по всей деревнѣ и поютъ:

Маслина—кургузка,
Безъ тебе намъ жить груска:
Сыръ масла пализала;
Намъ дурамъ ни сказала.

Я на улицы была,
Я видѣла драку,
Разарвала сарафанъ
На самую с...

Подъ Петровъ день

(с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Подъ Петровъ день бабы и ребята ходятъ по садамъ чужимъ, рвутъ яблоки, кружевникъ п кушаютъ. Выкатываютъ на дорогу лѣсъ. У кого есть борона, вынесутъ на дорогу. Двама боронами и длиннымъ бревномъ—«должникомъ» стараются перегородить дорогу.

(С. Лубянки и Кошелево, Кромскаго уѣзда, Орловской губ.).

Подъ Петровъ день всю ночь ребята ходятъ по деревнѣ и караулятъ солнце; при томъ они носятъ съ собою косу. Всю ночь караульщики солнца заняты успленною работою:—все, что попадетъ подъ руки: сани, повозки, бороны, кадушки, бревна—однимъ словомъ, что по оплошности домохозяевъ оставлено въ эту ночь на улицѣ, все это разбрасываютъ по дорогѣ, такъ что на Петровъ день домохозяева весь день разыскиваютъ и собираютъ свое имущество. Тѣ же домохозяева, у кого поспѣли на огородѣ овощи, какъ-то: лукъ, морковь, огурцы, всю ночь караулятъ огородъ; кто же оставитъ безъ караула, тотъ на утро найдетъ свой огородъ опустошеннымъ; не тронуть только тѣ овощи, которыхъ въ сырмъ видѣ не ѣдятъ.

Ильинъ день

(с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

На Ильинъ день ходятъ въ поле; смотреть льны, горохи.

Подъ Петровъ день поется пѣсня

(с. Пятицкое, Мосальск. уѣзда).

Петровская кѣла
Па зѣримъ хадила,
Усихъ пабудила,
Ахрасинью забыла.
По двору хадила,
Ашмѣтки сбирала,
Храсинью бузѣла.

Храсинья уснула,
Пра всё ина забыла.
А дѣвушки ходють,
Пѣсни поють,
И Храсинью величаютъ,
И килу Храсинья причиняють...

Эту пѣсню поють тому, кто не принимаетъ участія во встрѣчѣ солнца подъ Петровъ день; тому поють пѣсню, стучать въ окно и привѣшиваютъ на крыльцѣ лошадиную голову.

Змѣй - Любакъ

(село Терebenъ, Жиздринскаго уѣзда).

1.

Змѣй-любакъ, летаетъ къ женщинамъ, отъ него женщины дѣтей раждаютъ. Разъ змѣй-любакъ присталъ къ коровѣ; отъ него сосѣдская корова бычка телила.

Сталъ змѣй-любакъ летать къ одной женщинѣ. Стала эта женщина сосѣдкамъ говорить: «ко мнѣ мужъ приходить». Сосѣдки говорятъ: «дура! откуда ему приходить къ тебѣ—мужъ твой далече». И научили бабы: «ты возьми гребенку; сядь на кровати и расчесывай волосы да бери конопли въ ротъ и хряпай ихъ. Змѣй подойдетъ къ

тебѣ и спросить: «что ты дѣлаешь?»—Ты отвѣчай ему: «расчесываюсь». — А что ѣшь?—спросить тебя любакъ.—Ты отвѣчай ему:—ѣмъ вишн.—Любакъ отвѣтитъ:—развѣ можно крещеной кости вишей ѣсть?—А ты ему отвѣтишь:—развѣ можно некрещеной кости къ крещеной ходить?—Любакъ отъ этихъ словъ въ конфузъ придетъ и больше къ тебѣ не явится». Баба, любовница любака, такъ и отвѣтила змѣю, какъ учили ее сосѣдки. Любакъ отъ такихъ словъ смутился, ударилъ дверью во весь махъ и болѣе въ тотъ дворъ не являлся.

II.

Супроти Антошкиныхъ змѣй часто разсыпантца.—Праскута, што эта такой? Какая-нибудь завѣтка есть... Спрашиваютъ бабы у Праскути, молодухи съ того двора, гдѣ змѣй разсыпантца. Праскута божитца: «нѣтъ!»—А кое-кто (люди старые) говорятъ: «Эта ни правда,—какая-нибудь завѣтка есть».—Пошли по грибы бабы; стали говорить; одна баба говоритъ:—«Не запирайся: я завѣтку стѣмила за тобою».—Врѣшь.—«Нѣтъ, я ня вру, а всю правду скажу».—Какую?—«Такъ-та и такъ-та: ты заявившись съ деверимъ. Не запирайся!» Да и свякрови Праскутиной баба та и даказала; свякровка и дазрила. «Точно такъ, молодка: теперь за вишн я дазрила; тебе со двора согнать, ли сынка со двора согнать».—Свякровка была взяла да и далоу ка тцу сагнала Праскуту; за атца Праскута пажила недѣли двѣ, а деверь опять взялъ невѣсту къ сибѣ отъ отца роднаго. Тутъ Праскута отъ него родила мальчннъ и дѣвочку и стала народу стыдитца.

Канъ спросить домового о судьбѣ?

(с. Сильковичи. Мосальск. уѣзда).

Надо поставить на ночь прядку въ то мѣсто, въ которое прядка прибиралась прежде. За эту прядку и садится пряхъ домовый. Вотъ ево, домового, и спрашиваютъ: къ счастью или къ несчастью? Если онъ заплачетъ—это къ несчастью; къ счастью домовой смѣется и стучитъ сильно. Оставить прядку неубранною считается дурнымъ предзнаменованіемъ.

Если грива вьется у лошадей, лошади прилились по двору, и наоборотъ.

Если кошки не ведутся дома, считается дурнымъ предзнаменованіемъ.

Бабочка ночная «смерточка», «ворогуша»—(лихорадка).

(Теребень, Подбужъ, Жиздринск. уѣзда).

Когда пролетаетъ мимо огня ночная бабочка или моль, жители Теребенской волости, Жиздринскаго уѣзда, крестятся и говорятъ: «ахъ, Божа мой, смерточка, смерточка!» Жители Подбужской волости, Жиздринскаго уѣзда, называютъ бабочку «ва-рагушей».

Старикъ со старухой клада ищутъ.

(с. Теребень, Жиздринск. уѣзда).

Старикъ со старухой пошли искать клада. Пришли на мѣста, разстелили простыню и наладили крестъ. Нѣсколько времени просидѣли. Вдругъ, показалось имъ разсвѣло. Идутъ люди и говорятъ:—Што вы тамъ сидитя. Адинъ и другой?—Ани видють, што день, што кладъ ни укараулили, пошли дамой. Аташли ать етннъ мѣста

на нидалекая разстаніі, абуюла ихъ ногъ и съ тѣмъ пришли дамою ночью, и ещо до разсвѣта спали дома.

Вотъ и прихажу я къ Алени, что узнавала та и абмывала та.

— «Бабушка, я, мыль, нихарашо видила!» Ды и разсказала такъ-та и такъ-та. Мине вѣтаранъ биреть ни къ пажару дѣба, ни къ смерти ли вѣщъ падалъ мой.

Алена побалакала, побалакала ды и гырь: «ета, матушка, ни рабѣ: ета къ диляш!»

И точно, такъ и пришлось! Ды, гыть, деверь васъ агонить —и тѣшна прагналь. Разсѣлка, гыть, будить здаровая —и, тѣшна, вышла у насъ и разсѣлка, да и здаровая. Пришло по ней правда.

Мяне вѣдвараниль съ дѣвычкой деверь.

Апять прихожу къ старухи!

— Правда твая!

— «Ни плачь, гырь: а бярысь за Бога: Гаспотъ нивидѣма надѣлнть тябе».

Видѣніе нъ дѣлежу

(с. Терebenъ, Жвездринск. уѣзда).

Свякроу скарания, были мы ладныи и жили съ деверемъ. Лѣта, рабочее время, мѣжины; я деверя берѣсту драть привадила, а сама дома управлѣлася.

Устала рана, нищо до свѣта, и былъ у мене маленькій рабѣначикъ.

Вышла на дворъ и думаю:—«а, ну, падаю карову! Выхажу и карова станть, вѣданшь, въ аглобляхъ, передкомъ къ телѣги. А я такъ-та падажу; глянъ, къ стѣнѣ мой голый станть.

А я такъ страсти амерла; даѣнка изъ рукъ пакатилася; я закалѣла—и ни помню. А дальши вѣданшь, устѣчи кароу пагнала, стала старухамъ коя-какимъ разсказывать. Аны стали гаварить:—у васъ зъ двора кое-какая беда здѣланца.—А дальши я помню только, што іонъ мима мине халодный прамошь и намошь у закутку на тотъ бокъ, адѣ Самсонъ-та живеть. И пошла къ той старухи, которая усю причинку аттадыванть.

Старушка сказывала:—я не вѣрила, что мнѣ на васъ говорили—вотъ мой змѣй и открылся! Мой глазъ ни глядять на добрыхъ людей тирнѣзъ васъ. Вотъ мой змѣй открылся.

Крестины

(с. Сабурово, Мещовск. уѣзда).

Когда народится младенецъ, зовутъ кума и куму; кума и кумъ несутъ по «карвѣгъ» хлѣба, кума бубликовъ и ризку, полотенце батюшкѣ, кумъ крестикъ и готовится заплатить священнику за крестины.

Когда стануть крестить, кума разстилаетъ ризку для принятія въ нее ребенка.

По окончаніи крестинъ, священникъ, вымывъ руки, спрашиваетъ у кумы полотенце руки вытирать.

Садятся за столъ. «Идутъ харчи»: холодецъ, солонина, баранина, лапша, курятини жареные. Въ заключеніе становять горшокъ каши и покрываютъ этотъ горшекъ полотенцемъ. И кладетъ бабка двѣ ложки, одну на свою долю, другую на долю родихи, и сама объясняетъ: —«это моя ложка, а это родихи».

Отецъ крестный кладетъ въ ложку родихи копѣекъ десять, а въ ложку бабки копѣйки двѣ; присутствующіе кладутъ въ ложку родихѣ копейки три, а бабкѣ копейки двѣ. Бабка снимаетъ ложку, а деньги беретъ себѣ, деньги изъ родининой ложки

отдасть родикъ, по принадлежности; потомъ бабка снимаетъ полотенце и покрывается имъ, говоря:—слава Богу, наприла за одну дочку!

Приходитъ бабка черезъ трое сутокъ и размываетъ руки родикъ. Водичку нальютъ въ чашечку. Бабка умоется этой водичей и родикъ умоетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ Господь прощаетъ и освобождаетъ и брызгаетъ вѣнничкомъ на стѣны; съ этого вѣнничка грѣхой водой брызгаютъ на ребенка.

Кумъ, кума, сосѣди навѣщаютъ родикъ; приносятъ ей: кто бараночекъ, кто бѣлаго хлѣба.

С в а т о в с т в о .

(с. Сабурово, Мещовск. уѣзда).

Когда невѣста сходитъ съ женихомъ на улицѣ, то женихъ спрашиваетъ невѣсту, согласна ли она идти за него замужъ. Невѣста въ случаѣ согласія отвѣчаетъ:—я согласна съ удовольствіемъ идти за васъ замужъ.

Невѣста приходитъ къ своимъ родителямъ, «обрящаетъ», т. е. сообщаетъ о предложеніи жениха, а женихъ посылаетъ своихъ родителей въ сваты.

«Выходятъ» родители жениха и самъ женихъ къ невѣстѣ.

— «Здравствуйте! Мы пришли къ вамъ въ гости. Наслыхались, что у васъ есть барышня. Снѣгу не было бы—и слѣду не было! Гаспотъ подалъ намъ снѣгу—и подпалъ къ вамъ слѣдочекъ.—Желаемъ вашу барышню пасматрѣть».

Посмотрѣли барышню—всѣмъ она понравилась. Спрашиваютъ у родителей ея, согласны ли они отдать ее, а тѣ у своей барышни спрашиваютъ:

— Согласны ли вы за него идти?

Невѣста къ своимъ родителямъ обратилась:

— Я всѣмъ сердцамъ за него иду.

Тогда они сами собою (женихъ и невѣста) вышли въ особенную комнату, «аны сами собою успросились»; женихъ спросилъ:—согласны ли вы за мене идти, барышня? Невѣста отвѣчаетъ:—я очень согласна, даже не нашла сибѣ парубка лучши васъ.

Невѣстинна мать и отецъ прилогъ прикладываютъ, что лучши парубка (т. е. парня, жениха) ни найти, женихова мать и отецъ, что лучши невѣсты ни найти.

Тогда родители и говорятъ:—ну, дѣти, вы согласны ли? Можна ли намъ теперь дѣлать образованію?—«Втада» (тогда) дѣти отвѣчаютъ:—«больши дѣлать нечива! Дѣлайте образованію».—Жениховъ родитель и спрашиваетъ:—Сваты (сваты ли будитя вы или люди добры), сколько нарядовъ вы дадите барышни, сколько вы ее убиритя?

Невѣстинна мать и папаша отвѣчаютъ, что мы ни съ богатой рукъ: мы ей четыре одежны отдаемъ—больши ни хватаемъ въ насъ силы справить.

Жениховъ отецъ и мать отвѣчаютъ:—ежели намъ Гаспотъ дастъ всево хорошива, тада можимъ ей прибавить сами.

Пронсходитъ соглашеніе между родителями:—Давайте тяперь по рукамъ бить и Богу молитца.

Помолвились Богу, благословили своихъ дѣтей, невѣсту и жениха; тогда съѣли «трипировать», гулять—«пошли въ нихъ разными гостинцы, вина-напитки; отгуляли аны, таперича вылазютъ всѣ на прощѣніи и провожаютъ своихъ гостей и очень радасна. Праводили ихъ да дому. Тада же женихъ приглашаетъ невѣстиннова отца и матерю и, какіе есть, родные, къ себѣ въ гости погулять».

Затѣмъ происходитъ осмотръ двора жениха родителями и родными невѣсты. Собрались всѣ невѣстинны родные и поѣхали до свата. Ихъ сватъ встрѣтилъ и принялъ очень хорошо; и проситъ онъ свата: «сватушка, пасматрится нашу созданія».—Пошли въ горницу смотрѣть его жительство. Потомъ ихъ сватъ повелъ въ амбаръ: «пасматрится, что въ мине въ амбаре припасшна». Посмотрѣли—всего достаточно.—«Слава Богу, говорятъ, можно проживать!» Тогда невѣстинъ папаша говоритъ:—«посмотришь вашихъ кониковъ!» Пошли по хлѣвамъ, по конюшнямъ; все понравилось, и говоритъ

свату невѣстину папаша:—«все хорошо, слава Богу! кушать—есть что; пить—есть что; жить—есть въ чѣмъ; есть на чѣмъ выѣхать; нашей дочкѣ жить можно!».

А зять приглашаетъ всѣхъ за столъ «на гуляніе». Сѣли за столъ «пошли у нихъ трапеза, гуляніе, вины и закуски разныя».

Вылѣзаютъ вонъ изъ-за стола; бабы пѣсню поютъ:

Прапилась галовушка!
Што прапиль, што правль
Родный батюшка.
Прапилась и свалилась.
Што свалѣмши ман галовушка,
То свалѣмши,
Крѣпка снула...
Што праснувши ман галовушка,
То праснувши.

Тада схватила́сь и схватила́си;
Што схватѣ́мши то схватѣ́мши:
—«Ни тдавай мине, батюшка, младу
замужъ:
Ни кидайся, батюшка, на богатства—
Мнѣ не съ богатствомъ жить —
Мнѣ жить съ человѣкомъ:
Съ человѣкомъ са савѣтамъ,
Ни са савѣтамъ, а са любовію..

Поется также пѣсня «виселая бнѣдушка, гдѣ батюшка пьѣтъ»; поется и слѣдующая пѣсня разбойничьяго содержанія:

Собралося насъ усовъ дивяноста маладцовъ.
Какъ адинъ тамъ былъ усища-атаманища;
Сталь приказывать:
Вы придете къ хазяину, вы при-
здравьтѣ яго:
Ужъ ты, богатый хазяинъ,
Выходи-ка къ намъ и выноси денихъ намъ.
Ну, хазяинъ пабажился:

Ни капейки денихъ нѣтъ.
Одинъ малинкій мальчишка
Онъ прамолвалси;
Что у майво дѣлушки дѣвѣги есть,
У дѣлушки дѣнѣги есть.
Ляжать въ старомъ сундукѣ,
Ляжать въ старомъ сундукѣ,
Аны зарыты у мукѣ...

Ѣдутъ къ вѣнцу. Собираются поѣздане у жениха, собирается весь поѣздъ: дружка, подружья, облош бѣренъ, женихъ, сваты схада́ты. Кони запряжены. Дружка, подружья ѣдутъ впереди, женихъ съ большимъ бѣренемъ за ними, а въ третьей подводѣ ѣдутъ сваты схада́ты (маладыи и сѣрдавыи), ѣдетъ сваха съ чашкою, а въ чашкѣ у нея хмель.

Подѣѣхавъ къ невѣстину дому, поѣздъ останавливается, всходятъ одинъ за другимъ въ избу, а невѣста на лавкѣ сидитъ, ее окружають женщины — подходятъ къ нимъ дружка и подружья и хотятъ невѣсту взять, а бабы говорятъ: «не дадимъ—купите!»— Женщины всей гурьбой защищаютъ невѣсту и тогда только уступаютъ еѣ, когда имъ дадутъ двѣ бутылки вина и рубль двадцать копѣекъ денегъ. Женщины, задобренныя подарками, говорятъ: «Дай Богъ вамъ святой часъ!»

Дружки жениха уводятъ невѣсту за руку и сажаютъ ее за столъ съ женихомъ; садится за столъ и вся поѣзжанія трипезывать, и всѣхъ обносятъ виномъ.

Пайдутъ харчи, выпиваютъ, закусаютъ. Потомъ выходятъ изъ-за стола и обходятъ кругомъ всѣхъ ковей: большой бѣренъ идетъ впереди всѣхъ, потомъ женихъ съ невѣстою, а женщины за ними, онѣ поютъ пѣсни. приглашая сваху къ обѣдѣвѣ поѣзда:

Абѣсвай, сваха, правымъ хмелямъ.
Штоба у нашива князя
Галава ни балѣла,
Пахмѣлю ни брала,

Сваха кругомъ бросаетъ хмель; мустины шапками ловить хмель и «наздѣваютъ» — потомъ шапки съ хмелемъ на головы.

Потомъ дружка проситъ всѣхъ поѣзжанъ благословить молодого князя, т. е. жениха; «старые дѣлушки, сѣрдавыи дялюшки, малодыи братцы и вы, игрицы-перипцы, и красныи дѣвицы, благославите нашива князя къ суду Божьему ѣхать и сужиную узять и златъ

вѣнецъ принять», тѣ отвѣчаютъ: — «Гласнотъ благославляють» — Когда молодые подъѣзжаютъ къ дому жениха, женщины поютъ пѣсню:

Радавалась сердца Масковская
Видючи на неби свѣтла мѣснца,
Видючи маладую снаху!...

Принимають въ домъ невѣсту и всю «поѣзжанія».

За столомъ поютъ пѣсни, въ которыхъ заключается величаніе или похвала всѣмъ присутствующимъ.

Жениха и невѣсту величаютъ слѣдующею пѣсню:

Ва горницы во навой,
Во кровати тисавой,
На перинахъ пуховыхъ,
На падушкахъ шелковыхъ,
Сидѣль голубъ,
Сидѣль сизай
Съ сизъ-галубашкаю.
У голуба залатая гадава,
У галубки пазалочинная.
У Микити маладая жена,
У Иванавича еще малоденькія

Савзжались баярія
Сдывовались Ивановый жанѣ:
Куба ета сударушка,
Ина намъ, малалцамъ,
Мы бы лѣтамъ ее катали во каласочки.
Извощички маладды,
Пріударьты па каянямъ,
Штоба конники бяжали,
Варонны ви дримали,
Аннушку забавляли.

Подается за обѣдомъ холодецъ, солонина, свѣжина, кураты, поросаты, гусаты. При конченіи обѣда подаютъ коровай, коровай кроютъ ножиками, потомъ его маслятъ и закусаютъ имъ. За обѣдомъ обносятъ виномъ всю бесѣду. Гости, закусивъ, вечеромъ отправляются домой, свата провожаютъ до самаго дома, молодые остаются одни.

Невѣстина отца зовутъ въ гости на третій день. Опять подаютъ за обѣдомъ холодецъ, солонину, пироги пшеничные, свѣжину, курать, поросать жаренныхъ и гусей. Опять новый каравай печется у женихова отца. Каравай украшается разными лѣпными украшеніями: птичками, шишечками. Невѣстина мать приглашаетъ къ себѣ молодыхъ въ воскресенье. Теща старается угостить молодыхъ получше и проситъ зятя, чтобы онъ остался ночевать у нея въ домѣ съ нареченною женою. Теща устаетъ «наутрею» и готовить блины. — «Ну, дѣти мои, садитесь, покушайте: я вамъ блинковъ приготовила» — когда молодые покушали и поблагодарили, зять проситъ у тещи позволенія ѣхать домой: — мамаша, можно двору ѣхать. — А теща удерживаетъ: — дѣтки, попьемъ чайку, тогда поѣдете, — когда свиты ѣдутъ къ невѣстину отцу, про нихъ говорятъ: собираются въ «отводное». Теща зятя угощаетъ въ «отводномъ».

Прежде, въ старину, въ давнишнее время, былъ выговоръ. Невѣста съ жениха требовала выговоръ, рублей двадцать; а женихъ спрашивалъ постелю хорошую, чтобы были перины и одѣялы, прѣстны хорошія, занавѣсы къ постели. Выговоръ давался по силѣ, по средствамъ: кто сколько одѣлать. Теперь невѣсты ничего не даютъ, и невѣста съ жениха ничего не требуетъ.

Если родители присоглашаютъ жениха брать невѣсту, а женихъ не «узыбляетъ» ее, женихъ говоритъ прямо: «живите вы съ нею, а ни я».

В. Н. Добровольскій.

Овадебный обрядъ въ Калужской губ. Село Сильновицы, Мосальск. уѣзда.

Сватовство. Отецъ и мать, собираясь женить сына, идутъ въ какой-нибудь домъ дѣвку сватать. Вотъ приходятъ они.

— Дростуйте, говорить свать: я вотъ къ вамъ пришолъ; у васъ есть невѣста, а у насъ женихъ—давайте свататца.

Прежде всего начинается разговоръ о средствахъ жениха и невѣсты:

— Какъ нажитокъ?

— У насъ жить можно.

Окончатъ «размолвливать», коли дѣло идетъ на ладъ, стануть Богу молиться. А у приходшихъ сватовъ водка призапасена; въ кошель кусочки мясушка да пирожки поналожены, таскаютъ все это изъ кошеля и ставятъ на столъ. Собираютъ родню невѣстину—и давай пировать. Если сосватали сваты дѣвку, какъ говорится «поладили»: выпивка и закуска называются «ладами». Въ случаѣ отказа отговариваются тѣмъ, что «дѣвка молода, неопытна».

Запой. Запой бываетъ послѣ «ладовъ». Онъ сопровождается иногда «образованіемъ»; иногда бываетъ безъ священника. Запой устраивается въ домѣ невѣсты. Со стороны жениха собирается на запой отъ 7 до 15 человѣкъ; непремѣннымъ условіемъ полагается, чтобъ число гостей было нечетное. Ъдутъ непремѣнно на лошадахъ и въ нѣсколько подводъ, хотя бы это были и сосѣди между собою. Получаютъ приглашеніе на запой и близкіе заживныіе люди; число гостей доходитъ до 50. Гости сажаютъ прямо за столъ, который убирается привезенными со стороны жениха продуктами и виномъ. По окончаніи стола отъ жениха, ставятся на столъ кушанья отъ невѣсты. Во время небольшого промежутка, когда гости выходятъ изъ-за стола студиться, дѣлается уговоръ о времени свадьбы.

Дѣвичникъ или рукобитье. Опять собираются ѣхать изъ женихова дома къ «дѣвкѣ» или невѣстѣ (хъ дѣвки, къ невѣстѣ или невѣстѣ). О предстоящемъ пріѣздѣ сватовъ провозглашаютъ на деревнѣ пѣшіе мальчики съ дубинкой; они ходятъ изъ конца въ конецъ по деревнѣ, кричатъ и постукиваютъ. Когда мальчики окончатъ свое порученіе, лѣтъ выносятъ въ чашкѣ кашу. Мальчики кашу поѣдятъ, а потомъ говорятъ: «Куни ты чашку». Чашку возьмутъ, а мальчикамъ поднесутъ по ставану водки. Но вотъ пріѣзжаютъ сваты. Застучать въ ворота дубиною три человѣка. Выходитъ къ нимъ хозяинъ, дѣвкинъ отецъ, братья отцовы, выходитъ дѣвкина мать и говорятъ:

— Что вы стучите? Кто вы такіе?

— Да вотъ митель за била, пустите помочевать!

— Незачѣмъ!

— Какъ незачѣмъ: мы люди знакомы; мы вамъ заплотимъ; да вотъ случай таковъ: мы ѣхалъ, ѣхали, дальнія дарога, митель, а у васъ въ избѣ шумить, шумить народъ. Мы и думали: дай себѣ заѣдидъ на эту хвартѣру. Госнода хозяева, ня можна ли намъ атпригать лапашей: мы разачтемся честна, степенна, па хорошаму. Сейчасъ ихъ впускаютъ во дворъ.

— Нада услушать что-лича—люди, кажется знакомы, хороши?

Отворяють ворота.

— Дрaстуйтa!

— Дрaстуйтa, извощички!

Извощички достаютъ изъ кошеля водку, и пьютъ по стаканчику и хозяева, пустившіе извощичковъ, и сами извощички. Все это дѣлается у воротъ («на воротахъ»).

Дѣвкины братья идутъ отпрагаты лошадей. Сваты, запасшись кошелями (а въ кошеляхъ вино, кусочки мясунка, баранки, пироги), толчятся въ сѣняхъ. «На паровозі, у горницы» сватовъ встрѣчаетъ отецъ невѣсты уже ласковѣе:

— Хадитя, сватушки, мы давно жилали васъ. Ждали, ждали, каба винца съ васъ выпить.

Сначала дружко наливаетъ стаканъ себѣ и выпиваетъ его; другой стаканъ дружко наливаетъ коренному свекору и поидетъ дружко по его роднѣ. А другой дружко подноситъ вино своимъ. Обнесутъ разъ и два. И говоритъ свекоръ грозно:

— Ну, што вы къ намъ наѣхали? Ну, што вы намъ ни даѣтa snacka? Скажитя-жъ вы намъ—чего? Долга вы сидитя за нашимъ столомъ и ничаго вы намъ ни гаворитя! Мы думали, что вы памарились, а вы праклажѣитисы!..

— А мы, сватушка, ни таво пріѣхали. А што у васъ куницы и лисицы и красныя дѣвицы? Мы ходимъ, ѣдимъ, ишимъ лисицъ, куницъ и красныхъ дѣвицъ.

— И не думайте, извощички: мы вамъ не покажемъ нашихъ лисицъ, куницъ и красныхъ дѣвицъ. Наши дивичи сидятъ мазаныя, абасыя, бязъ абѣвки; сидятъ анѣ разѣмши, раздѣвши и растрепамши...

— Дяловъ вѣту... Мы сичасъ дивичу убиремъ вамъ; мы и абунимъ и адѣнимъ.

— Ладна. Давайте примѣръ атъ васъ, съ чимъ наказатца къ дивичи.

Подаютъ «невѣсты» полсапожки, посылаютъ ей чулки, «грахвиня» водки дѣвокъ поить, куса два пирога дѣвкамъ. И три раза вино посятъ подружкамъ невѣсты. Ублаготворивъ, какъ слѣдуетъ, невѣсту и ея товарокъ, пріѣзжіе сваты заговорятъ съ хозяевами смѣлѣе, потребуютъ отъ нихъ рѣшительно, чтобъ они показали имъ лисицу, куницу, красную дѣвицу.

— Что же вы, сватушки-хозяева, сидитя и намъ ничаво ни гаваритя. Что мы лисицю, кунцицю и красную дѣвицю вѣшу дѣвку адѣли и абули и напранули, а вы намъ іе ни показывайте!

Рѣшительное слово сватовъ оказываетъ дѣйствіе: сейчасъ сваха и дружко большій и меньшій, втроемъ, ведутъ невѣсту. Подойдя къ свекору, она поклонится ему прямо въ ноги и благодаритъ за приславную «абѣвцу». Но не долго покрасуется въ избѣ невѣста предъ сватами: подружки уведатъ ее; это вызываетъ гнѣвъ у пріѣзжихъ сватовъ.

— Что-жъ вы, сватушки, стали шутен шутить или смѣятца надъ нами?! Мы ѣхали, ѣхали; хватуру аблюбовали хорошую, а вы сейчасъ, какъ взяли мы ее, привели дѣвку ды абманули насъ: торнули, а потомъ скаранили еѣ... Нѣтъ, не гнѣвайтесь! Мы искать станимъ—найдемъ!..

— Да што вы, сватушка, сейчасъ поширимся—отдадимъ лисицу, все вамъ отдадимъ: мы люди ни такоѣскія!

Посылаютъ дружка къ невѣстѣ. Выходитъ невѣста, не одна, за нею шествуетъ сваха, нагруженная доброй охапкой даровъ. Какъ подходитъ невѣста, кланяется въ ноги свекору; поднимается она, дружко наливаетъ ей рюмку вина; она подаетъ свекору вино, и даритъ невѣста свекора платкомъ, а платокъ этотъ длинный, аршина въ три. Вынимаетъ свекоръ денегъ пять рублей или тройкъ и отдастъ невѣсткѣ, а богатый, какъ раздобритса, и пятерки не пожалѣетъ. Невѣста опять бухъ въ ноги свекору. Потомъ поидетъ невѣста по свекоровой роднѣ и будетъ дарить ее радомъ. Запокутъ дѣвки «невѣсты» пѣсни:

1. Гусли, ман гусильцы,
Идѣ были, побыли?
А мы ли были, побыли,
А въ Дарьюшки въ тиришѣ,

У въ Аннушкѣ на касѣ.
Видѣли мы красную дѣвушку:
Ава все раздарила,
Ана все разнасила;

Свекору становичь,
А свякрови платочникъ,
А заложки вянчикъ:
Красуйся, мая заловушка,
Какъ я красувалась
Въ радигага ў батюшки.

2. У варотъ трава расла,
У варотъ шалковая.
Хто ету траву таптали?
Таптали сватоўюшки,
Сваты багатыи.
Какъ Аннушкинъ батюшка
Ходить по двару,
Завизамши гóлаву,
Расчисамши бóраду:
Какъ съ ней ¹⁾ быть, Дарьюшка ²⁾
Какъ съ ней быть Иванавна?
Намъ ни жалка Аннушки,
Только жаль приданана,
Гусака чубарыва,
Гусыню съ перьями,
Гусыню съ сярїною,
Свѣтъ Аннушку съ парїанамъ.

3. Былка ты, былка,
Былка чернабылка,
Къ дўжку припадала,
Прапойничка искала.
Прапойникъ разбойникъ!
Прапилъ сваю чалу
За винную чару,
За медъ за патаку,
За сладкій кусочикъ,
За сладкій кусочикъ,
За одинъ вичарочикъ.
Купилъ ей батюшка

Шалковый платочикъ.
Ина пò пылю їдигъ—
Все поле свѣтитъ;
У деревню вїизжантъ—
Всю деревню асвѣтила;
На дворъ узїизжантъ,—
Весь дворъ асвѣтила;
У сїни вступили—
Сїни скалыхнулись (2),
Скамейки пагнулись
Гаспада баяря,
Ане праздравляли,
Чару наливали,
Ей давали.

Аннушка:

—Я, права, ня пью,
Я, вїрна, ня пью,
Повѣрь Богу, ни пью,
Мой батюшка ни пьетъ,
Мой матушка ни пьетъ.

Сваты-баяря:

Спалать, Аннушка, спалать,
Вумница Аннушка - спалать:
Харашо сказала, умѣльна атвѣтила.

4. Залатой мой пирстянѣкъ,
Юнъ ни тонить, ни пливѣтъ,
Ни вадой перстень несѣтъ.
Даляко милый живетъ:
Ни въ Пятири, ни въ Москвѣ,
Ни въ нїтейномъ кабакѣ—
Знїяноя вино пьетъ.
Ступай, пьяница, дамой:
Прапилъ усѣ нїшїня свое,
Прапилъ усѣ приданна мое.

Во время пїня пїсець дружки сидятъ за столомъ, сидитъ за столомъ и свекоръ со своей родней; вылазить съ-за стола свекоръ и всѣ вылазятъ вонъ. Садится за столъ невѣстина родня: сестры, братья, дядьки, тетки. Отецъ невѣсты, окинувъ взоромъ свою родню и найдя, что ея не мало собралось въ хатѣ, считаетъ долгомъ извиниться передъ сватомъ:

— Ну, сватушка, извини: мы тебе кругомъ обѣли: и на полу сколько, и на лавкахъ сколько объѣди оказывается! У насъ по всей деревни родня; что дѣлать—хутъ всю деревню зави. У тебе, сватушка, мала хватить на насъ капиталовъ.

— О, сватушка, не безпокойся: я цѣлую кѣху вина привѣзъ.

Сваты, разсыпаясь другъ передъ другомъ въ любезностяхъ и извиняясь, идутъ во дворъ студиться. Станетъ невѣста дарить родню свою платками красными и сборниками, и ей дарятъ денегъ отъ тридцати до сорока копѣекъ. Послѣ даренія поведутъ невѣсту въ другую избу; поютъ ей подружки пїсни:

¹⁾ Съ ней, т. е. съ дочерью.

²⁾ Дарьюшка—это супруга Аннушкина батюшки; у нея онъ спрашиваетъ совѣта и ей признается, что ему больше жаль приданого, нежели дочери.

Изъ-за лѣсу солнышка
Катанть, катанть;
Ванюшка коника
Братанть, братанть.
Рядный батюшка питаить:
— Куды-жъ ты, Ванюшка,
Княя братаншь?
— Батюшка, я въ дарогу—
Дай мнѣ падмогу:
Двинацать лашадушикъ вараныхъ,

Двинацать каретушикъ залотыхъ;
Прїѣду я къ тетѣвымъ варатамъ:
Тетѣвы варотички запертыи,
Вароныя лашадушки заряли,
Залотыи каретушки зазвнѣли,
Молодыи свагнѣи заиграли,
Свѣтъ наша Праскоушка сплакнудася:
Свѣтъ мая косынька была русая;
Вы три прича была косынька
А стала въ шесть причоу.

Собираясь домой вѣхать, свекоръ и свекровья заходятъ къ невѣсткѣ прощаться. Дарить свекоръ невѣсткѣ «на прощеніе» три рубля, а свекрова—платокъ хорошій. Невѣстка кланяется въ ноги, подаетъ свекоръ «невѣсты» грахвѣнъ рыбый вина въ восьмуху, да связку баранокъ для дѣвокъ. Прїѣзжіе 12 человекъ собираются домой: «мы, говорятъ, невѣсты отдарили». Невѣста сзываетъ въ свою компанію всѣхъ своихъ знакомыхъ дѣвокъ и потчуетъ ихъ; угощаетъ подружекъ дочери и мать невѣсты. Подружки воютъ по невѣстѣ въ причотъ: милая наша тайная подружничья, русая кася, растрепалася твоя валаса. Теперь мы атъ тебя атлишнѣлись, съ тобою всѣ сказки, присказки, скѣдки—все лишилась. и прѣсть мы съ тобою ходили вѣстѣ, вѣстѣ шили. Пагиряли мы милаю сваю падружку.

Каравай пекутъ на двичникѣ, предварительно поставивъ на дежу четыре свѣчки. Жениховъ отецъ и мать пѣлуются и чокаются стаканомъ съ виномъ чрезъ дежу. Говоря: «чтобъ наши шаладнѣ такъ ладны были, какъ мы». Бабъ набирается пѣлаи комната; жениховъ отецъ угощаетъ бабъ водкою. Отецъ на каравай кладетъ крестъ. Какъ принесутъ жениховъ и невѣстину караванъ въ церковь, дьячки подымаютъ ихъ, а молодые иногда спорятъ, чей караванъ выше. Невѣстину караванъ раскроютъ по поламъ, ширинкою накроютъ, половинку отдадутъ дьякону, а половинку матери невѣсты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берется къ вѣнцу одинъ караванъ, съ нимъ пироги; дорогой вѣдятъ пироги, а караванъ ставятъ на курчѣну, мостниці посреди хаты.

Подъ вѣнецъ вѣдутъ. «Отъ невѣсти къ жениху вѣдутъ троя дружки». Соберется много повозниковъ. Жениха соберутъ, нарядятъ: навяшаютъ ему «лѣнды» на шею, крестовъ нацѣпляютъ, полотенцевъ напихаютъ подъ поднояску. Вѣдутъ съ наряженными женихомъ невѣсту братъ. Въ воротахъ какъ застучать, сейчасъ невѣста «поднѣмнѣть голосъ»: «кормилецъ—батюшка, что-жъ ты на мине такъ разгнѣвался? Что-жъ ты мине такъ паволишь»? Женихъ съ дружкой пѣдутъ прямо въ свѣглицу. А дѣвушки подвизали сами себѣ такіе платки, какъ невѣста, и сами такъ понарядились: «узнавай, говорятъ жениху, свою сужинаю и свою ряжинаю; выкупи іе». Женихъ долго старается понапрасну узнать невѣсту.—«Да ты атдай намъ полштофъ вина! говорятъ дѣвушки: не скупись! мы тебѣ пярину набивали, мы тебѣ рубашку шили».

Женихъ отдаетъ дѣвушкамъ полштофъ вина; дѣвушки отдаютъ жениху невѣсту въ руки. Сейчасъ «обславлять» начнутъ молодыхъ, рагожку растелютъ, карвѣгу хлѣба положить, на карвѣгу крестъ. Женихъ съ невѣстою кланяется въ ноги родителямъ. Невѣста голосить: «Васлави мине, батюшка, у чужія люди итнѣ! У чужихъ людихъ жить наза умѣючи». Женихъ цѣлуетъ невѣстину родню, кланяется въ ноги всѣмъ роднымъ, даже маленькимъ братьямъ и сестрамъ невѣсты. Относительно этого обычая мнѣ рассказница—старуха съ сожалѣніемъ замѣтила: «такая ужъ у насъ дурацкая повѣрья»!

«Абаславѣши молодыхъ», посадятъ ихъ за столъ; невѣста заголосить: «кармилецъ—мой батюшка, спасибо, батюшка кормилецъ, за хлѣбъ, за саль—значить, я тебѣ была, батюшка, ни работница и ни угодница»!

И посадятъ малаго лѣтъ десяти къ невѣстѣ прямо на колѣни и дадутъ малому въ руки невѣстину косу; она, коса «растрепана и лѣндами перевязана». И дадутъ малому палку урѣчию, большой, толстый, какой онъ можетъ поднять.

Сейчасъ дружка и говоритъ: «зачѣмъ ты усканилъ у нипаказная мѣста»? И грозить дружку урѣчию «рименнымъ кнутымъ». А мальчикъ грозитъ дружку урѣчию.

пилить нѣ по кося невѣсты. «Отдай, говоритъ, полтинау: касу покину. Выкупи касу, ня буду тутъ». Дѣлать нечего, дружокъ наливать мальчику стаканъ водки, на дно стакана кладетъ десять копѣекъ. Мальчикъ выпьетъ стаканъ, деньги возьметъ и отдастъ стаканъ дружку. Дружокъ скажетъ мальцу: «ну, мы теперь съ тобою въ расчетъ!» И даютъ мальцу еще стаканъ; мальчикъ или выпиваетъ или, если не въ силахъ, отдаетъ его «сродычамъ».

Станетъ вязать невѣсту съ женихомъ родная мать невѣсты (иногда помогаетъ отецъ); заголоситъ невѣста: «коржилецъ-батюшка, ай я вамъ была неугодица и не-работница, а вы мне куете-вязитя». Или невѣста причитаетъ такъ: «ай, я у васъ была какая разбойница»!

Дружокъ посыпаютъ хмелемъ невѣсту и жениха. Поставить «подъ жениха» стаканъ вина и «подъ невѣсту»; а они и «губий» шевельнуть не смѣютъ. Надъ молодыми потѣшаются: «бизруки какіи—сами себѣ ни развяжутъ». Молодая баба въ маслѣшку надъ женихомъ сорветъ съ него шапку, увернетъ въ платокъ и положить себѣ на колѣни, а женихъ все сидитъ невозмутимо. Дружина жениха жалуется на насиліе, просятъ развязать молодыхъ: «мы прѣехали къ вамъ на хорошему, а вы насъ аграбить хочига». Теща заявляетъ «тестемъ» права на молодую и молодого—хочетъ ихъ оставить у себя: «Сватушка въсвайтовалъ зѣтя и напѣ товаръ намъ пусть и астанитца». Наконецъ, теща соглашается взять выкупъ за молодыхъ рубля три, выкупается и женихова шапка у молодой свахи; какой-нибудь дружокъ со стороны жениха, выставивъ шапку, собираетъ деньги съ невѣстиной родни, чтобъ вознаградить молодого за обиду и насиліе надъ нимъ; деньги эти потомъ сыплютъ жениху въ голенища.

Село Пятницкое, Мосальскаго уѣзда.

Когда дочку замуж отдавала, мать причитывала: дитя-жъ маѣ милая, дитя-жъ маѣ жалкая, дитя-жъ маѣ Хрипушка! Скажи, маѣ дитятюшка, на каво-жъ ты при старости лѣтъ мнѣ покидаишь?! На каво-жъ мнѣ надѣйтца, на каво-жъ мнѣ поначитца?!.. Батюшка твой старѣшоникъ, и матушка твая такжа! Съ аткель намъ чаво при старости лѣтъ дожидать, и кто намъ што приборидѣтъ, и кто намъ што принисѣтъ? Дитя маѣ Хрипушка, усмотри, маѣ дитятюшка, какъ я тебе растила. Маѣ дитятюшка, када я буду вѣтитъ кала варотъ, и зайдю я къ тибѣ—усмотри, маѣ дитятюшка, какъ я тебе зѣ горимъ зѣ большимъ узращала, и сколько мы съ табою горюшка видали. Усмотри, мая дитятюшка, када я тебе у миръ сабирала и дала тибѣ сумочку и правдаляла тебе у дивевню, пакеда ты, маѣ дититка, узвярулася, и я всё горькими слизами абливалася. Охъ, Божа мой, заидать іе сабаки—и кормить нна мнѣ ни накормить! Напрасна я тебе пасылала и по милостыни! Приходишь ты съ міру, приносишь ты хлѣбушка, уходишь ка мнѣ у хату... И я такъ тебе стрѣла—рада, радѣшанька! И ты, мая дитятюшка, прежде рада, а потомъ и заплакала, и говоришь: «радиная мая матушка, и день ба и ночь я работала, только-бъ нан силушка хватала! Ну, ня буду сагласна хадить по-міру: гаварять люди, што ета гулявой куеокъ. Ну, я, родная ноя матушка, када ета испытала съ малыхъ лѣтъ своихъ, никаму ни пазавидываю—и луччи и день, и ночь буду работать, што маеи силушки будить хватать». Ну, такъ дитя маѣ, уздумай пра мнѣ: силушки маеи коротка. Старыгъ ка мнѣ падышла и наѣйтца мнѣ нѣ на кого, а ты, друхъ мая, съ мужимъ жиши наѣ-нибудъ и пахити,—и мужу правды ни скажи, а про свою родную мать вспомяни, хутъ малыстю чѣмъ найди. Ну, маленькая твоя подача при моихъ старыхъ лѣтъ очень будить вилика, и очини мнѣ будить антирѣсна!..

Дочь причитывала въ отвѣтъ матери: ня гнѣвайся, мой родный батюшка, ня гнѣвайся, мая родная матушка, што я съ младыхъ лѣтъ у люди иду—вась при старости лѣтъ адныхъ кидаю: видна, съ тѣмъ дѣвица родитца, што принужденная у люди вѣтитъ. Какъ жить у чужихъ людяхъ, я знаю. Я, младая, по чужихъ людяхъ хадала. Бывало, што я чаво и ни то, што сдѣлать, и на разуну ни дивжала, а люди при-

ложуть и скажутъ. Маладымъ людямъ никакъ нельзя ходить до сивяршѣнныхъ лѣтъ: усяво въ міру наслушайшся и всяво наберѣшся! Чужую работушку работать и чужимъ атцамъ и матирямъ служить очинь трудна и очинь больна—хуть убейся работашши—вѣрушки вѣту-же! Гаварять тахта: у людихъ жинши, нябось силу ни расти-ряншъ—ни въ сваємъ дварѣ: нѣшта праведно работаютъ у чужонъ дворѣ! А мнѣ тахта даставалася у чужомъ дварѣ работать, што ни то, што потъ каплять изъ мине; ни то, што такой, а крававый!.. Када я пасматрю на свай руки, дакъ ни то, што на манхъ рукахъ музулі понатѣрты, ни то, што сухіи, а какъ пасмотришь дакъ крававыи... Приду домой, хозяйка и скажить: «вотъ тѣ я то ни дѣлала, вотъ тѣ я то ни работала, и валы у насъ вѣту, п дровы ни ношины. Пайду по воду и залюся сли-зами; ни вижу, куды иду; пачирьпѣу, къ двору подыйду—утруся, бытта такъ-та и нада, а естава нхто ни знаять, што ишла по воду, шаталася и ни поннила, какъ я иду—у газовушки клумитца и вертитца. Ты успохни, радная мая матушка, пра тваго нажѣстачку, какъ ты съ свайго вѣку ходишь па людимъ и служишь добрымъ лю-дямъ и ты, радная матушка, у чужихъ людяхъ горя тѣпнула!

Выведуть съ-за стола вонъ молодую. Молодая благодарить за освобожденіе и снова заголосить предъ своимъ родителемъ: «Кармилецъ мой батюшка, ни прагѣвайся, што я вамъ здѣлала большую устрѣшню съ свайми гостями».

Выведуть вонъ изъ хаты невѣсту и жениха сажать въ сѣзъки (сани) хорошіе и обшитые, съ подрѣзами. Отецъ невѣсты несетъ «карвігу», а мать невѣсты идетъ съ пустыми руками за отцомъ; три раза они обходятъ молодыхъ. Мать невѣсты возьметъ шиворотъ своей рубахи и три раза этимъ шиворотомъ вытираетъ лицо зятя и дочери, приговаривая: «какъ рубашка любить тѣла, такъ штоба мужъ любилъ маладую жану!» И приказываетъ мать: «какъ станешь на паперть, Аннушка, хватайся поскорѣе за церковный замокъ, чтобы крѣпче за тебя мужъ держался...» Женихъ сажаетъ невѣсту такъ: подниметъ и грѣкнитъ прямо въ сѣзъки.

Спроволавъ молодыхъ, мать невѣсты голосить: «дитѣныкъ мой милый, я тебе панявдмила симнадцати годъ людямъ служить»... Или: «дитѣначикъ, нижалѣтая ты у мине расла, заняволинная, ты-жъ, мая дититка, блинка гарячива ни сѣла!.. Ты-жъ у мине усѣ у работи у должнасти бальшей... Какъ жа я отсталась близъ тебе, дититка? Асталась я шлѣпать и ѣздитъ въ сахъ и въ баранѣ». Сестры причитывають: «сястрица мая милая, идѣнь ты людямъ служить—добрить...»

А поѣздъ жениха, отѣхавъ недалеко, остановится; дружка соскочить со сѣзковъ и забѣжить въ хату, гдѣ недавно было полное собраніе гостей; народъ еще не разо-шелся. Бабы откроютъ подполье, да какъ крикнуть на дружка: «дружка, давай намъ водки, а тово, братицъ, куда мы тебе пасодимъ!» Дружка даетъ водки бабамъ, отдаетъ благодареніе отцу-матери, проворно бѣжить къ сѣзкамъ, поспѣшно садится и ѣдетъ поѣздъ жениха къ вѣнцу.

Послѣ вѣнца. Какъ съ церкви ѣдутъ пересѣвчавшись, то часто останавли-ваются и во время остановокъ вянцо пьютъ. Какъ поѣдутъ, запоють пѣсню:

Пароша, пароша!
Какъ по—па той пардши
Вягѣть бѣлый зайка,
За зайкію борзыя собаки,
А зай Вогу молишь:
Унися мине, Вожа,
Да тсѣвага дома,

Дай мнѣ, Божа,
За тсѣвыимъ столамъ
Хлѣба-соли кушать.

У нашива свата кони вараныи,
Кони варавыи, дуги висакія.

Вдругъ запоють:

У нашива дружка конь нипагѣжъ! (т. е. не красивъ, не хорошъ)
Конь нипагѣжъ—маладыхъ ни павѣзъ.

Какъ поднесутъ вина молодымъ и всему поѣзду, запоють:
Какъ у нашива дружка конь та пагѣжъ—
Маладыхъ павѣзъ!

Иногда поѣздъ останавливается, оттого, что ему дорогу перегородили, «зайца» закинули.—Винца-ль тебѣ что-ль?—скажетъ дружно закинувшимъ «зайца» - и угоститъ ихъ, чтобы приняли его. Разъ три «пробкатамъ» проѣдутъ по деревнѣ. Боже ты мой! сколько народушку-то «сметается» къ воротамъ невѣстина дома, какъ заввѣдятъ поѣздъ свадебный, какъ слышать грустную пѣсенку:

Прилетѣла галубка,
Павита галовка...
Сястрицы-падружки,
Пріютитя галубку,
Павиту галѣвку,

Пасыпята галубки
Бѣлый ярый шпаницы,
Чтобы наша галубка
Тутъ привыкала,
Двару ни латала.

Молодыхъ встрѣчаетъ свекоръ и свекрова со крестомъ и карвигою хлѣба. Часа полтора молодыхъ не пускаютъ во дворъ и переговариваются съ ними у воротъ: «мы не знаемъ васъ; мы не слышали, какъ вы намъ наѣхали!»

— А понравилась хватера дивоеча: дай туда паѣдимъ—и наѣхали. А вы ни атваряйтесь! Какъ-нибудь жа нада помѣститца на дворѣ.

Войдутъ въ хату молодые послѣ предварительнаго угощенія водкою истрѣтившихъ ихъ у воротъ. За столъ тоже не пускаютъ молодыхъ: человекъ двадцать мужиковъ позаимуютъ за столomъ всѣ лавки: «мы сами, говорятъ поѣзжанамъ, будемъ обѣдать; обѣдъ мы ни для васъ готовили».

— Братцы, мы разочтемся, расплатимся: ета вѣдь князь съ княгиней дажидаются—аны померзли въ дорожкѣ.

— Ну, давай выкупъ!

Дружно выкупаютъ столъ для жениха и невѣсты.

Запоютъ пѣсню:

Ты, Кузьма-Димыишъ,
Скуй намъ свадьбу
Крѣпваю, вѣкавѣшную,
Вѣкавѣшную, далгавѣшную.
То Ивану пѣсека—
Ни адвamu, то съ Анною,
То съ Анною, съ Ивановною.
Летѣли тамъ пчолы,
Пчолы яравыя;
Садилися пчолы
Въ Ивана на дварѣ,
У Дарыи въ тиримѣ.

Пришла миѣ гадинушка,
Мая vychаривушка;
Усѣ падалили, усѣ разнасили:
Свекру станочикъ,
Девирю платочикъ,
Заловки вянчикъ.
Красуйся, заловушка,
Красуйся, либедушка,
Какъ я красувалась
У радимаго батюшки,
У сударыни матушки.

За столomъ поются пѣсни величальныя и хвалебныя всей роднѣ, свашкамъ, дружкамъ, всѣмъ присутствующимъ на свадьбѣ: женатымъ, холостымъ, старымъ, молодымъ; даже для вдовъ существуютъ особыя величанія.

За величаніе или «обыгрыванье» платятъ деньги или угощаютъ виномъ. Богатыхъ величаютъ или «обыгрываютъ» больше, нежели бѣдныхъ. Если кто желаетъ, чтобы ему напѣли побольше величаній, притворяется, что не слышалъ пѣсни:—«не слышу: у меня золотомъ уши завѣшены».

Въ «обыгрываньяхъ» поется про мирную семейную жизнь и мирныя семейныя наклонности, «про дорогой обычай мужа», про мирное семейное прованье сосѣдей, «смирнѣную бисѣдушку» людей «добрыхъ», степенныхъ, которые и во хлѣбю хороши, не бושуютъ и не озорничаютъ, а говорятъ разсудительно «все старинное рѣчь паслѣвья». Жизнь семейная выставляется такою привлекательною и заманчивою, что можетъ поправиться и дѣвушкѣ, и холостому парю—женителю. Поютъ про богатую обстановку,

серебро да золото, да про корабли съ товарами. Вдовъ или тѣхъ, кому, по волѣ судьбы, жизнь не задалась, тѣхъ «обыгрываютъ» пѣснями трогательными, чтобы грусть розвести.

Величаютъ дружка:

Дружинька сильна богатъ;
Вдишь скарадишь—12 баронъ,
У нашива дружки 700 капёнь!

Просить за величаніе подарковъ:

Охъ, дружинька, не тами ты насъ,
А падали ты насъ:
Не ставишь дарить—
Мы тебе станимъ каригъ!

Дружки пѣсня:

Съ Марьей Степановной;
Друженьки харашива!...
Идѣ дружинька сидить,
Тамъ свича нинадобна:
Асвѣтитъ инъ
Залатою гривнаю палужоною!

Дружко наливаетъ молодымъ бабамъ водки и даетъ имъ денегъ за величаніе. Бабы благодарятъ и еще «обыгрываютъ» дружка съ супругою.

Спасиба на большимъ дарѣ!
Дай табѣ, Божа,
Сто рублей у мѣшну,
Кабылу, карову,
И жану здарову!...

Запоютъ пѣсню молодому съ молодой:

Идѣ Иванушка сидить,
Тамъ свича нинадобна:
Асвѣтитъ яго залотой гривнаю,
Асвѣтитъ яго полужднаю.

Пѣсня свату и сватѣ:

Бѣгли скамарошки
Па чистый дарожкѣ;
Патали, вапрашали,
Гдѣ тута свадьба.
Иванъ сына женить,
Анна дочь отдаётъ;
Перепелка Аннушка,

Перепелка Иванавна...
Што ты рана вылетываишь,
Што ты рана вышхриваишь?
Отдаётъ мине батюшка,
Снаряжаишь матушка
Свани бѣлыми ручками.
Пирчатными рукавочками.

«Обыгрыванье» холостому.

Подъ калинкаю,
Подъ калинкаю,
А подѣ тымъ шатромъ,
Подъ палатнянымъ,

Пачиваишь тамъ
Добрый молюдицъ, (2)
Свѣтъ Валодюшка,
Свѣтъ Хвилиппьевичъ.

Передъ имъ стыять
 Слуги вѣрныи,
 Слуги вѣрныи,
 Враты родныи;
 Ины будють яво—
 Прабуживаютъ:
 — Ты юстанъ, юстанъ,
 Добрый молюдиць,
 Свѣтъ Валодюшка,
 Свѣтъ Филиппьевичъ:
 На синемъ мори
 Карабли ушли (2)
 Са тыварами,
 Съ яснымъ золотымъ,
 Съ чистымъ серебромъ.
 — Ни магу устать
 Галавы паднять,
 Галовы паднять,
 Карабли схватать.
 Подъ калинкаю,
 Подъ малинкаю,
 А подъ тымъ шатромъ,
 Подъ налатнянымъ,
 Почивантъ тамъ
 Добрый молюдиць,
 Добрый молюдиць,
 Свѣтъ Валодюшка,
 Свѣтъ Хвилиппьевичъ.
 Передъ нимъ стыять
 Слуги вѣрныи (2),
 Враты родныи,
 Ины будють яво—
 Прабуживаютъ:
 — Ты юстанъ (2),
 Добрый молюдиць (2)
 Свѣтъ Валодюшка,
 Свѣтъ Хвилиппьевичъ,
 На синемъ мори
 Карабли ушли
 Са тыварами,
 Съ красными дѣвками.
 — Я магу устать
 Галаву паднять (2)
 Карабли схватать (2)
 Сибѣ дѣвку взять,
 Сибѣ краснаю.
 У мѣсица у ясава
 Рожки крутыи,
 Паззагнутии;
 У Сирѣжувки
 Кудри русыи
 Парасчосаны,
 Паразглаживы,
 Алыми лентами

Пиривязаны,
 Чистымъ серебромъ
 Пирясываны.
 Нихто къ кудирькамъ
 Ни приступица—
 Приступилася
 Радна матушка:
 Узила кудри
 На сван рука,
 Стала кудирьки
 Чисать, гладити,
 Разбумаживать,
 Алыми лентами
 Пиривязывать,
 Чистымъ серебромъ
 Пирясывывать.

Березничикъ листовой—
 Серѣжанька хластой,
 Халостинькій нижинатъ,
 Ёнъ бѣлннкій кудривать,
 На емъ кудри вилися,
 На плечушкамъ сламѣлися
 И въ три ряда влилися.
 На ёмъ шапачка саболя,
 А въ шапачки ширинка,
 Въ шириньчки три узла:
 Первый узѣлъ—макывъ цвѣтъ,
 Другой вузѣлъ висилѣкъ,
 А третій вузѣлъ любава въ кѣ.
 На што тибѣ висилѣкъ?
 Штобъ я, младець, весѣль былъ.
 На што тибѣ макавъ цвѣтъ?
 Штобъ я, младець, цвѣтенъ былъ.
 На што тибѣ любава въ кѣ?
 Штобъ дѣвушки любили,
 Пивцомъ и винцомъ панили,
 Ширинками дарили.

А у ково жина маладая,
 Словна ягада наливная?
 А у Андреюшки жина маладая,
 А словна ягада наливная,
 Какъ брусничина баравая.
 А ина съ терима выхадила,
 А сваяво друга воскликкала:
 — А Андреюшка, мой дружочикъ,
 Ди Яковлевичъ живаточикъ,
 Ты ступай двору паскарѣя,
 На тясовую караватку,
 На пуховыя на пирины,
 Аб-подъ теулыя адѣяла
 На сладкыи цалуванья.

Ой, не рыбушка платичка
ваканёчикъ,
Андреюшка дружочикъ,
живаточикъ,
Ни пущай свою Настасю
за вароты.
Пятницкыя рибяты
вараваты:
Поймають Настасьиньку
зацалуютъ,

И завидють Оатёвну
замилуютъ.
Ой, вы стойтика, рибяты,
ви цалуйтя,
Ой, вы стойтя, маладыи,
ни милуйтя:
Ну, я самъ Настасьиньку
падалую,
Ну, я самъ Оатёвну памилую.

Когда спюють эту пёсню, тѣ, которыхъ «обыгрывали», отдариваются, а имъ поется другая пёсня:

Ой, спасибо, сватушка,
Ой, за твой за большій даръ,
За дарагай подарочикъ,
За твою рублёвачку.
Ой, дай тебѣ, Божа,
На сто рублей денникъ

Всѣ старинныхъ коуѣникъ
На сыновъ на хорошихъ,
На дочокъ на пригожихъ,
На сватовъ тебѣ на богатыхъ,
Да штоба и мужъ былъ тараватый.

«Обыгрываютъ» многосемейныхъ супруговъ.

У варотъ сасонушка зилиная,
У Ивана жана маладая,
Ина са вечера у пиръ загуляла,
А ка палуначи двору прихадилла,
Ка бѣду свѣту ина сына парадилла,
Сваяво друга звисиллала,
Никалаича звисиллала.
Ни нѣмѣнъ мѣсицъ
Гулянтъ са звиздами,
Валаднимиръ гулянтъ съ сыннывьями;
Ни бѣла звѣзда выходить са звиздами:
А Т-на гулянтъ съ дачириями..

Ой, Настасьинька сваяво мужа
Ина во свадьбу сабирала,
А у касынку палтинку завизала,
Сваяну мужу приказала:
Ой, Андреюшка, мой дружочикъ,
Ой, Яковлевичъ, живаточикъ,
Ты дари игрицъ нищадна:
Старымъ бабушкамъ да па гривни,
А маладымъ маладицамъ па палтини,
Краснымъ дѣвицамъ па рублѣни.
Наши дѣвицы сваявольки:
Вязъ мыла на вулицу вя ходють,
Вязъ румянъ на шйраку ни вастушють

На нѣмъ кушья шуба да далу,
Жарѣзля баброва по плечамъ.
Ой, люди скажуть: кто таковъ?
Настасьинька скажыте: мой саколы!
Каба хто яму кудирьки завизалъ?
Завизала ему матушка,
Ву теримн сѣда подъ акномъ.

Доброе согласіе супруговъ:

Вилась, повилась травушка,
Ка бѣлый берези прививалась.
Павился, павился Андреюшка,
Ка свайе жанѣ—Настасьиньки:
Душанька мая, Настасьинька,
Живаточикъ мая Оатёвна,
Дала-жъ ба ты мнѣ шириначку,
Дала-жъ ба ты мнѣ шалковую.
Дружочикъ мой, Андреюшка,
Живаточикъ мой, Яковлевичъ,
Дала-бъ тибѣ я шириначку,
Дала-бъ я тибѣ шалковую,
У пиръ идучи—замарапшь,
Съ пиру идучи—патиряпшь.
Дружочикъ мая, Настасьюнка,
Друхъ мая, Оатёвна,
У пиръ ишодши—падалую;
Съ пиру приду—помилую.

Ой, ходить Андрей па двару,

Мужъ влюбленъ въ жену; любезничаетъ съ супругою.

Стелитца, катанца
 На лугамъ трава шалковая;
 Цалунть друхъ, милунть,
 Андрей жану маладую:
 — Друхъ мая Настасьюнька,
 Друхъ мая Хватёйвна,
 Ну, ты мне состарила,
 Визъ уха малайца поставила
 Частыми паходами,
 Ну, низками паклонами,
 И тихими гавдрами.

Канпелька былинка,
 Дробная зилёная.
 У гароди стыла,
 Скланяла галовушку
 На правую старонушку.
 На правый старонушки
 Угодья вялины:
 Тирима всё высокин,
 Каравани тисовыи.

Дѣву «обыгрываютъ»:

Ой, ягадка красна,
 Змлинчикъ красна,
 А патаму ина красна,
 Што при горачки расла.
 Ой, Анисьянька вужна,
 Антонавна разумна:
 У батюшку вужна,
 У матушку разумна:
 Я по сѣнюшкамъ хажу.
 Зямчугъ на руку нижу,

Вдову «обыгрываютъ»:

Пакуайся, вутушка, покуайся;
 Стрипинися, сѣрая, стрипинися!
 Ну, горькаѣ маѣ пакупання,
 И гарямычныя маѣ стрипитання.
 Што майво селезнюшки дома нѣту:
 Ну, мой селезнюшка въ атлѣти,
 Въ атлѣти—на синимъ мѣри.

Похвала «смирёнай бисѣдѣ»:

А у нашива сусѣда
 Смирёная бисѣда;
 А у бисѣдушки
 Сидятъ гости,
 Вѣ люди добрыи,
 Гаварить ане рѣчи,
 Рѣчь-паслѡвья
 Всѣ старинныя:
 Атчавдѣ ли наша матушка,

Каму спать, пачивать
 На тисовый каравати?
 Ой, спать, спачивать
 Владимиру Николаевичу
 Со Авдотый Тимофеевичей.

У насъ на палю, на гарѡхвицу,
 Ходить голубъ (2)
 Са галубашкаю.
 У голуба залатая галава,
 А у галубки пазалачивана.
 У Андрея (2) жана маладая.
 Я бы лѣтамъ (2)
 На калѣсачкахъ вазилъ,
 А па зимнимъ путѣмъ
 Я на писаимыхъ санѣхъ;
 Сани писаныи,
 А вузды низаныи,
 А коники вараныи,
 А извожички маладыи.

Я ка бѣдники спяшу:
 Ну, ни Богу малитца,
 Жениховъ выбирать.
 Я выбрала женишка
 Са барскаго дварца:
 Онъ чистъ и рѣчъ сѣ,
 Гаварить душа гарѣзъ;
 Носить синю паддѣвку
 Маяму сердцу зладѣйку.

Сабирайся, Татьянушка, сабирайся,
 Снарижайся, Симёновна, снарижайся:
 Што горькая маѣ сабирания,
 Гарямычныя снарижания!
 Што майво Митрюшки дома нѣту,
 Што мой Митрюшка на томъ свѣти.

Матушка-Масква загаралася?
 Загаралася наша матушка-Масква ать ли-
 хихъ гасподъ;
 Ать таво ли ать гаспадина, ать Нарышки-
 ныва!
 Нашъ Нарышкинъ гаспадинъ
 Очень лихой онъ былъ,
 Христіанъ съ голоду мариля.

Дорогой обычай мужа:

У чарачки у сребренной
Залатой былъ вянчикъ;
У Прохора Ивановича
Дарагой былъ абычай:
Идѣ пить, идѣ гулять,
Начувать двору ѣдять:
— Ты, Храсинюшка Васильевна,

Разумѣй сустривати.
— Ой, Прохорюшка
Да Ичанавичъ,
Ни въ дасугъ, сударь, стала:
Ну, сына я качаю—пиримѣнушки чаю,
А дачку я качаю—пиряпдицу чаю.

Забота жены о подгулявшемъ супругѣ:

Ай, Андреюшка - дружокъ
Вечоръ пьянѣ-пѣнѣшаникъ пришолъ,
Шатайтца-валаяйтца
У Настасьинныхъ нагахъ:
Ты, Настасьюнька, разуй,
Ты, Хватѣевна, разуй!
— Я ба рада разула,—
Я ни знаю, какъ завуть (2),
Пу батюшки виличають (2).
Пайду, выйду малада
За навья варата,
Паслушаю малада,
Да што люди гаварять.

Первыя люди сказали,
Што Вандреямъ завуть,
А другія гаварили,
Што Якавлевиць:
Ты ни тотъ-та Андрей,
Што па возиру гулялъ,
Пралубычки прасикалъ.
Бѣду рыбушку лавилъ;
Ну, красны выканѣчки—
То Вандреины сыночки;
Ну, што бѣлыя платички—
То Настасины дочки.

Подгуляли супруги; мужъ угощаетъ жену:

У поли кадѣшничка стыяла,
Въ кадѣшнички чарнѣшничка гуляла.
— Гуляй, моя чарнѣшничка малада,
Пакель мая чернѣшничка галава!—
Праниль чернѣш черну ризу на яду,
Чистававши чарнѣшничку маладу.
Сирѣдъ двара свѣтѣлычка стыяла,

Въ свѣтѣлычки Храсинѣшничка гуляла,
У новнѣшничкой Васильевна гуляла.
— Гуляй, мая Храсинѣшничка малада,
Пакель мая Прохорова галава:
Прошилъ, проѣлъ ворона коця на яду,
Чистававши Храсинѣшничку маладу.

Гулянье идетъ до вечера и до вечера поютъ пировыя пѣсни; послѣ ужина поведутъ молодыхъ кормить въ другую избу два дружка и двѣ свахи. А въ общей хатѣ, послѣ удаленія молодыхъ, пированье продолжается за столомъ, какъ и прежде.

Поютъ за столомъ пѣсню:

Постылыя работушка
Гребень да стальнѣ,
А харошія работушка
Ставанъ да вино!
Смирѣная бистѣдушка,
Гдѣ батюшка пилъ-гулялъ,
За мной маладѣю пасылалъ.
Я, маладая, замѣшкала
За гусими, за лебидини,
За мелкаю пташничкаю.
Мелкая пташничка
Па берюжку пахаживала,

Шалковую травушку сашшѣпывала,
Халодную расицу прихлѣбывала.
За рѣчкаю за быстрою
На горушкѣ, на гарѣ,
Чатыре двара,
У тыхъ-то у дворушкахъ
Чатыри кумѣ.
Вы, кумушки-галубушки,
Кумитися—любитися,
Любите нине...

Какъ закусятъ молодые со своею свитою, ихъ ведутъ спать: свашки несутъ подушки, перины, дерюгу, а въ рукахъ старшаго дружка его атрибутъ—ременная плеть. Заставляютъ молодую разувать мужа: «Ну, скидывай сапогъ у правой ноги!» Скинетъ молодая сапогъ, а сваха скажетъ: «Ну, погляди, что-жъ ты скинула, а ни пасматрѣла въ сапогъ: онъ отъ тибѣ деньги схаранилъ, и попомъ всё тѣхъта будить отъ тибѣ харанить!» Возьметъ сваха изъ сапога деньги и отдастъ невѣстѣ. «А что ета тарчить въ сапогъ?» Поглядягъ: принякъ! Тутъ всё начинаютъ хохотать надъ женихомъ: «Ахъ, какой хитрый! Ничего не видя, а ужъ сталъ таятца!» Улыбнется и молодая.—«А въ шарѣхъ ета што?» Изъ шарфа молодая вытягиваетъ денежную бумажку: рублевку или трехрублевку:—«Вотъ онъ што дѣлаетъ отъ тибѣ твой... ха, ха, ха!» Смѣются свахи!—«Ну, молодой, ловокъ ты надувать жену! А подушки мы тибѣ ни атдадимъ! Выкупи!» Молодой вынимаетъ «копейкъ тридцать» денегъ и отдастъ свахѣ.—Нѣтъ, этого намъ мало!—Еще «вымѣтываетъ» женихъ пятиалтынный.—«Ну выкупи еще дерюжку!»—Послѣ окончательнаго выкупа сваха развяжетъ подушку и дерюжку, и свахи «спрянуть» молодыхъ. Молодые ложатся; дружокъ большій съ ременнымъ кнутомъ, дружокъ меньшій, большая и меньшая свахи стоятъ надъ молодыми и пристально смотрятъ на нихъ.—Что-жъ ты отвернулась отъ молодого князя?! тѣхъта нильзя!—дѣлаетъ строгое замѣчаніе большая сваха невѣстѣ:—«ты вазьми нво, да вотъ какъ покрѣпчи вазьми за шейку, да абними!» А дружокъ большій, послѣ увѣщаній со своей стороны, возьметъ и «цуднѣтъ» молодыхъ пугою, такъ что они раза три перевернутся подъ дерюгою...

Но вотъ выходить молодые въ сопровожденіи свахъ и дружковъ; свахи во все горло орутъ пѣсню:

Теперь мы апрастались,
Теперь мы развожжались!..
Мужа дома нѣту:

Мой мужъ на гароди,
У клѣтки, на грядки,
Виситъ на запятки.

Пойдетъ по хатѣ «пляска» в пированье. Пѣсни становятся все веселѣе, разгульнѣе, пойдутъ скакухи да плясухи. Орутъ бабы, что въ голову взбрѣдетъ, иногда совсѣмъ по вдохновенію, что подскажетъ имъ веселая минута да хмелекъ. Баба совсѣмъ грязная и сопливая поетъ про чистоту и богатство. Какъ подхватится, какъ заскачетъ и въ ладошки заплещетъ и заорѣтъ:

Ахъ, и мужъ мой многа сѣна накосилъ,
Два воза навозилъ!

Поется пѣсня лиса:

Ужъ ты, лиса,
Ты, лиса мая,
Вотъ и ты съ лѣсу выскочила,
Вотъ мнѣ выпужила,
Пустила ничаль па пличамъ,
Присушила сухату къ живату.
Вотъ и свѣтъ мая Аннушка,
А дачка была Натальюшка,
Наталья Романовна.
Долга вечера гуливала,
Сиратинушку замѣнявала.
Сиратина, сиратинушка,
Горька ягода рибинушка.
У стакани вино плѣщитца,
По стакану разливантца, 2
Я была у томъ канцу,
А я видѣла диковинку,

Стару бабу на коннику.
Вотъ и кумъ къ кумѣ въ гости ходилъ,
Вотъ и кумъ кумѣ шутки гаварилъ;
Кума шутки ни залюбливала.
Ина на печь забиралася,
Черный сажій утиралася,
Тремя мылами умывалася:
А пярво нямѣцакая,
А другдѣ турѣцкая,
А трѣтя панизовская.
Панизовская дѣвушки
Нипозорныи бѣлмушки.
Ты, Васюта, Васютица моя,
По загуиннию хаживала,
За собою бычка важивала;
У бычка-жъ ни бычачій станъ,
Зиляной кахтанъ.

Назавтра послѣ вѣнца. Молодые еще спятъ крѣпкимъ сномъ, а мать невѣсты прїѣхала съ сундукомъ «разбужать молодыхъ». Послѣ прїѣзда матери свашки загрохотать въ воротахъ, какъ ворота держатся:

— О, мы ѣхали, ѣхали, насыду даѣхали—веземъ приданое!—Домашніе говорятъ: «Выло-бъ за што васъ потчивать, а то у васъ, можить, нъ сундуку кирпичу понакладна». Между тѣмъ, молодымъ запюютъ пѣсню «будилу». Какимъ бы крѣпкимъ сномъ они ни спали, они обязательно проснутся отъ громкаго пѣнья этой пѣсни:

Привизла вамъ мать будилу,
Чтобы вы рана вставала *)!
Ты юставай, уставай, маладая,
Привизла вамъ мать будилу,
Штобы ты рана уставала:
То Ивану пѣсенку
Ни одному —съ Натальей;
Идѣ Иванушка сидѣть,

Тамъ сяича винадобна:
А свѣтитъ яго залатой гривной,
А свѣтитъ яго полужоною.
Иванушка, ни тамъ ты насъ,
Падари ты насъ;
А ни станишь дарить —
Мы тибѣ станимъ нарить!

Свашкамъ, которыя подымали пѣсней молодыхъ, поднесутъ вина; мать родная жениха принесетъ нѣтъ блиновъ; молодые кланяются въ ноги матери съ отцомъ. Сходятся всѣ смотрѣть къ привезенному сундуку. Женихова мать говоритъ: «На пятьдесятъ рублей побьемся объ закладъ, что сундукъ кирпичомъ набить». Мать невѣсты обижается не на шутку:

— «А, сватьюшка, за наша добро вы насъ ищо каритя! Када такъ, мы поведемъ свое добро назадъ—дома сгодѣтца». Происходитъ выпивка и миролюбивое соглашеніе. Отца съ матерью садятъ за посвятню, молодыхъ въ запаль. Смотрять всѣ, хороши ли молодые, и какъ они между собою обходятся, а они другъ на дружку и не глядятъ. Сватъ и сватья подчуютъ прїѣзжихъ сватовъ. Поставятъ вина подъ отца и подъ матери и кусочки мясушка положить; тѣ вина не пьютъ и мясушка не трогаютъ. Подъ молодыхъ тоже поставятъ вина и мяса, и они угощенія не трогаютъ. Невѣстина сваха возьметъ вино сватовъ и вино молодыхъ и сольютъ въ одинъ полштофъ; берегутъ то вино; оно полезно тѣмъ, у кого бываетъ родимецъ.

Оказывается, что прїѣзжая сватья очень запаслива: она привезла съ собою кромѣ сундука еще угощеніе. Домашній сватъ по этому поводу вдается въ обиду: нѣшта у насъ, сватья, свайва хлѣба-соли ни дастагитъ, што вы свайе привозитя; намъ абидна пказывантца.—Нѣтъ, сватушка, мнѣ нужна саздать сваю хлѣбъ-соль.—

За столомъ подаются блины. Въ срединѣ обѣда невѣстина мать, прїѣзжая сватья, вдругъ и говорятъ:—вотъ, сватушка, пьемъ мы, ѣдимъ, а надо доглядѣтца, есть ли у васъ какое хозяйство, есть ли у васъ, зачѣмъ нашей молодой хадить. Сватъ домашній съ важностью ведетъ сватью и молодую по хлѣвамъ. Молодая даетъ коровамъ изъ своихъ рукъ по кусочку пирожка, овечкамъ, ягняткамъ, свиньямъ тоже. — Есть ли у васъ, сватъ, на чомъ поля пахать—нада лашадей даглядѣтца! Гусей, курочекъ и тѣхъ посморгать; молодая и птиць накормитъ изъ своихъ рукъ.

— Хозяйство вы мае видили, скажетъ домашній сватъ: да умѣетъ ли ваша хозяйничать? Умѣетъ ли ана ищѣ по ваду хадить? Молодая идетъ съ ушатомъ къ колодезю; она зачерпнетъ ушатъ воды. Мужчины чубурахъ тотъ ушатъ на народъ; со свѣхомъ разбѣгаются въ стороны. Три ушата, почерпнутые молодой, вылили на народъ; она почерпнула п четвертый ушатъ, несетъ его и ставитъ въ сѣняхъ. Сваха, женихова мать, накроетъ ушатъ тотъ шубой и рушникомъ по шубѣ и скажетъ: «дай Бохъ, чтобъ наша нивѣста была такая-та касмата!» Изъ четвертаго ушата стараются всѣхъ перемотить, кого захватить въ хатѣ. Жениховъ отецъ и говорить: «да, ваша маладая вполнѣ можить воду носить». Мать ея отвѣчаетъ: «да ма и тилѣгу взапретъ на гару—запрагай іе хоть въ тилѣгу».—Благодаримъ, сватьюшка,

*) Остатки двойственного числа.

мы етыва ни думали; намъ люди вашу дочку карили, што ана вамъ будить ни работница.

Сейчасъ всѣхъ сватовъ и «пировыхъ» за столъ, а молодую заставляютъ блины печь. Загремать по сковородню желѣзомъ, зазвенять, какъ колокольчикъ, и крикнуть:—Ну, иди, молодая, блины печь! Пасмотрижъ на твоѣ издѣлья!—Наливается молодая блинъ. На чапельнику «ленды нацѣплены». Ставить молодая блинъ прямо подъ печку. Сейчасъ сваха, женихова мать, и дѣлаетъ замѣчаніе:—Ана у васъ бнзъ памяти. Када-жъ ета быванть, что блинъ пекѣтца падъ печкаю? У насъ адна кошка живѣтъ надъ печкаю.—А то молодая насажаетъ на блинъ «вѣннику». Кричатъ:—Дура, дура, маладая! Ланька блиновъ какихъ напикла—съ цвитами. Берутъ блинъ тотъ и кладутъ подъ отца и матеръ родную невесты:—Ѣшь, што вамъ дачка настрапала!—Вдругъ свекоръ беретъ стаинд и начинаетъ бить молодую по задѣ, приговаривая: «чтобъ блины задавались тонниньки!» Молодежь мажетъ другъ друга тѣстомъ. Жениху намазывать блиновъ, поставять на воротахъ, да браги шайку. Потомъ говорятъ молодой: «нука пометисъ! Умѣишь ли ты мечь?» Вовзметъ невеста метлу и мететъ отъ порогу прямо къ печи.

— Што жъ вы, сватушки, хвалили невесту: ана ви умѣить мечь.

— Да ана у насъ и дома тахта нитеть; ета штоба не выносить словъ изъ дома.

— Ну, исполать, сватушка, умная и разумная у тебе невестушка—ни дура!

Послѣ метенія хаты снять съ молодой кисею, которою она была покрыта, когда ѣхала вѣнчаться. Мать жениха понесетъ это покрывало въ клѣтъ. Пріѣзжая сваха, мать невесты, говоритъ: «пойдежя, сватушки, поглядимъ, што у мене есть въ сундукѣ. Какъ бы мене не обкрали—а то скажите, што ничего не была!» Выложить нѣсколько холстинъ, рубашекъ, костоланчиковъ; «даглидѣтца» свать со свахою и скажутъ: «Ну, благодаримъ, сватеньки, што вы насъ ни абидали, ета только вить пр и чѣтъ, што ваша невеста ни умѣить ни шить, ни мыть, ни кроснѣ ткать; што у невесты и добра нѣту: всё ана умѣить, всё ана знавать, и ей, слава Богу, вѣкъ ни пражить добра, што ей накладина.

— Ну, смотрита, смотрита, сватушки!—говорить саноодовольно пріѣзжая свать.

Пріѣзжіе свать и сватья поднимаютъ къ себѣ въ гости молодыхъ и всѣхъ гостей. На сень подводятъ насажаютъ человекъ тридцать.—Да, сватушка, угостишь ли ты насъ?—спрашиваютъ гости.

— Да ублаготворишь ли ты насъ?

— Да хоть тридцать чилавѣкъ садитесь на сто лошадей—всѣхъ угащу.

Немного попировавъ въ домѣ невесты, всѣ гости ѣдутъ къ жениху. Пойдутъ по деревнѣ и гостятъ тамъ у родныхъ хозяевъ. Снова возвращаются, и опять жениховъ отецъ садить сваху за столъ и угощаетъ ее; сваха отказывается: «пытались мы у тѣбе, сватушка, ѣсть цѣлый день—цѣлый день ѣдимъ».—Да какая тамъ, свѣтинька милая, наша ѣда!—скромничаетъ свать.

Послѣ ужина сваха «приказываетъ абъ дочирѣ»: «ана—чилавѣкъ маладой; ана чилавѣкъ робкій; ана ни дагадантца, куда пойдѣтъ, што дѣлать».

— Такъ мы стиха іе будимъ, сватинька, посылать, тиха смирна—нихто ни услышитъ, што работать будить.

— Миласти просимъ къ намъ хлѣба-соли кушать и свашекъ, и дружковъ, штобы къ намъ пріѣзжали, и маладыхъ просимъ.

Начинаютъ за воротами разводить разводы: угощаютъ виномъ родныхъ и гостей, которые собираются уѣзжать. «Срдствие» даетъ совѣты и приказы молодымъ: живитя, живитя хорошо и проч.

Молодые и сваты запрягутъ лошадей и ѣдутъ къ невестиней матерѣ. Въ домѣ сватьи идетъ пляска и пированье. Подъ молодыхъ и подъ пріѣзжихъ сватовъ (свата и сватью) ставятъ стаканы съ виномъ. Старикъ скажетъ, прикушавъ вина:—Ахъ, горька, горька вино—што та ни пьетца!—А старуха на него забранится:—да пей, пей, старая вѣдьма!—Старикъ въ отвѣтъ на брань возыметъ да и расцѣлуетъ старушку. Всѣ торжественно крикнуть:—сладко, сладко вино! Ну, старикъ, поучите цѣловатца молодыхъ!—Молодымъ тоже скажутъ: горько, горько вино!—Не свазу

они поцѣлуются—ихъ долго томятъ.—Есть ли у тебе руки, маладая? Когда есть, казыми маладаго за уши и поцѣлуй.—Вотъ она рѣшилась—взяла его за уши— и ну, цѣловать. Всѣ со смѣхою кричатъ: вѣримъ, вѣримъ: есть, есть руки! Сладко вино!

Село Жерелево, Мосальск. уѣзда.

Сватовство. При сватовствѣ ижють обыкновеніе сводить для объясненія жениха и невѣсту, «становить ихъ на одну доску». Невѣста спрашиваетъ жениха: «По нараву я тебѣ». Если женихъ скажетъ: «По нараву», родные говорятъ: «Ну, панаравилась. Молитесь Богу!» Наливаютъ рюмку вина и даютъ ее молодымъ перепивать по поламъ; потомъ молодые цѣлуются. Посадутъ сваты водку пить, а молодыхъ врозь. Выпьютъ четверть водки отцы, побьютъ рука объ руку и скажутъ: «поладили!» Надо брать горѣлку на запойны. Жениховъ батька выльзетъ изъ-за стола, поблагодарить за хлѣбъ-соль и уйдетъ съ женихомъ домой.

Запойны. Наберетъ водки отецъ жениха и поѣдетъ съ сыномъ и съ роднею къ невѣстѣ. Приѣдутъ—Богу помолятся, за столъ сядутъ и станутъ привезенную водку разливать. Невѣсту соберутъ и дадутъ ей въ запалъ полштофъ водки. «Запаломъ» называется особое отдѣленіе, гдѣ, на возвышеніи около печки, помѣщается невѣста со своими товарками и подружками. Невѣсты и подружки ея не видно: онѣ отдѣлены занавѣсью. Даютъ невѣстѣ пѣтуха жаренаго и пироги. Невѣста поить водкою собравшихся подлѣ нея подружекъ; она трогательно, со слезами на глазахъ, прощается съ ними: «не гнѣвайтесь на мене, дѣвки!» и благодарить она ихъ за заботы: дѣвушки прежде играли съ невѣстой, дѣлили съ ней горе и радость, а теперь шьютъ на нее, собираютъ къ свадьбѣ. Бабы сводятъ невѣсту съ «запала» и подводятъ къ жениху; невѣста даритъ жениха, подноситъ ему «шархъ на шею». Сводятъ молодыхъ цѣловаться; опять невѣста спрашиваетъ у жениха: «панаравилась я табѣ?»—Панаравилась,—отвѣчаетъ.—«А я табѣ панаравилась?»

Отцу родному невѣста поклонится въ ноги и жалобно заголоситъ: «Батюшка родименькій, не винь мене ты при этомъ горюшку!» Сейчасъ поднимутъ молодую; будетъ она роднымъ и свекору подарки подносить: свекору—шуринку; подойдетъ къ дружкѣ, къ свату, еще къ свату, а тамъ къ крестной матери и жениховой сестрѣ и со всѣми перецѣлуется. Обнесетъ невѣста дарами и водкою столъ, начнетъ ходить по хатѣ, а потомъ по улицѣ, и на улицѣ и въ хатѣ невѣста поить и дарить родныхъ и знакомыхъ. Садятся за ужинъ; становятся «студяны».

Станутъ «пить пѣсни»:

1. Зеленая дубровушка,
Да некаму пашумѣти (2),
Зеленую завеселить.
Свѣтъ наша Мархвущка
За столикамъ сядѣла,
Ой на Иванушку глядѣла.
2. Канпелька былинна,
Третія зелѣнна.
У гароди вырсыла,
Сакланя галовушку
На праву старонушку;
На правой старонуши
Каравать тисова;я;
На той каравати

- Каму спать-пачивати:
Мархвущи съ Иванушвай.
3. Уставай, барыня,
Уставай, государыня:
У насъ хата стоплинна
И каша ныварина,
Гости назавованы.
 4. Гуркала галубушка съ галубкомъ,
Прегуркала два марова, третій свѣтъ,
Четвертую халодную винушку;
Смарозила дружилушку въ дарози—
Быть табѣ, дружилушка, въ дарози;
Смаровила Мархвущку въ дарози—
Быть табѣ, Иванывна, въ паязду.

При окончаніи ужина невѣста подноситъ всѣмъ водку; ей кладутъ на серьги. Гости благодарятъ свата за хлѣбъ-соль, за угощеніе и отправляются домой. Невѣста выходитъ изъ-за стола и провожаетъ жениха до повозки, а тотъ даетъ ей «20 капѣекъ и хунтъ баранокъ».

Подъ вѣнецъ собираются. Встаютъ рано, собираютъ невѣсту. Поставятъ полштофъ вина, умоютъ впноу, остальную водку выпьютъ бабы. Приходитъ дружка. Ему поютъ дѣвки пѣсню:

Наша невѣста гарыжданка,—
Мы табѣ дружку такъ ня выдадимъ:
Падай намъ, дружка, палтину,
Мы тады табѣ касу пакинимъ.

Дружка отдастъ дѣвкамъ копейку и лѣзетъ на полъ «у платку завязавши», надѣваетъ съ себя на невѣсту платокъ, беретъ ее за руку; женихъ, появившійся тоже на полу, беретъ невѣсту за другую руку; оба они сводятъ невѣсту съ полка. Дружка и мать невѣсты требуютъ другъ отъ друга огня. Дружка протягиваетъ зажженную лучину или свѣчку черезъ брусъ, а отъ печки туда же протягиваетъ свой огонь сватья. Мать невѣсты возьметъ отъ дружка огонь, а дружокъ отъ нея, и пойдутъ зажигать свѣчку ка а а Бога, т. е. подлѣ иконы. Дружка хвалится, что «невѣсту выкупалъ».

Станутъ Богу молиться. За столъ садутъ, и станутъ крестная мать чесать жениху и «невѣсти» голову.

Предварительно испрашивается «баславення».

«Матужка Хвѣдоровна, атецъ Ивановичъ, баславитя маладому князю са княгиней бойну голуу чисать, ка Божу суду ѣхать, ка вѣнчану. Матужка Ивановна, баслави маладому князю са княгиней бойну голуу чисать, ка Божу ѣхать суду, ка вѣнчану!»

— Бохъ баславить.

— Народъ привуславный, баславитя маладому князю и са княгиню ѣхать ка Божу суду, ка вѣнчану!

— Бохъ тибѣ баславить.

Родная мать невѣсты связываетъ поясомъ молодыхъ и говоритъ:—На табѣ, зитѣ-чпкъ, плетъ шалковую; сики на падушки, а гавари—на жанушки.—Начинаютъ роднители «абаславлять» молодыхъ; станутъ молодые въ ноги старикамъ кланяться.

Невѣста заголоситъ: «Матужка моя радимая, ни кинь ты маю галовушку, ни кинь ты маю горькую при этаму при горюшку». Выводятъ жениха и невѣсту изъ хаты «вонки», сажаетъ невѣсту на сани молодой, возьметъ невѣсту «на халпкъ» и грякъ молодую на сани, посадитъ невѣсту и самъ садится молодой на колѣни; посидитъ минуточку такъ, садится рядомъ, потомъ садится дружка. А ребята затворили ворота и просятъ вина: а то, говорятъ, не пустимъ. Послѣ выпивки ѣдетъ поѣздъ свободно; пробѣжавъ немного, останавливается. Дружка выходитъ изъ повозки, заходитъ въ хату и проситъ «отца и матерю» въ гости: «свать и сватья, милости просимъ въ гости». Бабы деревенскія соберутся, «пѣлыкъ» откроютъ да подызававсь; а дружка имъ: «стойте, бабычки: я вамъ вина поднесу». Дружка, угостивъ бабъ, идетъ изъ хаты и бѣжитъ къ повозкѣ. Ъдутъ къ церкви, дружка ѣдетъ за священникомъ и привозитъ его. Происходитъ обрядъ вѣчанія. Молодые послѣ вѣчанія останавливаются въ церковной на-раулкѣ, гдѣ происходитъ увиваніе кось невѣсты и одѣваніе ея въ нарядъ молодухи. Въ заплетеніи кось нѣкоторое участіе принадлежитъ и жениху; даютъ ему положить три раза правую косу. Надѣваютъ на невѣсту повойникъ и накрываютъ платкомъ. Потомъ сажаетъ молодую на сани молодой; на этотъ разъ садитъ ее тихохонько, хорошо.

На встрѣчу молодымъ выходитъ мать и отецъ съ хлѣбомъ-солью. Кланяются имъ молодые въ ноги. Отецъ и мать поднимаютъ молодыхъ, отдаютъ молодой «корвигу хлѣба»; молодая несетъ «корвигу» въ хату и кладетъ на брусъ. Зажигаютъ свѣчку предъ иконою и садятъ молодыхъ за столъ. Станутъ подносить вина отцу съ матерью; старички морщатся:—Ахъ, дѣтчики, горька горѣлка! Окружающіе и дружка говорятъ:

«старуха падсалодить горѣлку». И вотъ старуха со старичкомъ поцѣлуются и начнутъ хвалить горѣлку: «ахъ, салодка, салодка гарѣлка!» Налѣютъ стаканъ молодымъ. Надо и молодымъ цѣловаться, чтобы подсолодить горѣлку, да тѣ не рѣшаются приступить къ цѣлованью другъ—друга ишь еще это конфузно. Отецъ и мать родная учать дѣтей цѣловаться:—Ну, что ты смотришь, молодая, возьми мужа за «вѣхи» и цалуй.—Взяла молодая муженька крѣпко за «вѣхи» и крѣпко расцѣловала его. «Вылазеють вѣнки студятца», походявъ на улицѣ, соснуть и молодые пріотдохнуть. Начнется вечеромъ княжой столъ; молодая даритъ шуринками свекора и свекрову, братьевъ, сестеръ, тетокъ, дядекъ. Подходятъ и чужіе, и чужой народъ иногда дарятъ. Ужиномъ оканчивается княжой столъ; ложатся спать.

На завтра свадьбы. Дружко говоритъ молодой:—Надо тебе, Марѳа, ваду научить носить: а то ты ни узымѣши ваду насить.—Молодая «помѣтитъ за водою», принесетъ воды. Мужики говорятъ: дай-ка напитокъ вады, ти сладка ана.—Невѣста зачерпнетъ карецъ и на народъ «ливъ»!—тѣ ха, ха, ха! и въ сторону «помѣтается изъ хаты вонки». Потомъ дружко говоритъ:—ну ка, молодая, пометись-ка хатки; мети да соръ не выкидывай; мужу правды ни даказывай!—Молодая взяла вѣнникъ и стала метъ «сгорбатиши» да не такъ, какъ люди, а отъ двери. Ей кричатъ: «мети къ двери»! А она всё дѣлаетъ по своему. А то возьмутъ соломки, кинутъ въ казѣнку и кричатъ: «Пустите: теленакъ смерзъ»! И много «разныхъ шутокъ представляютъ». Уже поздно гости домой собираются, а гости запоютъ и закричатъ пьянымъ осипшимъ голосомъ пѣсню:

Пара гости да дому—
Паѣли кони салому,
Аржаную, яравую!

И живеть невѣстка въ домѣ свекора и работаетъ на свекора да на свекровью и добра наживаетъ, спереди «пузатѣтъ», а сзади горбатѣтъ.

Свадебныя пѣсни:

Ахъ, ты, ябланка,
Ты, садовая,
Ты, мядовая,
Аткатилась—
Прочь ать яблани;
Прикаталась—
Къ свакрѣ матушки.
—Свикра-матушка,
Ты прими мене
Са всей радустей,
Са весѣлустей.
Чей пачѣй на пѣнушки
У дудычку играть?
Аринушка у матушки
Замужъ апрашалась:
— Мамушка радимая,
Атдай мне замужъ!—
— Дѣтитка радимая,
Дерюжка ня шита.—
— Матушка радимая,
Послѣ сніишь—пришлишь.
Чей пачѣй на пѣнушки
У дудычку играть?
Аринушка у батюшки

Замужъ апрашалась.
— Батюшка радименькій,
Атдай мне замужъ!—
— Дѣтитка радимая,
Шубушка ня шита.—
— Батюшка радименькій,
Послѣ сніишь—пришлишь.
2, Ныпадала рыса, рыса,
На темны лиса,
На мой зилѣнай садъ; (2)
На вѣття бумажныя,
На листьа кумачныя;
Напала грусть-тыска, пичаль,
Пичаль ны майга дружка,
Каторыга я люблю,
Съ каторымъ гулять хажу,
Хажу калы рѣчушки,
Гаварю да съ миломъ рѣчушки.
Тайныя славечушка:
—Дружочикъ мой мѣленьэкъ,
Хочу новча я такъ пажить,
Визъ худѣй бизъ славушки,
Визъ бальшой досадушки.

3, Охъ, пойду я, выйду, млада, за ворота,
 Охъ, раскусь я й, молада, орѣпочникъ,
 Я выну идѣрца!.. Охъ, выну идѣрца,
 Охъ, што я выну, молада, идѣрца,
 Охъ, запой сердца, маѣ злая ретивоя!
 Случаю ни знаю—охъ, я скучаю, сирдечка!
 Голубъ литаить—галубки шукать.
 Охъ, палитѣла сизая галубка
 На синія моря.
 Охъ, на садилась, сизая галубка
 На бѣлѣ гарючѣ камень;
 Охъ, вымувалась сизая галубка
 Марскую вадою, (2)
 Охъ, вытиралась сизая галубка
 Лендай шалковдю.

Спасъ-Деменскъ, Мосальск. уѣзда.

Свадебный обрядъ. Круглый столъ. Когда засватаютъ невѣсту, пьютъ водку и чай: это называется «круглымъ столомъ». Вольше 15 разныхъ свахъ невѣсту съ женихомъ сажаютъ рядомъ, и женихъ то и дѣло подкладываетъ невѣстѣ баранокъ:—Марѣха, ѣсь! Вотъ ты гаварила, что я тебе ни пракаримъ—у насъ хватитъ.-- Отецъ жениха начинаетъ обносить водкою всѣхъ гостей. Дѣлаютъ договоръ, когда будутъ ладины, и сколько на ладны привозить водки. Съ ладинъ бываетъ дѣвичникъ.

Ладны. Зазываютъ гостей, кумовьевъ, и продолжается пиръ всю ночь. «Играютъ» поочереды пѣсни величальныя Гости отдариваютъ поющихъ имъ величальныя пѣсни: кто семеркою, кто пятачкомъ. Гостю, одѣтому почише, «играютъ» больше. Подзываютъ невѣсту. Невѣста наберетъ полотенецъ и каждому родному дарить по ручнику и каждого цѣлуетъ:—давай съ тобой поцѣлуемся!—Каждый принимаетъ полотенце, цѣлуется съ невѣстой и утирается полотенцемъ. «Поцѣловался съ молодой, скажетъ старикъ: нябѣ и я помоложѣю». За это полотенце отдариваютъ деньгами: свекоръ дастъ пять рублей, кто три рубля, кто рубль; родня дальняя меньше дарить. Кончается подарками «балъ», и уговариваются, когда будетъ свадьба. Жениховъ отецъ говоритъ: «я поѣду къ священнику и потолкую съ нимъ, когда прикажетъ быть свадьбѣ».

Подъ день свадьбы бываетъ дѣвичникъ.

Дѣвичникъ. Вечеромъ запрягаютъ лошадей и ѣдутъ въ домъ невѣсты. Стучатся въ ворота невѣстина дома. Съ нѣсколькими родными выходитъ сватъ встрѣчать гостей. Пріѣзжій сватъ вынимаетъ графинъ водки. «Смѣхамъ» скажутъ пріѣзжіе гости: «мы тутъ бутта были и заѣхали опять ночевать». Пріѣзжій сватъ подноситъ встрѣчнымъ по рюмкѣ и по двѣ вина. Поздравляются, поругаются и идутъ всѣ въ хату, которые пріѣхали и которые встрѣчали. Въ хатѣ здравствуются «изновъ» (снова). Встрѣчаютъ сваха. Зажигаютъ свѣчки предъ иконами, молятся Богу. Разсаживаются за столъ. Сваты, жениховъ и невѣстинъ отецъ, садятся рядомъ. Сначала наливаютъ вина этимъ сватамъ; они пьютъ рюмку пополамъ, цѣлуются и говорятъ: «пошли Вохъ всево хорошива дѣтямъ нашимъ». Дружко, который водку разноситъ, пьетъ рюмку самъ за здоровье молодыхъ, потомъ подзываетъ коренную сваху, мать невѣсты, наливаетъ ей рюмку водки; та поздравляетъ сватовъ и выпиваетъ рюмку вина со словами: «будете здаровы, снатушки, милыи, залѣтыи! Сваха уходитъ, а разноска вина пойдетъ кругомъ по всей компаніи. Всѣ выпьютъ рюмки по двѣ, по три, тогда жениховъ отецъ спрашиваетъ:—зачѣмъ пріѣхали, надо посмотреть?—Дружко говоритъ:--Просите, чтобъ показали, зачѣмъ пріѣхали!—Свекоръ тогда кричитъ:—Акулька, поиди сюда, насъ погляди и сама покажись!—Невѣста подходитъ со свахою, молодою и красивою женщиною. Подойдутъ вдвоемъ и кланяются всей честной компаніи. Невѣста называется тогда

свекора:—Здрастуй, батюшка Петровичь!—Наливаютъ невѣстѣ рюмку вина; невѣста не беретъ этой рюмки:—выпей-ка, говорятъ, батюшка, прежде самъ.—Батюшка прикушиваетъ эту рюмку, потомъ дружко допиваетъ рюмку, и свекоръ подаетъ рюмку съ виномъ невѣстѣ. Невѣста, если пить водку, сама выпьетъ, а то подаетъ товарищамъ—дѣвкамъ. Свахи подносятъ рюмку и подаютъ ей «ламѣтъ» пирога и мяса. Сваха беретъ гостинецъ и уноситъ его съ собою за рагожу подъ прикрытіе; невѣста сидитъ закрытою за кулисами какъ будто въ чуланчикѣ.

Идетъ компанія, пьютъ вино, какъ и на ладинахъ, до тѣхъ поръ, пока не вызовутъ невѣсту съ дарами. Невѣста выноситъ дары—полотенцы своей ткани, и даритъ каждого по полотенцу; гости отдариваютъ невѣсту деньгами. Невѣста опять уходитъ въ свое мѣсто; всѣ гости выходятъ съ застола, «какъ будто простуживатца»: кто на улицу, кто на дворъ. Нѣсколько времени побудутъ на дворѣ, приходятъ въ хату и садятся опять за столъ, опять по своимъ мѣстамъ, кто гдѣ сидѣлъ. Тутъ уже идетъ угощеніе невѣстинаго отца—подается вино и закуска. Этой закуской и выпивкой оканчивается весь пиръ. Богу молятся и прощаются. «На воротахъ» провожаетъ невѣста со свахою гостей; у невѣсты въ рукахъ графинчикъ съ водкою, и всѣ съ ея рукъ пьютъ водку. Гости, отпивавъ водки, прощаются и уѣзжаютъ въ жениховъ домъ, а невѣста остается дома.

На дѣвчичникѣ, когда женихъ входитъ со своей дружиной, ихъ встрѣчаютъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ съ иконами, съ хлѣбомъ. Вся дружина идетъ вслѣдъ за отцомъ невѣсты къ столу, гдѣ сидитъ вокругъ стола невѣста съ товарищами. Сосна стоитъ на столѣ увѣнчанная цвѣтами, лентами и маленькими зажженными свѣчами—«услѣжа на люстру». Товарищи поютъ пѣсни.

Начинаютъ сваты торговаться, выкупать мѣста; просятъ съ нихъ дѣвушки три рубля, а они даютъ то рубль съ четвертью, то два съ четвертью; выходятъ забавныя препирательства, доходящія до ссоры. Отецъ невѣсты кричитъ:—Отдайте: вѣдь ему не съ чего дать больше: у него сто десятинъ земли! А Воробей, отецъ жениха, кричитъ:—У мене хотя сто десятинъ земли, а ты—мужикъ! Что у тебе есть, дрянъ паршивая?!—Отецъ невѣсты возражаетъ:—у мене двѣ десятины, а я лучше тебе живу, хотя у тебѣ сто десятинъ.—Воробей говоритъ:—если ты будишь разговаривать, то намъ недолго отсюда и отправитца. Отецъ невѣсты указываетъ дверь со словами:—Можите! Вотъ дверь! Я не держу.—Другой свать горяча высказываетъ въ сѣни вонъ; въ сѣняхъ никто за нимъ не послѣдовалъ. Онъ въ сѣняхъ раздѣлся. Кто-то изъ хозяевъ сказалъ ему какъ будто мимоходомъ:—Что-жъ ты, свать? Проходи, проходи въ хату!—Смягчился, взмолилъ; сѣли за столъ. Откупили сосну и сняли ее; поставили вино, закуску; пошла гульба, веселье, заиграли музыка. Къ концу дѣвчичника подали ужинъ, а за ужинкомъ шоль разговоръ. Пріѣзжій свать много ломался и кривлялся; посадили его въ святой уголъ. Домашній свать вскриниваетъ:—Боже мой, что я вижу: больше половины гостей моихъ: одни, другіе—Воробьевы. Не даромъ, вѣдь, выхваляютъ ихъ, что семейство большое, и не даромъ одинъ хотѣлъ два милліона прожить за одни сутки на воробьяхъ.—Клинижъ же это манеромъ? спросилъ у свата свать-Воробей.—Поспорилъ бы я съ однимъ табюю. Ты бы мнѣ сказалъ, что могу прожить два милліона.—Какимъ же порядкомъ?—Вотъ какимъ. Составить обѣдъ на тысячу персонъ изъ воробьевыхъ языковъ; вотъ поэтому я въ заключеніе скажу, что воробьи оттого такъ дороги, что два милліона можно прожить на однихъ воробьевыхъ языкахъ.—Хочоть, свать сталъ мягче, смѣется; однако, когда невѣста поднесла въ даръ ему ручникъ и предложила поцѣловаться: давай, батюшка, поцѣлуйся! свать грозно сказалъ:—съ каждой паршивой дѣвчонкой буду визатца!—Она усмѣхнулась.

Къ вѣнцу. Свать, жениховъ отецъ, уѣзжаетъ съ дѣвчичника и проситъ себѣ провожатыхъ; невѣстинъ отецъ назначаетъ провожатыхъ изъ своихъ родныхъ. Пріѣзжаютъ въ домъ жениха. Угощаютъ провожатыхъ; сажаютъ за столъ. Послѣ угощенія ложатся гости спать, а свать хлопочетъ о лошадяхъ. Собираютъ паръ 5, 6; между паръ встрѣчаются и тройки. Будятъ пріѣзжихъ гостей и тѣхъ, которыхъ звали въ поѣздъ съ лошадьми. Къ жениху пріѣзжаютъ передъ свѣтомъ гости и родные, будутъ ему сопутствовать. Весь жениховъ поѣздъ садится за столъ; идетъ

Потомъ поведутъ жениха собирать въ отдѣльную холодную комнату. При сборахъ жениха присутствуетъ сваха и дружка; они одѣваютъ жениха въ то бѣлье, которое ему прислала невѣста; одѣвши жениха, сваха и дружка проводятъ его въ хату и говорятъ: «молодой князь, проси въ отца съ матерью благославленія». Выходитъ отецъ съ матерью, становится среди хаты, держа въ рукахъ хлѣбъ и на хлѣбъ икону. Женихъ кланяется прежде отцу: «благослови, батюшка!» Потомъ и матери также кланяется. Встаютъ женихъ и цѣлуетъ отца съ матерью, говоря: «простите меня!» Они говорятъ: «Вохъ гнѣя проситъ, дитя родное»!

Сажаютъ за столъ жениха, и всѣ присадѣтся тутъ же. Женихъ садится за столъ въ шапкѣ; сваха снимаетъ съ жениха шапку и беретъ себѣ подъ мышку. Въ особой чашечкѣ приготовленъ хмель и расческа. Сваха беретъ расческу изъ чашечки и чешетъ кудри жениха, обрызгиваетъ его «три разъ» виномъ и осыпаетъ его хмелемъ три раза кругомъ. Дружка выкупаетъ шапку, платитъ денегъ, кто на что согласится. Потомъ дружка беретъ жениха, выводитъ вонъ съ-за стола. Молятся Богу, уходятъ и садятся на лошадей. Лошади украшаются деревенскими косниками или стѣлками (маленькими акробиками ситца). Ъдутъ въ деревню къ невѣстѣ.

Пріѣхавъ въ деревню, дружка останавливаетъ свою повозку противъ дома невѣсты, а прочіе разѣзжаются по деревнѣ—катаются. Собираются зрители съ деревни и окружаютъ повозку жениха; женихъ сидитъ на повозкѣ. Ему говорятъ: «ни храмой ли ты? пройди!» А при женихѣ бываютъ и товарищи; всѣ они раза три пройдутся. Потомъ опять садятся на повозку, а дружка одинъ отправляется въ домъ невѣсты; находитъ тамъ невѣсту, расплетаетъ ей косу, выходитъ вонъ къ жениху. Въѣзжаютъ во дворъ съ повозками, сколько помѣстится; беретъ дружка жениха съ повозки. Стоитъ «публика дѣвушекъ и женщинъ» у входа въ сѣни. Дружка говоритъ: «Патрунь-ношки — матушки, сами идите или насъ пустите!» Крестить крестообразно патуношекъ и говоритъ: «благословите молодого князя въ тесовыя хоромы ввести». Введя жениха въ хоромы, дружка говоритъ: «благословите молодому князю свою суженую найти».

А невѣсту между тѣмъ «застанутъ», т. е. загородятъ молодыя дѣвки и бабы. Со стороны жениха ребята джигѣ, хорошіе, расковыляютъ, разстороняютъ дѣвичій таборъ, чтобъ имъ дойти до невѣсты, и платятъ нѣкоторымъ деньги, чтобъ отсторонились. Доводятъ жениха до невѣсты. Дружка беретъ лѣвою рукою за правую руку невѣсты и съ своей правой руки ея руку въ правую руку жениха. Женихъ поведетъ за руку невѣсту. Садятся за столъ. Невѣста тутъ заплачетъ: «Батюшка мой родимый, ни кинь меня—можетъ быть, я буду несчастная! Ни брось меня! Благодаримъ, батюшка, што ты ускармилъ меня и усюилъ»!

Собираются двѣ свахи, одна со стороны жениха, другая со стороны невѣсты. Главныя одѣянія сейчасъ съ невѣсты долой, и сваха невѣстину обонимъ молодымъ чешетъ головы. Окончивъ чесанье, опять покрываютъ невѣстѣ голову, какъ и было у нея одѣто. Подъ ими (молодыми) положенъ хлѣбъ на столъ на двоихъ одивъ и ложка тоже одна; подаютъ кушанья много, а никто не ѣстъ—дѣло дѣлается наскоро. Послѣ окончанія бесѣды всѣ выходятъ вонъ съ-за стола, молятся Богу, прощаются.

Выходягъ на дворъ, выносятъ квашню, ставятъ ее сверху дномъ, накрываютъ ее шубой сверху шерстью и кладутъ на нее сковороду сверху дномъ. Женихъ становится на сковороду и вълѣзаетъ на повозку. Потомъ подженишникъ беретъ поперекъ невѣсту и кидаетъ на повозку. Невѣста на повозкѣ усаживается; женихъ сдѣлаетъ примѣръ, что садится къ ней, невѣстѣ, на колѣни и усаживается съ ней рядомъ. Даютъ жениху икону, попрощаются и уѣзжаютъ къ вѣнцу.

«Съ-подъ вѣнца». Встрѣчаетъ молодыхъ сваха и свать. Подъ воротами зажигаютъ солому и стараются, чтобъ повозка съ молодыми переѣхала чрезъ огонь. Молодые въѣзжаютъ на дворъ, ихъ ссаживаютъ съ повозокъ; дружка ведетъ молодыхъ въ холодную клѣтъ или амбаръ. За рюмкою вина въ эту клѣтъ приходятъ всѣ гости; дружка подноситъ имъ по рюмкѣ; тогда всѣ выходятъ изъ клѣтки, дружка, сваха невѣстину и молодые затворяются въ клѣтѣ.

За дверями «публика» изъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ играетъ срамныя пѣсни.

Но вот дружка знакъ подаетъ, чтобъ «публика» пѣсни окончила и удалилась; съ этою цѣлью дружка воткнетъ гривенникъ въ пирогъ и отдастъ — тогда бабы уйдутъ.

Дружко въ сопровожденіи свахи ведетъ молодыхъ въ хату. Дружко заставляетъ молодыхъ кланяться въ ноги отцу и матери. Дружко снимаетъ съ молодой платокъ, беретъ молодую за руку и говоритъ: «Ну, посмотри, какую я привелъ молодую: хорошую, добрую или кривую»? Молятся Богу. Дружко говоритъ: «Надо намъ молодыхъ обогрѣть».

Сажаютъ молодыхъ за столъ, угостить ихъ виномъ, закускою. Пойдетъ княжой столъ. Подаютъ цѣльный непечатый горшокъ каши. Кашей распорядается невѣстина сваха.

Невѣстина сваха должна знать, честная или нечестная невѣста: въ первомъ случаѣ «вершники» надо отдать скоту, а во второмъ спрятать ихъ подъ навозъ. Невѣста со своей стороны, три раза во время обѣда откладываетъ кашу въ тряпочку и, такъ какъ она знаетъ про себя, то знаетъ и про то, что нужно сдѣлать съ кашею. И сколько потомъ бываетъ нареканій на молодую, если она окажется нечестною! Всякое несчастье во дворѣ «присѣкаютъ» къ тому. Пропала свинья, лошадь. Отчего? Молодая была нечестная, а съ кашей поступили нерсмотрительно, неосторожно—не выбросили подъ навозъ. Сейчасъ молодую бранить, сейчасъ свекоръ, свекрова и женихова родня молодую бранить и на ней срывать свою злость. Дружко «станетъ» подымать подъ кашу деревенскую публику: «Господа, кому наши молодые должны? подходятъ и всѣмъ расплатимся кашей! Тутъ, кто смѣлѣй, ребята, мужики подходятъ и жалуются: «Мнѣ женихъ долженъ пять мѣръ овса и четверть вина—извольте расплатитца». Дружко подноситъ рюмку водки и черпаетъ ложку каши овсяной и кладетъ дружку прямо въ «пригорщи». Одинъ уходитъ, а другой подходитъ и говоритъ: «Вотъ мнѣ долженъ женихъ вокарактъ капусты и качанъ ветчины; онъ и водку у мене занималъ. Нада расплатитца». Этому дружко подноситъ рюмку вина, «зачерпываетъ» ложку каши и кладетъ въ пригорщи; этотъ уходитъ. Со всѣми дружко рассчитывается водкою и кашей.

Начинаютъ составлять лошадь. Двѣ пары дюжихъ парней берутъ себѣ на плечи колья, покрываютъ ихъ веретемъ; на колья посаждать верхомъ еще одного и въѣзжаютъ въ хату будто на лошади:—«Здрастуйтея, господа! конница пріѣхала, а намъ здѣсь назначина хватѣра: то извольте аичать ее».—Это дѣлается «зли выпивки». Дружно обращается къ конницѣ съ покорнѣйшею просьбою: «Господинъ капитанъ или поручикъ, что у насъ хватѣра занята свадьбой, такъ нельзя-ль праминувать—прѣхать намъ на другую хватѣру»? Мирятся на вино. Прежде угощаютъ виномъ верхового. Вотъ вдругъ упадетъ лошадь. «Охъ, Господи, крикнетъ дружко: чемеръ забила лошадь!» Верховой просить, чтобъ его лошадь полѣчили: «Я ѣхалъ изъ Быхыва до Быхыва, а конишка мая вдыхала, повалилась, дай скипитару полѣчить ее». Сначала подносятъ водки заднихъ, отчего зашевелится хвостъ у лошади, потомъ переднихъ; лошадь поднимается. На брусъ кладется «карвега хлѣба». Верховой садится на лошадь и достаетъ «карвегу»; потомъ дѣлать ее со своими спутниками.

Молодые сѣять за столомъ. Дружко выкликаетъ: «Нѣтъ ли еще жалобщиковъ»? Идетъ ужинъ. Горшокъ каши стоитъ на столѣ. Когда доходитъ очередь до каши, говорятъ хозяйки: «черпай кашу съ четырехъ береговъ и клади въ платокъ». Платокъ съ кашей, ложки связываются поясомъ; все это кладется въ рѣшетъ и становится на брусъ.

Дружко ведетъ молодыхъ класть на постель; дружко стелетъ поясъ и начинаетъ молодую съ женихомъ связывать.

Наавтра вѣнца. Встаютъ всѣ гости, свои и пріѣзжіе. Дружко и хозяйки будятъ молодыхъ: «Молодые, молодые, не время ли вамъ вставать»? Молодой отвѣчаетъ: «За нами дѣло не состоитъ—дай Бохъ часть!» Дружко начинаетъ собирать родственниковъ, которые присутствовали на свадьбѣ; молодой чистой онъ приноситъ четверть, а нечистой восьмьюху водки. Всѣ гуляющіе отъ молодой на свадьбѣ хвалятся: «Вотъ ты проспалъ, а ваша заработала за ночь четверть вина».

Начинаютъ выпивать. Прежде пьетъ дружко самъ, потомъ свать со сватомъ; сваты говорятъ другъ другу любезности:—Здоровъ!—Здоровъ!—Вотъ, свать, сходились мы по совѣсти—и вышло у насъ доброе дѣло.—Когда свать со сватомъ выпьютъ,

дружко начинает по порядку и по распоряженію хозяина подзывать гостей пить водку. Молодых подзываетъ отецъ невесты:—Милый зять, если вы другъ друга любите, то выпейте отъ меня рюмочку пополамъ.—Молодой начинаетъ выпивать, если пьетъ, а если нѣтъ, передаетъ рюмку съ водкой невестѣ. Черная стужа, отецъ невесты даетъ молодымъ наставленіе: «Подивитесь, а не подеритесь!»! Вечеромъ устраиваются блины. Сажаютъ за столъ невестинныхъ родныхъ.

При появленіи молодыхъ дружко наливаетъ стаканъ вина и въ этотъ стаканъ вина накладываетъ моху, оскретковъ лучины. «О, кѣла, о, горька горѣла!»—кричитъ дружко. Молодые начинаютъ цѣловаться, и цѣлуются отъ трехъ до десяти разъ.

Собираются гости домой ѣхать. Дружко подзываетъ молодыхъ. Невѣста стоитъ со стаканомъ, а молодой съ графиномъ «водки». И выкликаетъ дружко Хавру, Матрену или еще какихъ-нибудь родныхъ; тѣ пьютъ горѣлку, цѣлуютъ молодого и молодую, берутъ отъ нихъ подарки и дарятъ ихъ четвертакомъ или полтинникомъ. А дружко, чтобы усилить поцѣлуй, распространяется насчетъ горькости и колкости горѣлки. Своимъ роднымъ невеста не даетъ никакихъ подарковъ. Устраивается ужинъ, свать раскрываютъ мяса и, при проводѣ сватовъ, даютъ имъ кусочковъ мяса у воротъ.

В. Н. Добровольскій.

Пять сойотскихъ сказокъ.

Сирота-парень.

Юскус-оль (сирота-парень) шляся. Пришелъ, шляся, на стойбище богатаго человека. На одно пришелъ, телячью привязъ (шеле) нашель; на другое пришелъ, недоуздокъ жеребенка нашель, на третьемъ стойбищѣ—ягнячью привязъ (кѣнѣ салба) нашель. Эге, думаетъ онъ, это не просто, это я трехъ богачей приплодъ скота, сѣмя нашель. Пришелъ, шляся дальше, на соединеніе трехъ рѣкъ, легъ спать. Проспавши мѣсяцъ, проснулся. Проснувшись, увидѣлъ—стоитъ половина юрты. Два мѣсяца проспалъ; проснувшись, видитъ: лежитъ въ его объятіяхъ, какъ луна - солнце, красивая дѣвушка. Три мѣсяца спалъ; проснувшись, видитъ: въ юртѣ имущество лежитъ, на улицѣ (таштыннѣ) шумъ скота (мал член), въ объятіяхъ у него прелестная, какъ луна и солнце, дѣвушка, три старухи котлы ставятъ, три парня-пастуха сидятъ.

Вышелъ на улицу Юскус-оль помочиться, коновязъ увидѣлъ; у коновязи осѣдланый серебрянымъ сѣдломъ пѣтной, пестрый конь поставленъ. Въ юрту вошелъ, чай приготовленъ, стоитъ разлитый въ хо и въ домбу *). Хотѣлъ надѣть прежніе желтые кошенины сапоги, желтую шубу, смотритъ: лежитъ красная шелковая шуба, тогырзак—шапка тутъ, вышитые сапоги лежатъ. Надѣвши обувь и платье, напившись чаю, вышелъ изъ юрты, на коня сѣлъ, поѣхалъ.

Ѣдетъ, стоитъ множество верблюдовъ—стени не хватаетъ. Подѣхавши къ пастуху, спрашиваетъ: чьи верблюды?—Юскусъ-оль—богача, отвѣчалъ пастухъ.

Дальше ѣдетъ, къ конскому пастуху подѣхалъ, спросилъ: чьи табуны?—Юскусъ-оль—богача, отвѣчалъ пастухъ.

Къ коровьему пастуху подѣхалъ—Эй, пастухъ, чьихъ коровъ пасешь?—Юскусъ-оль—богача коровъ пасу, отвѣчаетъ пастухъ.

Къ овечьему пастуху подѣхалъ—стени для овецъ не хватаетъ. Старикъ овецъ пасетъ. — Чьихъ овецъ, старикъ, пасешь? — Юскусъ-оль, богача, овецъ пасу. — Какъ это разбогатѣлъ Юскусъ-оль, а, старикъ? — Какъ разбогатѣлъ Юскусъ-оль тебѣ сказать... трехъ богачей сѣмя скота нашель, вотъ какъ. — Какъ же нашель трехъ богачей сѣмя Юскусъ-оль? — А пришелъ онъ при соединеніи трехъ рѣкъ на три пустыхъ стойбища, три скотскихъ привязи нашель, три мѣсяца, девяносто ночей проспалъ, тѣмъ и приобрѣлъ скотское сѣмя Юскусъ-оль жену гдѣ высваталъ и какого человека дочь, старикъ? Сказать тебѣ какого человека дочь его жена, просишь! Уванъ-хана дочь; скоть той дѣвушки приданое будетъ.

Узнавъ все, Юскусъ-оль поѣхалъ домой. Приѣхавъ, любовно разговариваетъ, рассказываетъ. Сталъ поживать. Каждое утро Юскусъ-оль скоть и табуны повѣрилъ. Въ одно утро уѣхалъ Юскусъ-оль скоть повѣрять. Когда онъ отсутствовалъ, въ удусъ приѣхалъ Карадтых-хан'а сынъ. Приѣхавши, вошелъ въ юрту Юскусъ-ола. Увидѣвши жену его, задрожалъ весь, сѣсть не можетъ, то впередъ его толкнетъ, то къ дверямъ. Кое-какъ присѣсть, дрожить. Юскусъ-ола жена встала, спрашиваетъ: ты что трясешься, или людей

*) Сосуды для храненія жидкостей.

не видѣлъ? Серебряно-золотымъ наперсткомъ кругъ надъ головой провела, усадила. Тогда, успокоивши сердце, сталъ онъ курить табакъ съ женой Юскус-ола. Послѣ трубки она его печеніемъ, сластями угостила. Угостившись, тотъ поѣхалъ домой.

Подъѣзжаетъ къ дому сынъ Карадтых-хан'а, плачетъ, реветъ, стонетъ, рыдаетъ. — Если хочешь, отецъ, чтобы твой сынъ живой былъ, немедленно отними у Юскус-ола жену, а то я сейчасъ зарѣжусь. — Не идетъ въ юрту. Выскочили изъ юрты Карадтых-ханъ съ женой, зовутъ сына, а тотъ бьется, реветъ; насилу уговорили войти въ юрту. Обѣщалъ ханъ хитростью или силой отобрать жену Юскус-ола и сейчасъ же послалъ 150 солдатъ за Юскус-оломъ: «добромъ не поидетъ—приказаль—приведите силой».

Пріѣхалъ Юскус-оль. Карадтых-ханъ и говоритъ ему: «жена твоя моему сыну приглянулась, ты долженъ ему отдать ея, а чтобы тебѣ не обидно было, загадаю я тебѣ три загадки. Первая—спрячься такъ, чтобы я тебя не нашелъ. Если найду, возьму твою жену; не найду, пусть твоей будетъ».

Взлетъ Юскус-оль домой, плачетъ. — Ты что плачешь? спрашиваетъ жена. — Какъ не плакать, Карадтых-ханъ хочетъ меня убить, а тебя за сына взять. Ведѣлъ мнѣ спрятаться: найдетъ меня, ты его будешь, а меня убьетъ. — Гдѣ же хочешь спрятаться?—спросила жена. — Гдѣ нибудь въ горахъ, въ утесахъ. — Нѣтъ, тамъ онъ тебя найдетъ, не плачь, я спрячу, ложись, спи.

Утромъ проснулся Юскус-оль, видитъ—пыль на степи стоитъ, Карадтых-ханъ ищетъ его по полямъ. Закадался во всѣ стороны. Жена успокоила его, а когда сталъ ханъ подъѣзжать уже къ юртѣ, она обратила мужа въ иголку и сѣла шить. Обискавши горы, лѣса и степи, вошелъ въ юрту Карадтых-ханъ, все перерылъ; не найдя Юскус-ола, сѣлъ чай пить. Когда онъ выходилъ изъ юрты, жена Юскус-ола бросила иголку, въ мигъ Юскус-оль сдѣлался человѣкомъ, схватилъ Карадтых-хана за полу: «моя—говорить—взяла, не нашелъ!» — Хитрый ты, Юскус-оль! завтра меня ищи; не найдешь—возьму жену, найдешь—твое счастье. — Уѣхалъ.

Задумался Юскус-оль, гдѣ будетъ искать? Жена спрашиваетъ: гдѣ искать будешь? — «Да гдѣ? въ горахъ, въ утесахъ, въ лѣсу, въ степи». — Ну, нѣтъ, если такъ будешь искать, въ жизнь не найдешь! Когда взойдешь въ юрту Карадтых-хана, увидишь тамъ много луковъ и стрѣлъ; перебирая ихъ, увидишь стрѣлу съ четырехъ сторонъ оперенную (остальныя будутъ оперены съ трехъ сторонъ), схвати ея и сдѣлай видъ, что хочешь переломить: это и будетъ Карадтых-ханъ.

На утро такъ и сдѣлалъ Юскус-оль. Когда онъ схватилъ стрѣлу и сдѣлалъ видъ, что хочетъ переломить ея черезъ коѣно, взмолился Карадтых-ханъ: «стой, Юскус-оль, не доходи до жизни человѣка, твоя взяла!... Ну, теперь ты спрячься завтра, я искать буду: не найду—твоя, найду—не прогнѣвайся».

Запечалился Юскус-оль, со слезами домой пріѣхалъ. — О чемъ горюешь?—спросила жена. — «Да вотъ Карадтых-ханъ опять приказаль прятаться; если найдетъ, я погибъ». — Не плачь, успокойся, про то я знаю, ложись, спи.

Утромъ видитъ Юскус-оль: пыль стоитъ въ степи, то Карадтых-ханъ его ищетъ. Заметался во всѣ стороны Юскус-оль. Перерывши всѣ кучи помета по степи, обшаривши горы, сталъ подъѣзжать Карадтых-ханъ къ юртѣ. Тогда жена обратила Юскус-ола въ наперстокъ, шить сѣла. Карадтых-ханъ вошелъ съ народомъ въ юрту, все перерылъ, что можно было, не нашелъ Юскус-ола, угомился поисками, сѣлъ, и жена Юскус-ола напоила хана чаемъ. Но только что Карадтых-ханъ сталъ выходить изъ юрты, жена бросила ему вслѣдъ наперстокъ. Принявшій свой прежній образъ, Юскус-оль схватилъ Карадтых-хана за полу, закричалъ: «что, ханъ, моя взяла, не нашелъ!» — Вѣрно, не нашелъ! Найди же ты меня завтра: не найдешь, погибнешь.

Задумался опять Юскус-оль, гдѣ искать хана. Жена успокоила: ложись, спи,—не твое дѣло,—завтра найдешь, сказала.

Утромъ, отправляя Юскус-ола, жена говоритъ: какъ войдешь въ юрту Карадтых-хана, увидишь подъ порогомъ иголку (ширбэшъ), возьми ея и выбери прутыкъ, который будетъ длиннѣе другихъ на палецъ. Выдеряи его, это и будетъ Карадтых-ханъ, и сдѣлай видъ, что хочешь сломить.

Все такъ и вышло. Войдя въ юрту Карадтых-хана, Юскус-оль увидѣлъ подъ по-

рогою жетелку: «а, вот и прутья, говорить, надо трубку почистить!» Съ этими словами онъ выдернулъ прутникъ, который былъ подлиннѣе, и хотѣлъ обломить. Тогда Карадтых-ханъ закричалъ: «стой, Юскус-оль, ншъ вѣдь до человѣческой жизни добирается! твоя взяла, вотъ уже въ четвертый разъ выигралъ. Теперь давай пустить бѣгунцевъ: я—своего черного коня, а ты—цвѣтного чубараго. Чей конь опередитъ, тотъ выигралъ».

Со слезами пріѣхалъ домой Юскус-оль.

— Что плачешь, другъ?—спрашиваетъ жена. — «Какъ не плакать, Карадтых-ханъ требуетъ, чтобы я пустилъ въ бѣгъ св. его цвѣтного, чубараго коня съ его чернымъ. Гдѣ же моему коню опередить?» — Не плачь, успокойся, спи, утромъ увидишь.

На утро жена разбудила Юскус-ола со словами: поѣзжай къ хану, скажи, что побѣдишь съ нимъ, но чтобы коней сначала выдержать: не поить и не кормить три мѣсяца, а тогда пускать.

Карадтых-ханъ согласился на такое условіе. Выдержали коней три мѣсяца: Юскус-ола конь—жирнѣе сталъ, а Карадтых-хана конь—чуть живой. Пустили въ бѣгъ: Карадтых-хана конь отсталъ отъ Юскус-олова коня на три мѣсяца.

— Ну, Юскус-оль, давай еще разъ испробуешь, ты пусти своего буро-пѣлаго порога, а я своего сѣро-пѣлаго; чей порогъ побѣдитъ, того взяла!

Разказавъ Юскус-оль дона женѣ о новомъ горѣ, она успокоила его: спи, а завтра пускай порога,—твой поборетъ.

Утромъ пустили. День бодаются, два бодаются, мѣсяцъ и два бодаются, въ концѣ третьяго мѣсяца Юскус-оловъ порогъ сталъ одолѣвать. Карадтых-хановъ порогъ, упираясь задними ногами, всю землю изрылъ (съ тѣхъ норъ и образовались кочки); наконецъ, наловчившись Юскус-оловъ порогъ пропорогъ бокомъ порогу Карадтых-хана. — Опять твоя взяла! Теперь самъ поборись съ моимъ сыномъ. А сынъ у Карадтых-хана былъ ботатырь.

Заплаканный пріѣхалъ домой Юскус-оль.

— Что ты все плачешь?—спрашиваетъ жена. — «Какъ не плакать, погибъ я теперь, Карадтых-ханъ требуетъ, чтобы я боролся съ его сыномъ: гдѣ же мнѣ справиться!» — Не плачь, спи, завтра увидишь.

Утромъ она послала Юскус-ола сказать Карадтых-хану, что онъ согласенъ бороться, но чтобы три мѣсяца передъ борьбой ни пить, ни ѣсть ни тому, ни другому.

По истеченіи трехъ мѣсяцевъ сошлись. Борются день, борются два, борются мѣсяцъ и два, въ концѣ третьяго мѣсяца Юскус-оль сталъ одолѣвать... наконецъ, повалилъ да такъ повалилъ, что Карадтых-хановъ сынъ въ землю ушелъ, а Юскус-оль все его давить. Закричалъ тогда Карадтых-хана сынъ Боралдай-мергенъ: «отецъ, Юскус-оль убьетъ меня, освободи!» Подбѣжалъ Карадтых-ханъ схватилъ за плечо Юскус-ола, просить: отпусти сына.

Юскус-оль отпустилъ, а самъ поѣхалъ съ мѣсяцами домой. Домой пріѣхалъ, жена спрашиваетъ: «что ты такъ веселъ? или араки-кумысу вапился?» — «Нѣтъ, поборогъ Боралдай-мергена, теперь не будутъ тебя отбирать. — «Постой, рано еще веселиться» — сказала жена.

Прошло немного времени, Карадтых-ханъ посылаетъ за Юскус-оломъ 150 человекъ солдатъ, чтобы ѣхалъ непременно къ нему. Пріѣзжаетъ Юскус-оль. — «Ну, хоты ты и меня перехитрилъ, и моего сына побѣдилъ, теперь долженъ ты черезъ три мѣсяца привести молока бѣлаго слона. Не привезешь, прикажу тебя убить, а жену отдамъ сыну».

Поѣхалъ опять со слезами домой Юскус-оль. Жена встрѣтила: «не плачь, говорить, знаю о твоёмъ горѣ, успокойся, еще бѣда не велика; лучше ложись—спи, а я подумаю, какъ быть». Утромъ она разбудила Юскус-ола, напоила чаемъ. — «Поѣзжай теперь на западъ, тамъ на краю земли увидишь бѣлаго слона, а около него будетъ слоненокъ; пошлю съ тобой одну изъ старухъ, ты самъ близко къ слону не подѣзжай, а то онъ тебя съѣстъ; старуха сдѣлаетъ за тебя все».

Сѣлъ Юскус-оль на своего цвѣтного чубараго коня, посадилъ старуху за сѣдломъ; старуха взяла золотой домбу для молока. Поѣхали. Гдѣ надо мѣсяцъ ѣхать, ѣдутъ

день; гдѣ надо годъ ѣхать, ѣдутъ мѣсяцъ. Наконецъ, на краю земли увидѣли бѣлаго слона, спина у котораго ушла въ небо. Около пасется слоненокъ величиной съ большую гору.

— Теперь ты тутъ оставайся, Юскус-олъ, я ужъ одна пойду къ слону—говорить старуха. Отправилась, сама думаетъ, какъ бы подобраться къ слону: если по землѣ идти, слонъ по духу узнаетъ, лучше всего спуститься сверху. Сдѣлавшись облакомъ, спустилась дождемъ на траву. Слоненокъ, пасясь, сорвалъ и ту былинку, на которую старуха упала дождемъ, а когда хотѣлъ ее проглотить, старуха стала у него поперекъ горла. Поперхнулся слоненокъ, сталъ кричать: «мама, мама, дай мнѣ молока, хочу пососать, что-то въ горлѣ неховко». Когда подбѣжалъ къ матери, она стала кругомъ бѣгать: «что то отъ тебя, сынокъ, человѣческимъ духомъ пахнетъ, откуда бы могъ такой взяться»? Сама бѣгаетъ. Слоненокъ закричалъ: «мама, лучше бы ты меня не родила, если кормить не хочешь.»—И то—правда, сказала слониха, что же я бѣгаю отъ своего сына. Да и откуда бы человѣку взяться—Дала титки сыну, а старуха подставила донбу да и набрала полонъ молока. Слоненокъ, насосавшись, отошелъ; старуха влѣзла къ нему въ носъ и стала щекотать, слоненокъ чихнулъ—старуха выскочила. Увидѣлъ её слонъ, бросился къ ней. Она сдѣлалась ворономъ, полетѣла; слонъ—ястребомъ; сталъ догонять. Старуха бросилась тогда въ воду, сдѣлалась хариусомъ, слонъ оборотился тайменемъ: совсѣмъ было догналъ, за хвостъ схватилъ—оборвалъ (оттого и теперь у хариуса можно видѣть оборванный хвостъ). Старуха на утесъ бросилась и сдѣлалась пескомъ. Слонъ—за ней, и давай утесъ грызть. Грызъ, грызъ, чуть всю гору не изгрызъ.—Ну, теперь я её съѣлъ—думаетъ. Пошелъ назадъ, а старуха съ молокомъ—скорѣй къ Юскус-олу.

Подбѣхалъ Юскус-олъ къ юртѣ Карадтых-хана, крикнулъ: «ой, ты, ханъ, выходи, привезъ молока!» Испугался Карадтых-ханъ, сталъ просить помилованія. Схватилъ его Юскус-олъ, ударилъ о землю, такъ что онъ сквозь землю провалился, перебилъ всѣхъ, а скоть себѣ забралъ. Карадтых-ханъ и теперь подъ землей живетъ, а Юскус-олъ сталъ ханомъ.

(Сообщено со словъ сойотъ, живущихъ по р. и рч. Кемчику и Ак-суку, минусинскимъ мѣщаниномъ И. Н. Вязовымъ).

Три кляузника.

(Сойотская легенда).

Въ давнія времена жилъ очень богатый человѣкъ, и чего-чего только у него не было: кто хочетъ—приходи, чего хочешь—проси,—отказа не было. На три дня ѣзды кругомъ его стойбища народъ питался его щедротами. Собрались однажды къ богачу гости ближніе и дальніе на совершеніе жертвоприношенія духу—покровителю страны (оран эзы), въ которой жилъ богачъ. По случаю торжества было накурено много вина—араги, почти всѣ перепились, позасыпали. Въ числѣ гостей богача были три человѣка, славившіеся умѣніемъ кляузничать. Они съ завистью смотрѣли на такое множество собравшагося народа къ богачу на пиршество. И вѣдь накормить такое скопище достало же у богача жирнаго мяса! Напоятъ до потери сознанія достало же вина! Начали они сговариваться, какъ бы имъ узидать богача въ глазахъ народа. Не подозрѣвая ничего, немного подвыпившій богачъ, любясь объѣвшимися и перепившимися гостями, воскликнулъ: «проси у меня кто чего и сколько хочетъ, отказа не будетъ: все у меня есть и всего хватить!»

Этимъ воспользовались три кляузника, они знали хорошо, что богачъ слова обратно на возьметъ. Когда богачъ уснулъ, они вышли изъ юрты и стали между собой совѣтоваться: чего бы имъ попросить такого, чтобы богачъ не могъ выполнить ихъ просьбы. Цѣлую ночь думали, не спали, наконецъ, къ утру одинъ кляузникъ говоритъ: «я придумалъ чего просить:—муки столько, чтобы достало замѣсить въ озерѣ тѣсто». Другой отозвался: «а я буду просить серебра кучу величиною въ ту сопку въ степи

Третій прибавилъ: «я буду просить столько атласа (торгу), чтобы имъ можно было покрыть всю вонь ту степь».

Всталъ богатъ, одинъ за другимъ стали подходить къ нему просители, и никому отказа не было, кто чего просилъ, то и получалъ. Еще пуще беретъ зависть кляузниковъ: постой—думаютъ—какъ то ты исполнишь нашу просьбу.

— Ну, что тебѣ нужно?—обратился богатъ, наконецъ, къ одному изъ нихъ.

— Такъ какъ ты, богатъ (бой), вчера обѣщалъ дать всего, что кто ни попроситъ, такъ одолжи мнѣ пожалуйста муки, чтобы хватило въ озерѣ замѣсить тѣсто.

— Хорошо, получишь.

Второй говоритъ: Мнѣ дай серебра кучу величиной въ ту вонь сопку.

Третій: А мнѣ атласа покрыть вонь ту степь.

— Хорошо, сказали богатъ, получите.—Всталъ, потребовалъ ключи отъ амбара (байжин), сходилъ—принесъ серебряную ложку, вѣски и щепку (чонгу). Подаетъ богатъ ложку тому, кто просилъ муки: «сходи, братецъ,—говорить—къ озеру, перемѣрай этой ложкой воду, приди и скажи мнѣ, сколько выйдетъ дожекъ, а то я не знаю, какъ велико озеро, могу дать тебѣ меньше, чѣмъ надо, и тогда ты скажешь, что я—скупой и тебя обидѣлъ». Другому подаетъ вѣски: «сходи, другъ,—говорить—свѣшай вѣсками сопку, узнай, что она вѣситъ, тогда приходи, скажи мнѣ, и я тебѣ дамъ серебра, а то, пожалуй, дамъ тебѣ меньше, и будешь говорить, что я—скупой, тебѣ серебра не додалъ». Третьему подаетъ щепку: «сходи—говорить—смѣрай степь вдоль и поперекъ, скажи, сколько выйдетъ, тогда получишь нужное количество атласу». Переглянулись между собой кляузники и вышли пристыженные.

По уходѣ ихъ богатъ сказалъ, обратясь къ толпѣ: никогда не желайте невыполнимаго и въ большемъ количествѣ, чѣмъ вамъ нужно; иначе ничего не получите, вотъ какъ эти три человѣка.

(Сообщилъ И. Н. Бяковъ).

Ирлэдей, владѣлецъ громаднаго пестраго, какъ тигръ, быка.

(Сойотская сказка).

Убилъ старикъ Ирлэдей своего быка; въ теченіе семи лѣтъ не могъ съѣсть одной его почки. «Когда-же съѣмъ все мясо?—думаетъ—если въ продолженіе семи лѣтъ не могъ осилить одной почки; моей жизни не хватитъ; надо идти звать всѣхъ по улусамъ, да кстати и кой-чего на нужду выпросить». Пошелъ. На пути встрѣчается ему хсу-хун (воронъ). Я не могъ въ семь лѣтъ съѣсть почки своего тигроваго быка, что можешь, съѣшь. — Дай, выклюю одинъ глазъ быка. — Пошолъ прочь, дрянъ!—сказалъ старикъ и пошелъ далѣе. Попадается ему сорока, спрашиваетъ:—не могу ли склевать лопатку быка?—Пошла прочь, дрянъ!—Попадается далѣе волкъ: позволь кожу съ ноги на тулун (мѣшокъ безъ шва) снять, на мясо съѣсть.—«Пошелъ прочь, дрянъ!—(Потому всѣхъ гвалъ старикъ, что мало просилъ, все у него остается мяса слишкомъ много). Пошелъ далѣе. Видитъ, стоитъ дрянная юрта, взошелъ въ юрту, лежитъ въ ней баба, одно ухо подъ себя подослала, другимъ накрылась. Это была чилбага—вѣдьма.

— Куда пошелъ Ирлэдей?—спросила старуха.

— Да вотъ закололъ я своего тигроваго быка, не могъ въ семь лѣтъ одной почки съѣсть, пошелъ звать, чтобы кто съѣлъ мясо. Ты сколько можешь съѣсть?

— А могу тебѣ оставить кончикъ хвоста да пару роговъ.

— Молодчина—старуха! Идемъ быка ѣсть ко мнѣ.

Отправились. Пришли къ старику: воронъ глазъ выклевалъ; сорока лопатку исклевала; волкъ ободралъ ногу, ободралъ и съѣлъ.

— Ну, что, набѣлись?—спросилъ старикъ. Звѣри отвѣтили:—будетъ, сыты.—Вѣдьма между тѣмъ за одинъ разъ быка проглотила, большія кости изъ рта выплевываетъ, тонкія кости изъ носа выкидываетъ.

— Обманщик—Ирлэдей, позвалъ меня, обѣщалъ накормить мясомъ, а тутъ и одного хорошаго жевка нѣтъ. Я тебя самого съѣмъ, развѣ я шла за тѣмъ, чтобы уйти голодной.

Схватила вѣдьма старика, пошла домой. Въ юрту пришла, взяла, посадила его въ барбу ¹⁾ и подвѣсила къ дымовому отверстию.—Очень вкусно копченое мясо!—говорить. Вышла сама изъ юрты и говорить ребятишкамъ:—я пойду по дрова, а вы, какъ Ирлэдей прокоптитса, убейте его, печенку на вертелъ (шипъ) насадите, почку на livestockномъ деревѣ зажарьте.

— Что сдѣлать съ тобой, Ирлэдей, чтобы ты померъ—спросили ребятишки?

— А стойте только ремень перерѣзать, на которомъ я вѣшу, тотчасъ померу тогда—отвѣтилъ Ирлэдей.

Обрѣзали ремень ребятишки, старикъ упалъ на землю. Вскочивши, схватилъ ребятишекъ, убилъ ихъ, печенку и почки насадилъ на вертелъ, какъ приказывала вѣдьма. Самихъ ребятишекъ положилъ на кровать, подъ одѣяло, лица вымазалъ до лоска жиромъ, а самъ выкопалъ у порога юрты большую яму, тамъ спрятался. Вѣдьма принесла дрова, сбросила около юрты; взойдя, увидѣла два вертела съ печенкой и почками, а ребятишекъ спящими подъ одѣяломъ.

— Эка какъ наѣлись, что и на лицахъ жиръ Ирлэдея выступилъ, надо и мнѣ попробовать мяса Ирлэдея.—Взяла ножъ, отрѣзала кусокъ печенки:—что это, какъ будто печень моего ребенка?—съ недоумѣніемъ подумала. Попробовала почки: «что это, какъ будто почка моего ребенка?»—Подскочила къ ребятишкамъ, подняла одѣяло, голвы ребятъ покатались къ ногамъ ея.

Заревѣла вѣдьма:—обманщикъ, мошенникъ Ирлэдей, гдѣ ты, а?!—Послышался голосъ въ разныхъ мѣстахъ: а, разбойникъ, ты въ яму забрался!» Схватила топоръ, онъ оказался тупымъ, надо поточить. Взяла брусъ, намочить нечѣмъ: нѣтъ воды въ юртѣ. Побѣжала къ водѣ, на льду замѣтила кровь.—Что это за кровь, неужто моихъ ребятишекъ, надо попробовать!—Лизнула и приморозила языкъ. Вскочилъ тогда изъ ямы Ирлэдей, подбѣжалъ къ вѣдьмѣ, спрашиваетъ: какъ тебѣ языкъ высвободить?—Ударъ—говорить они—топоромъ моихъ между языкомъ и льдомъ, тогда языкъ освободится.—Ирлэдей схватилъ топоръ и отсѣкъ ей голову; забралъ все, что было у вѣдьмы, отправился домой и зажилъ на славу.

(Записалъ И. Н. Бяковъ со словъ сойотъ р. Кемчика).

Злая баба.

Женился одинъ человекъ, взялъ за себя злую бабу. А у бабы была мать, еще злѣе дочери. У мужа тоже была мать, только не злая, смиренная. Жена съ своей матерью постоянно ругали мать мужа, всегда жаловались на неѣ: и худая то она, и лѣнивая, и обжора. Жалко мужику мать, а подѣлать съ бабами ничего не можетъ. Пришлось ему разъ отлучиться на долгое время, онъ и сказалъ жанѣ: «когда будешь варить мясо, то своей матери вари легкое, а моей—бахтарму (кожу съ брюшины)». Жена осталась довольна такимъ приказаніемъ и мать ея тоже, думаютъ: ну, теперь старуха сдохнетъ. Какъ только варить мясо, жена подаетъ своей матери легкое, а матери мужа—бахтарму, да смѣется: ай да сынокъ, чѣмъ мать кормить, а тутъ и собака-то ѣсть нечего.

Пріѣзжаетъ мужъ. Теща при послѣднемъ издыханіи, а мать его стала бѣлая, жирная. Теща умерла, а мать еще много лѣтъ жила, потому что онъ зналъ, что бахтарма весь жиръ, весь сокъ въ себя впитываетъ, дѣлается питательной, а легкое—если его одно ѣсть—ничего не стоитъ, съ него и сдохнуть можно. Такъ-то онъ пережилъ бабъ и мать свою спасъ.

(Рассказалъ сойотъ Шумгуртей Оинсумо).

¹⁾ Барба—сосудъ изъ кожи.

Воздушный корабль.

Жили-были два друга: столяръ (бузанчи) и маляръ (будучи); одинъ безъ другого заказовъ не принималъ, заработокъ дѣлили поровну, спали на одной постели, головами поконились на одномъ изголовьи (сырыкъ).

Однажды богачъ пригласилъ ихъ работать. Заказъ хорошій, выгодный; кормить хорошо, мяса вдоволь, а по окончаніи дневной работы каждый день кугер арага (кожаный мѣхъ съ арагой—молочной водкой); работой не торопятъ, да и еще приманка—у хозяина дочь молодая, красавица. Стали они, украдкой одинъ отъ другого, за ней ухаживать, и одинъ думаетъ, что она его любитъ, другой—что его. А того не знаютъ, что она ихъ обоихъ одинаково любитъ. Живутъ по прежнему согласно.

Только однажды столяръ замѣтилъ, какъ товарищъ маляръ любезничалъ съ красавицей въ кустахъ, разсердился страшно на вѣроломнаго друга и задумалъ его погубить. Сдѣлалъ ящикъ, придѣлалъ колеса съ крыльями и, когда все было готово, сказалъ другу маляру: посмотри, какой я искусный ящикъ сдѣлалъ, только нужно окрасить, ты сядь въ него и осмотри хорошенько, можетъ быть, чего не достаетъ. А чтобы осмотрѣть получше, возьмись за ручку, что въ крышкѣ, и верти сильнѣе. Ничего не подозрѣвавшій маляръ сѣлъ въ ящикъ и сталъ вертѣть ручку—ящикъ сталъ подниматься. Маляру понравилось, онъ давалъ сильнѣе вертѣть ручку, ящикъ все сильнѣе поднимается вверхъ. Наконецъ, маляръ взглянулъ внизъ, голова закружилась: люди не больше мураша, юрты—не больше кочки ему показались. Что дѣлать? Если не вертѣть ручку, ящикъ упадетъ на землю, и онъ разобьется въ смерть; если подниматься кверху, хватить ли силъ подняться до перваго неба: руки и такъ уже устать стали. Вертить онъ ручку уже обѣими руками попеременно: земли уже не видать и до неба далеко. Озираясь со страхомъ кругомъ себя, онъ замѣтилъ впереди себя ручку, сталъ ее вертѣть; ящикъ тогда не сталъ подниматься кверху, а полетѣлъ по направленію полета птицъ, когда онѣ летятъ на югъ осенью, а въ то время была какъ разъ осень и птицы летѣли домой. Времени маляръ не помнилъ, сколько онъ летѣлъ, потому что онъ такъ высоко поднялся, гдѣ уже ночи не бываетъ, все—день. Почувствовавъ сильный голодъ, сталъ осматриваться, замѣтилъ немного сыру, варенаго мяса и для утоленія жажды—мѣхъ съ водкой. Подкрѣпившись немного, сталъ размышлять, какъ бы ему соснуть немного, и вдругъ замѣтилъ въ днѣ ящика еще ручку. Не отпуская ту ручку, которую вертѣлъ раньше, онъ схватилъ другой рукой замѣченную ручку, сталъ вертѣть, и ящикъ, продолжая полетъ, сталъ постепенно опускаться на низъ. Обрадованный маляръ, замедляя вертѣть ручку впереди, сталъ сильнѣе вертѣть ту ручку, которая была въ днѣ ящика. Какъ вдругъ онъ замѣтилъ, что опускается въ море: брызги волнъ уже долетали до ящика. Въ испугѣ маляръ схватился за верхнюю ручку и мгновенно поднялся кверху. Куда ни взглянетъ, бѣдняга, вездѣ вода—море! Что дѣлать? Кверху подниматься, до неба не долетишь; летѣть за птицами—водѣ конца краю нѣтъ, да и силъ уже нѣтъ. Долженъ потонуть. Собравшись съ послѣдними силами маляръ сталъ вертѣть ручку, которая была впереди. Пролетѣвши такъ порядочно времени, она замѣтилъ впереди островъ, но въ сторонѣ, такъ что онъ долженъ былъ пролетѣть мимо. Въ отчаяніи бросилъ онъ ручку, которую вертѣлъ, и взмахнулъ руками. Потомъ дернулъ ручку вправо; ящикъ пошелъ направо; дернулъ налѣво, ящикъ пошелъ влѣво.—А, такъ значитъ это повода и можно летѣть всюду, куда захочу—подумалъ обрадованный маляръ и направился къ острову. Видитъ: на островѣ высокая каменная ограда, въ оградѣ, а въ ней каменный домъ. Подлетѣлъ къ оградѣ, спустился на землю и отъ изнеможенія тутъ же въ ящикѣ и уснулъ: спалъ три дня и три ночи. Проснувшись, сталъ сначала оглядываться: гдѣ онъ? что за ограда? Наконецъ, увидѣлъ ящикъ и вспомнилъ о коварномъ другѣ. Утоливши голодъ остатками пищи, пошелъ осматривать: нѣтъ ли гдѣ дверей попасть въ ограду. Три раза обошелъ, нигдѣ нѣтъ входа. Тогда сѣлъ въ ящикъ, перелетѣлъ черезъ ограду, спустился на траву, вошелъ въ домъ, увидѣлъ дѣвицу, такую красавицу, что еще краше той, которую оставилъ. Дѣвица вско- чила, замахала руками:—уйди, духъ! зачѣмъ сюда пришелъ, за моей душой что-ли?

— Нѣтъ, дѣвушка, я—человѣкъ, а не духъ, и не за душой пришелъ, а приказано мнѣ небожителями взять тебя въ жены, выдумалъ маляръ. Дали мнѣ для этого летательный снарядъ и велѣли летѣть за тобой.

— Не повѣрю, я здѣсь ужъ 10-ый годъ живу, ни одного человѣка не видѣла кромѣ одного стараго слуги, который два раза въ годъ является сюда, приносить припасы и вѣсти отъ моихъ, отца и матери.

— Вѣришь или не вѣришь—это все равно, а что я—твой мужъ, это тоже вѣрно, иди, посмотри хоть мою машину и остатки припасовъ».

— Дѣвушка знаетъ, что духи вещественнымъ не питаются, видѣть, правда: передъ ней не духъ, а человѣкъ. Одно её удивляетъ, какъ этотъ человѣкъ будетъ мужемъ, когда у родителей её не сватаѣтъ. Да такъ какъ маляръ былъ человѣкъ красивый, то и этотъ вопросъ былъ скорѣе устраненъ. Живетъ маляръ съ красавицей, какъ мужъ съ женой. Красавица маляру повѣдала, что её сватаетъ ханъ за сына, а сынъ у него дуракъ и безобразный: вотъ она и выпросила у отца выстроить для нея домъ, чтобы ни одинъ живой человѣкъ не могъ къ ней проникнуть. Разъ ночью они были разбужены шагами человѣка, держащаго въ рукѣ огонь, съ вытаращенными отъ удивленія глазами. Маляръ сообразилъ, что это долженъ быть тотъ еамый слуга, который два раза въ годъ доставляетъ красавицѣ припасы, и говоритъ:—ты что глаза таращишь, я—мужъ твоей молодой госпожи, посланный небожителями. —Слуга, не вѣря глазамъ, думая, что видѣть духа, а не человѣка, обратился къ красавицѣ.

— Да, правда — сказала она.

— «Теперь какъ же? отецъ твой требуетъ тебя домой, хочетъ выдать за ханова сына. Если черезъ три дня ты не будешь его женой, ханъ грозитъ истребить все, а твоего отца и мать сдѣлать рабами.

Заплакала красавица: жалко отца и мать, жалко и маляра, котораго она успѣла уже полюбить, да и хановъ сынъ къ тому же очень ужъ безобразенъ. Маляръ, не вставая съ постели, распорядился, чтобы слуга убирался домой, сказалъ бы тестю приготовить пять мѣшковъ пороха и фитиль въ десять сажень, и что онъ жены своей никому не уступитъ, такъ сами небожители распорядились. Скажи ему: «черезъ три дня я самъ буду». На третій день, распросивши красавицу, куда держать направленіе, сѣлъ въ ящикъ и улетѣлъ. Прилетѣлъ къ тестю въ улусъ. Слуга уже передалъ распоряженіе маляра; порохъ и фитиль были приготовлены. Хотя и боялся старикъ, отецъ красавицы, раздражать хана и не вѣрилъ посланному небожителями зятю, что одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать съ цѣлымъ войскомъ, и опять таки опасался оскорбить зятя: какъ бы не обидѣтъ небожителей. Пришли посланные отъ хана съ требованіемъ выдать дочь сейчасъ-же—срокъ кончается; маляръ велѣлъ отвѣтить, что невѣста одѣвается; посланные ушли. Тогда онъ садится въ ящикъ, поднимается къверху, легитъ къ войскамъ хана. Надлетѣвши надъ войскомъ, сталъ онъ то подниматься къверху, то опускаться внизъ—на такое разстояніе, чтобы не могла долетѣть до него стрѣла. Когда опускается внизъ, кричитъ имъ изъ ящика: «я, волею небожителей,—мужъ красавицы и никому её не уступлю, убирайтесь по добру домой». Собрались въ кучу военнопольники, а за ними и все войско, задрали головы къверху, смогрять, что за штука: птица не птица, кричить, какъ человѣкъ, впереди хвостъ, позади хвостъ, внизу хвостъ, голова посрединѣ.

Связалъ маляръ четыре мѣшка (прикрѣпить пятый веревки не хватило), затѣмъ привязалъ фитиль, поджегъ; когда же замѣтилъ, что фитиль догораетъ, спустившись, какъ можно ниже, опустил мѣшки въ самую середину войска. Какъ только мѣшки съ порохомъ упали на землю,

.

Н е к о н ч е н а .

Евг. Яковлевъ.

Ахтуба. Астрах. губ.
1901 г. Августъ.

О Т Д Ъ Л Ъ Ш.

Вопросы и отвѣты.

Перепечатавъ въ настоящемъ выпускѣ (въ Смѣси) изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1902 (Сент. и Окт.) нѣсколько статейъ объ общинномъ землевладѣніи, написанныхъ по поводу совѣщаній разныхъ уѣздныхъ комиссій о нуждахъ сельской промышленности, обращаемъ на нихъ вниманіе многоуважаемыхъ, близко стоящихъ къ народу, читателей и сотрудниковъ Живой Старины. Усердно просимъ ихъ сообщать намъ свои наблюденія объ общинѣ, ея порядкахъ и строѣ, передавать, возможно точно, понятія и мнѣнія крестьянъ о выгодахъ или невыгодахъ общиннаго землевладѣнія и, о томъ, въ чемъ эти выгоды или невыгоды заключаются, желаетъ ли наконецъ большинство крестьянъ извѣстной мѣстности упраздненія общины или ея сохраненія, или желаетъ лишь нѣкоторыхъ перемѣнъ, улучшеній, и въ чемъ онѣ, по ихъ мнѣнію, должны состоять. Общинный строй и укладъ жизни, будучи старою и отличительною особенностью великорусской отрасли русскаго народа, представляетъ очень важное этнографическое явленіе. Посвященная этнографіи Россіи, Живая Старина долгомъ считаетъ просить всѣхъ своихъ сотрудниковъ разныхъ великорусскихъ губерній и уѣздовъ не оставить ее безъ отвѣтовъ, разъясненій и всякаго рода подробностей, почерпнутыхъ изъ личныхъ наблюденій. Онѣ особенно важны въ данный моментъ, когда такое крупное и старое явленіе народной жизни подвергается самымъ противоположнымъ обсужденіямъ и толкамъ, когда вопросъ объ общинномъ землевладѣніи разбирается почти во всѣхъ углахъ великорусской области. Этнографамъ-наблюдателямъ представляется теперь много удобствъ для лучшаго опознанія разныхъ сторонъ и особенностей нашихъ общинныхъ порядковъ, различныхъ ихъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, видоизмѣненій.

Ред.

ОТДѢЛЪ V.

С м ѣ с т о .

Гайно-Слободской волости, Борисовскаго уѣзда, Минской губерніи.

То, что великорусскіе крестьяне зовутъ селомъ, т. е. большую деревню съ церковью, здѣшніе бѣлоруссы именуютъ мѣстечкомъ (мѣстечко). Мѣстечки, попадаются рѣдко: въ большинствѣ же случаевъ дворы стоятъ отдѣльно или составляютъ небольшія деревушки, отъ 5 до 10 дворовъ. Крестьяне, селясь такимъ образомъ, имѣютъ въ виду избѣгать массовыхъ пожаровъ, а съ другой стороны, устранять чрезмѣрныя, неизбежныя при расположеніи большими деревнями. Говорятъ, до нашествія французовъ крестьяне этой мѣстности селились большими деревнями, но послѣ пожаровъ и разгромовъ, произведеннаго французами, стали строиться отдѣльными поселками. Жилыя помѣщенія въ деревушкахъ расположены вдоль улицы; къ улицѣ прилегаютъ домъ, иногда и хозяйственныя постройки, но сплошною стѣной, такъ что двери изъ выходятъ на дворъ; къ послѣднему примыкаютъ другія хозяйственныя строенія, при чемъ гумно съ сушилкой, (осецъ) ставятъ поодаль. При расположеніи отдѣльно—дворъ окружаютъ слѣдующія постройки: домъ, амбаръ (свирь), варивня (помѣщеніе для овощей, отапливаемое зимой), хлѣвы; къ гумну же примыкаютъ сѣнныя и хлѣбныя сараи и токъ съ сушилкой; на гумнѣ строятся «озереда» (переплеть, на которомъ вѣшаютъ снопы, бывшіе подъ дождемъ).

Жилой домъ носитъ названіе «хата», сарай—пуня, амбаръ—свирнь, сушилка—осецъ, конюшня—стайня, хлѣвъ—хлѣу, хлѣвъ для свиней—свинарникъ,—для овецъ—овчарня,—для птицы домашней—катухъ.

Вообще всѣ постройки деревянныя, новыхъ не строятъ никогда. Жилой домъ строится изъ сосноваго дерева, высотой въ 11—12 вѣнцовъ; складываются стѣны изъ круглыхъ бревенъ, съ внутренней стороны обтесанныхъ («высклютованныхъ»); фундаментъ «подмурюка» дѣлается изъ камня—крупнаго булыжника, скрѣпленнаго смѣсью изъ глины и вапны (извести). Длина хаты 8—10 аршинъ, такая же ширина, длина и ширина сѣней 6—7 аршинъ. Въ настоящее время чаще встрѣчается въ домахъ полъ («подлога»), обыкновенно внутренность хаты утрамбовывается размоченной глиной, когорая, засохнувъ, принимаетъ видъ асфальтоваго пола. Однако зимой въ такой хатѣ всегда лежитъ на полу тонкій слой жидкой, скользкой грязи отъ наноснаго на полахъ снѣга, и отъ сырости въ хатѣ постоянно чувствуется парность, отчего деревянныя постройки не долговѣчны,—черезъ двадцать-тридцать лѣтъ приходятъ въ ветхость. Прочія постройки строятся изъ еловаго или осиноваго дерева безъ всякаго фундамента, прямо на землѣ. Внутренность сараевъ выстилается вдоль или поперекъ постройки плотнымъ рядомъ жердей для предохраненія сложеннаго въ нихъ сѣна или сноповъ отъ подмоканія; внутренность тока и сушилки утрамбовывается глиной также, какъ и въ хатѣ, и содержится сухо, отчего она трескается; каждую осень передъ молотбой трещины замазываются.

Высота всѣхъ построекъ одинакова: 10—12 вѣршковъ; длина—24—30 аршинъ; ширина 8—10 аршинъ. Всѣ постройки какъ хату, такъ и хозяйственные строенія покрываютъ тройнымъ способомъ: гонтами, досками и соломой. Лучшею крышею считается гонтовая, а выборъ матеріаловъ для крыши зависитъ отъ благосостоянія хозяина.

Окно въ хатѣ прорубаютъ три, рѣдко четыре; они обыкновенно квадратныя, въ 1½ фута, двустворчатыя, бываютъ больше (до аршина) и меньше (до 1 фута). Два окна находятся съ фронта и одно или два сбоку. Изъ дверей однѣ ведутъ со двора въ сѣни, а другія изъ сѣней въ хату; двери всегда одностворчатныя, вышиною въ 2½ аршина, шириною въ 1½ аршина. Украшеній на дверяхъ, окнахъ, косякахъ, ушакахъ не дѣлаютъ; косяки оконъ снаружи обиваютъ досками (шалѣвка), которыя выбиваютъ жѣломъ. Крыши на всѣхъ безъ исключенія постройкахъ дѣлаются на два ската, крутизною въ 45—50 градусовъ.

Въ бѣлорусской хатѣ, сейчасъ около двери въ противоположной стѣнѣ отъ фронта, помѣщается печь, занимающая ¼ пространства всей хаты; въ противоположномъ отъ печи углу по діагонали повѣшены образа, а подъ ними ставятъ столъ; уголъ этотъ занимаютъ придѣланныя къ стѣнѣ, шириною въ 10 вершковъ, лавы (скамьи); два другіе угла: одинъ около двери занятъ полками для посуды, кадками и пр. домашними принадлежностями, въ другомъ же стоятъ кровати или нары, покрытыя соломой или сѣномъ,—большее изыщество въ убранствѣ постелей рѣдко встрѣчается. Печь обыкновенная, что носитъ названіе русской, дѣлается не изъ кирпича, а глинобитная, т. е. по сдѣланному деревянному остову обмазываютъ и уколачиваютъ сырой глиной и потомъ обжигаютъ или иначе высушиваютъ; трубу выводятъ въ сѣни, которая всегда во время топки наполнена дымомъ; по окончаніи топки дымовое отверстіе въ сѣняхъ затыкается сверткомъ тряпкомъ.

Банъ вовсе нѣтъ; ихъ замѣняютъ сушилки, печи въ которыхъ сложены изъ груды булыжника, ничѣмъ не обмазаннаго, и безъ трубы, такъ что дымъ стелется въ самой сушилкѣ и выходитъ черезъ двери въ токъ.

Для сидѣнія въ хатѣ кромѣ упомянутыхъ лавъ имѣется скамейка (зеделъ), иногда двѣ. Столъ деревянный, не крашеный, на четырехъ ножкахъ и всегда имѣетъ выдвижной ящикъ. Посуда вся глиняная: миски, (рѣдко тарелки), ложки (лыжки) деревянные, не крашенныя. Для варки пищи употребляются обыкновенныя чугунныя, иногда глиняныя, но оплетенныя снаружи проволочной сѣткой горшки, затѣмъ миски, кувшины безъ ручекъ (гладыши) для молока; прочая домашняя посуда вся деревянная: кадки (цебры), ведра, корыта (начоуки).

Хозяйственная утварь крестьянъ отличается чрезвычайной простотой и топорностью отдѣлки и, вмѣстѣ съ тѣмъ носить на себѣ отпечатокъ крайней бѣдности: все самодѣльное. Такъ, предметы для ѣзды, напр., телѣга, по типу совершенно схожа съ великорусской, но значительно меньше размѣрами и не имѣетъ вовсе оковки, даже колеса не окованы шинами, т. е., ободья деревянные,—такъ на нихъ и ѣздятъ: великорусскій крестьянинъ не повѣритъ, что возможна такая ѣзда; прочія части телѣги также не окуты желѣзомъ, а скрѣплены вязами и деревянными гвоздями по заранѣе проверченныимъ дыркамъ. Полозья саней также не подбиты желѣзомъ, почему самыя полозья дѣлаются очень широкія, но не смотря на это въ одну зиму, много въ двѣ, изнашиваются.

Хомуты, шлеи, возжи и пр. наполовину рымарскаго производства, а наполовину самодѣльные,—сплетены изъ пеньки и очень потому не прочны.

Земледѣльческія орудія: сохи, бороны также отличаются первобытностью устройства; плуговъ, желѣзныхъ борогъ вовсе нѣтъ; въ послѣднихъ встрѣчается улучшеніе: въ деревянный остовъ вбиваютъ желѣзные зубья; обыкновенно борону сколачиваютъ изъ ряда суковатыхъ полосъ. Такая борова встрѣчается только въ Вѣлоруссіи.

Имѣіе Буславичи.

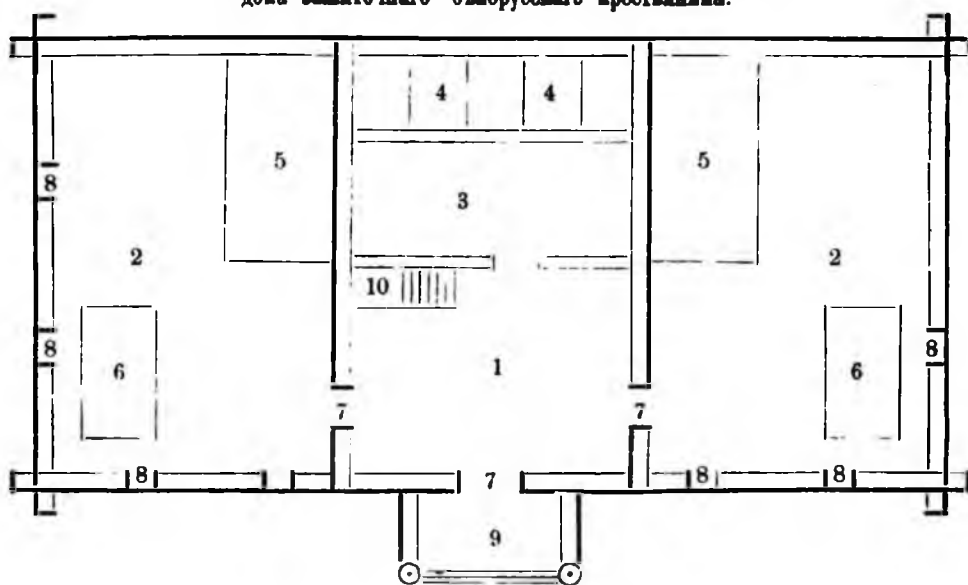
14 авг. 1892 г.

А. К. Васильевъ.

(См. прилож. на слѣд. стран.).

П Л А Н Ъ

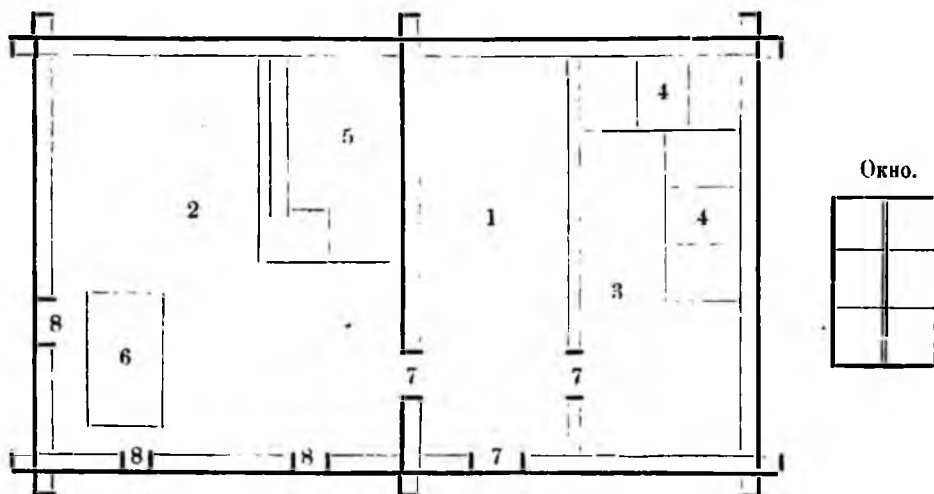
дома зажиточного бѣлорусскаго крестьянина.

1. Сѣни	7. Двери.
2. Хаты.	8. Окна.
3. 4. Спичарня съ закромами (оруды).	9. Крыльцо на столбахъ.
5. Печи.	10. Лѣстница на чердакъ.
6. Столы.	

П Л А Н Ъ

дома бѣлорусскаго крестьянина.

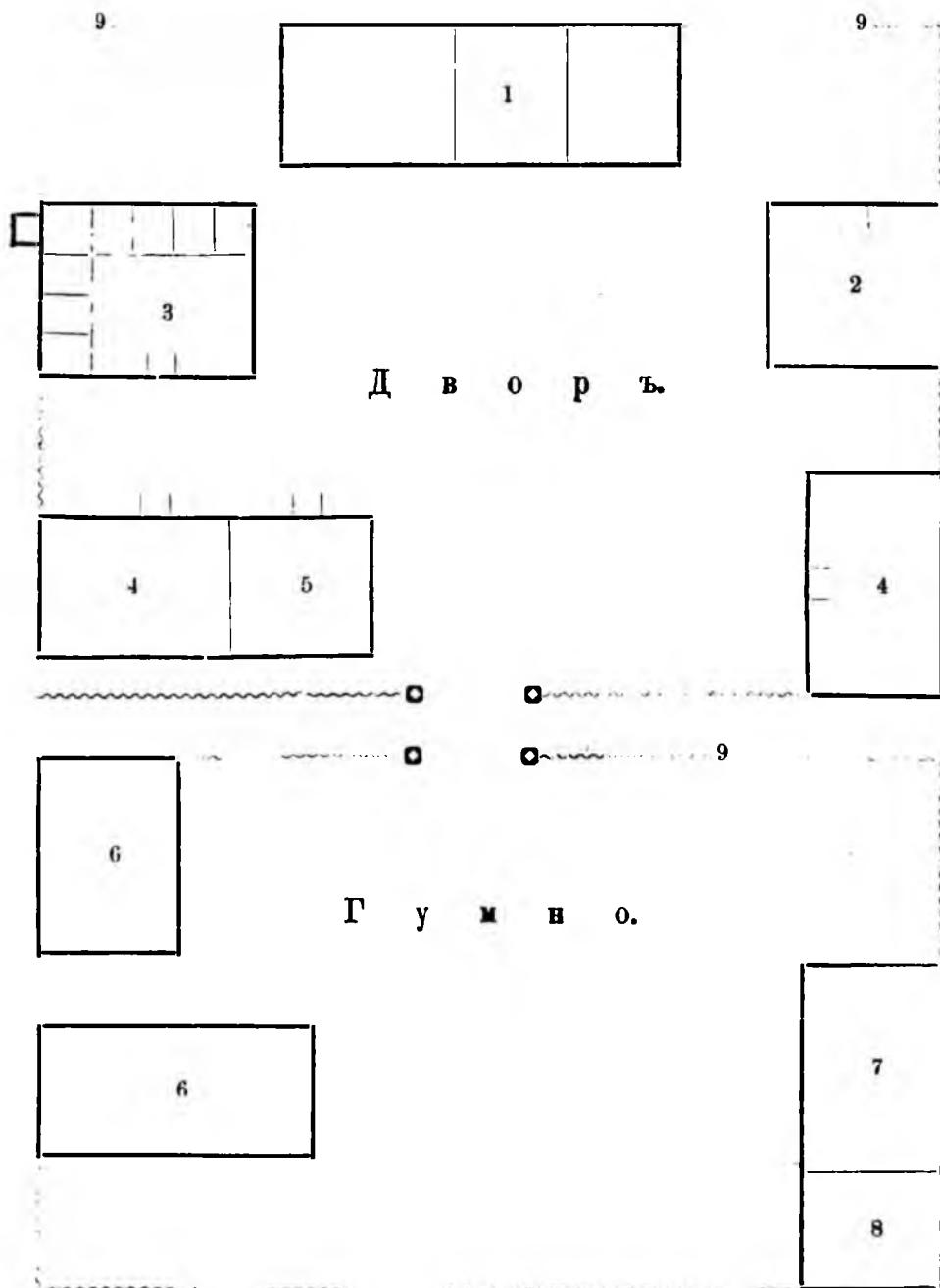

1. Сѣни.	6. Столъ.
2. Хата.	7. Двери.
3. 4. Спичарня съ орудями.	8. Окна.
5. Печь.	

РАСПОЛОЖЕНИЕ

двора и гумна.

1. Домъ.	5. Конюшня (стойня).
2. Варивня.	6. Саран (пуни).
3. Амбаръ (свиригъ).	7, 8. Токъ и сушилка (осецъ).
4. Хлѣвы.	9. Изгородь изъ жердей.

Борьба общины съ черезполосицей и мелкополосицей.

Противники общиннаго землевладѣнія отмѣчаютъ, какъ особенную слабость, соединенную съ нимъ, чрезмѣрную дробность и мелкую полосу, разбросанныхъ въ разнообразныхъ направленіяхъ общинныхъ полей и отстоящихъ одна отъ другой въ значительныхъ разстояніяхъ. Фактъ несомнѣнный. Черезполосица и мелкополосица—слабое мѣсто общины и въ рукахъ его противниковъ значительный аргументъ противъ общиннаго землепользованія. Но это только при первомъ, поверхностномъ, почти близорукомъ взглядѣ на общину и ея порядки.

Достаточно подойти къ вопросу о мелкополосицѣ и черезполосицѣ подъ угломъ зрѣнія не на одну только общинную форму землепользованія, но и на другія формы, какъ слабыя мѣста общины окажутся не столь большими, и съ этой стороны общинное землевладѣніе явится даже предпочтительнѣе и въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ при другияхъ формахъ землепользованія. Сравнительныя данныя по вопросу о мелкополосицѣ и черезполосицѣ при общинномъ и другихъ формахъ землепользованія указываютъ на то, что черезполосица вовсе не есть характерная особенность общины, а присуща нисколько не въ меньшей степени и другимъ формамъ землевладѣнія.

Вотъ что говоритъ по этому вопросу г. Тернеръ («Государство и землевладѣніе» ч. I, 1896, стр. 185—186): «Вредное вліяніе черезполосности и измелчванія участковъ на культуру земли вообще не подлежитъ сомнѣнію, но было бы совершенно ошибочно и неосновательно связывать эти неудобства съ общиннымъ владѣніемъ земель. Черезполосность и измелчваніе земли далеко не составляютъ исключительной принадлежности общиннаго владѣнія. Въ области подворнаго пользованія землей чрезвычайно распространена не только черезполосность, но и дробленіе земли. Самый фактъ равномернаго наслѣдованія вызываетъ постоянныя дѣленія земли, послѣдствіемъ которыхъ является та же черезполосность и то же измелчваніе участковъ, какія встрѣчаются и при общинномъ владѣніи, но только безъ корректива, который имѣется при послѣднемъ. При подворной формѣ землевладѣнія черезполосность со всѣми ея неудобствами выражается въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ при общинномъ владѣніи. Общинники путемъ передѣловъ, путемъ приурочиванія надѣловъ къ одному мѣсту всегда могутъ уменьшить черезполосность. Вотъ почему перѣдко случается, что подворныя общины прибѣгаютъ къ передѣлу земель, какъ къ послѣднему средству выдти изъ затрудненія. Уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія не достиглось бы ни уничтоженія черезполосности, ни прекращенія дробленія земли; напротивъ того, получились бы въ этомъ отношеніи еще гораздо худшіе результаты, т. е. такая запутанность землевладѣнія, которая сдѣлала бы совершенно невозможною сколько-нибудь порядочную обработку земли». Далѣе г. Тернеръ приводитъ рядъ фактовъ и примѣровъ изъ жизни Сѣверо-Западнаго края, Полтавской и Курской губ., гдѣ всюду въ мѣстахъ существованія формъ землепользованія необщиннаго—подворнаго, четвертнаго и т. п. характера,—«страшная черезполосица». «Черезполосица—характерная особенность четвертнаго землевладѣнія. Дробленіе участковъ дошло до предѣловъ возможнаго. Поражающая черезполосность, которая должна со временемъ достигнуть такихъ размѣровъ, что всякое улучшеніе сельскаго хозяйства сдѣлается невозможнымъ»,—такъ говоритъ г. Тернеръ. Статистикъ ярославскаго губ. земства К. Я. Воробьевъ выпустилъ обстоятельную работу—«Община и черезполосица и ярославская полевая «сотня» въ которой разработаны имъ самыя жизненные цифры и факты, касающіеся вреда черезполосицы и тѣхъ мѣропріятій, которыя сама община выдвигаетъ и предпринимаетъ въ борьбѣ съ нежелательнымъ и существеннымъ зломъ. Трудъ г. Воробьева долженъ вызывать въ себѣ особенное вниманіе по многимъ соображеніямъ: 1) цифровыхъ, статистическихъ работъ по вопросу о черезполосицѣ вообще нѣтъ; авторъ даетъ одинъ изъ первыхъ картину существующей дѣйствительности въ цифрахъ; 2) работа указываетъ на возможность полезной борьбы самой общины съ черезполосицей и ея вредомъ, подтверждая мнѣніе г. Тернера, что «общин-

ники всегда могут уменьшить черезполосность», и 3) К. Я. Воробьева нельзя упрекнуть въ сочувствіи общинному землепользованию; тѣмъ большую цѣнность приобрѣтаютъ для болѣе прочнаго обоснованія послѣдней цифры, факты и выводы, которые мы находимъ въ трудѣ автора.

Вообще, въ Ярославской губерніи на среднее хозяйство губерніи приходится по 33 полосы въ трехъ поляхъ или по 11 въ каждомъ. По отдѣльнымъ уѣздамъ эта средняя спускается до 23 и повышается до 39. Въ частности же, по исключительнымъ общинамъ, предѣлы колебанія числа полосъ средняго двора выражаются для шипишчѣ 6-ю и для тахишчѣ 118-ю. Въ Угличскомъ уѣздѣ средній домохозяинъ имѣетъ въ своихъ трехъ поляхъ 36 полосъ, т. е. по 12 въ каждомъ полѣ; но есть общины, гдѣ число полосъ доходитъ до 120 на домохозяиство. Средній дворъ въ Тверскомъ уѣздѣ пользуется 14-ю полосами въ каждомъ изъ трехъ полей, а во всѣхъ поляхъ 42 полосами; въ нѣкоторыхъ общинахъ число полосъ доходитъ до 93.

На душевой надѣлъ въ Ярославской губерніи приходится въ среднемъ пашни около 1,6 дес. Если всякій домохозяинъ имѣетъ въ среднемъ, какъ сказано, 33 полосы, то каждая изъ нихъ будетъ занимать площадь только въ 117 кв. саж. При стосаженой длинѣ такая полоса будетъ имѣть меньше $1\frac{1}{4}$ саж. въ ширину. Но есть полосы. въ среднемъ выводѣ имѣющія $\frac{3}{4}$ саж. ширины, $\frac{1}{2}$ саж. и даже $\frac{1}{3}$ саж. Въ одномъ Угличскомъ уѣздѣ—58 общинъ, въ которыхъ встрѣчаются полосы въ $\frac{1}{2}$ саж. шириною и менѣе.

Излишне, конечно, говорить о всѣхъ неблагопріятныхъ послѣдствіяхъ въ хозяйственномъ отношеніи при столь сильной мелкополосицѣ и черезполосицѣ. Никто не станетъ отрицать ихъ. Не нужно лишь забывать, что эти неудобства—не уѣздъ одного лишь общиннаго землевладѣнія.

Борьба,—какъ мы видѣли изъ мнѣнія г. Тернера, — съ мелкополосицей и черезполосицей, въ меньшемъ распространенныхъ при подворной четвертной и другихъ формахъ землевладѣнія, невозможна при этихъ формахъ, а если возможна, то при осуществленіи уже началъ, положенныхъ въ основу общиннаго землепользованія, т. е. передѣловъ земель.

Между тѣмъ община вырабатываетъ тѣ или нныя мѣропріятія, ведущія къ уменьшенію черезполосицы. Ярославская полевая «сотня» является однимъ изъ такихъ мѣропріятій. Эта «сотня» введена пока въ двухъ земледѣльческихъ уѣздахъ Ярославской губерніи, Мышкинскомъ и Моложскомъ. Сравненіе этихъ уѣздовъ съ другими укажетъ на то, что значительные шаги къ сокращенію, а въ будущемъ, быть можетъ, къ полному уничтоженію черезполосицы и мелкополосицы, при общинной формѣ землепользованія вполне возможны.

Въ указанныхъ двухъ уѣздахъ общинныя пахотныя земли крестьянами дѣлятся не на обычные полосы, а на участки опредѣленной мѣры, называемые здѣсь «сотнями». Такая сотня представляетъ изъ себя земельную площадь въ сто двухсаженныхъ квадратныхъ коловъ и, слѣдовательно, равняется 400 кв. саженямъ ($2^2 \times 100 = 400$) или—одной шестой части казенной десятины. При такомъ дѣленіи всѣ полосы или полевые участки имѣютъ одинаковую, вполне опредѣленную площадь. Мы опустили дальнѣйшія техническія указанія на производство разверстки общинниками пахотныхъ земель и обратимся къ сравнительнымъ цифрамъ. Какъ мы видѣли раньше, по Ярославской губерніи число полосъ въ среднемъ на одного домохозяина составляетъ 33, причѣмъ въ нѣкоторыхъ общинахъ эта цифра поднимается до 118. Въ Мышкинскомъ уже уѣздѣ, гдѣ дѣленіе на «сотни» охватило весь уѣздъ, число полосъ въ среднемъ на одного домохозяина спускается уже до 23, и самое большее число полосъ, встрѣчающееся въ отдѣльныхъ общинахъ, только 80. Ни одинъ изъ другихъ уѣздовъ въ этомъ отношеніи не представляетъ подобія. Еще болѣе рельефную картину даетъ группировка селеній по числу полосъ на хозяйство въ абсолютныхъ и относительныхъ числахъ.

	До 10 полосъ.	11—20 полосъ.	21—30 полосъ.	34—40 полосъ.	41—50 полосъ.	51 и болѣе по- лосъ.
Губернія	40	138	179	134	101	103
	П р о ц е н т ь .					
	5,7	19,9	25,8	19,3	14,5	14,8
Мышкинскій уѣздъ . .	12	29	20	7	4	4
	П р о ц е н т ь .					
	18,3	28,8	30,3	10,6	6,0	6,0

Какъ видно изъ приведенной таблицы, число многополосниковъ-домохозяевъ по губерніи несравненно выше, чѣмъ въ Мышкинскомъ уѣздѣ. Число домохозяевъ въ послѣднемъ, у которыхъ не болѣе 20 полосъ во всѣхъ поляхъ, составляетъ 47,1—проц., а въ губерніи только 25,6 проц.; не болѣе 30 полосъ въ Мышкинскомъ уѣздѣ 77,4 проц., въ губерніи—51,4 проц. Ни одинъ изъ остальныхъ уѣздовъ въ отдѣльности не даетъ такихъ благопріятныхъ цифръ, какъ Мышкинскій.

Вообще, цитируя г. Воробьева, «раздѣлять на сотни ведетъ къ сокращенію числа полосъ и къ соотвѣстственному увеличенію площади средней полосы. Безъ преувеличенія можно сказать, что дѣленіе пашни на сотни вдвое сокращаетъ ея мелкополосицу, причемъ оказывается наиболѣе выгоднымъ для наименѣе обезпеченныхъ землею группъ населенія. Однодушники теперь не боятся, что у нихъ нельзя проѣхать съ бороной по полосѣ, какъ это бываетъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ сотенъ. Сокращеніе мелкополосицы въ такой же степени, т. е. почти вдвое, уменьшаетъ въ крестьянскомъ общинномъ хозяйствѣ потерю удобной земли на межахъ, сѣмянъ при посѣвѣ и удобренія, а также значительно сокращаетъ лишнюю трату времени на переходы и перѣзды съ полосы на полосу. Г. Воробьевъ выясняетъ, что одно сокращеніе потерь на межахъ, при повсемѣстномъ введеніи въ Ярославской губерніи сотни, увеличило бы культурную пахотную площадь въ губерніи на 3½ тыс. дес. и дало бы населенію ежегодный приростъ валового дохода около 60 тыс. рублей. Далѣе, сотня, какъ полоса сравнительно крупная, представляетъ значительныя удобства для болѣе тщательной обработки и посѣва, а это, въ свою очередь, влечетъ за собою сокращеніемъ числа междъ и уменьшеніемъ засоренности посѣвовъ, ведетъ къ улучшенію урожая. Наконецъ, при сотенномъ раздѣлѣ нельзя отрицать сравнительно большаго простора къ введенію улучшеній въ хозяйствѣ отдѣльными домохозяевами: выгородивъ изъ поля даже одну сотню, энергичный домохозяинъ-новаторъ приобретаетъ возможность производить по своему желанію посѣвы вѣдъ обычнаго сѣвооборота,—напримѣръ, завести травосѣяніе. Но, самое главное,—сотня опредѣленностью размѣровъ своей площади вноситъ въ условія крестьянскаго хозяйства весьма важный культурно-прогрессивный элементъ. Чтобы вести съ успѣхомъ сельское хозяйство, хозяину нужно прежде всего знать составъ своего хозяйства, нужно уметь вести правильные хозяйственные расчеты, вообще относиться къ веденію хозяйства вполне сознательно. При обычной чересполосности сознательное отношеніе крестьянъ къ своему хозяйству крайне затруднительно: хозяйственные расчеты у него основаны болѣе на обычаяхъ, чѣмъ на опредѣленномъ знаніи. Не то—при саженомъ дѣленіи полей. Каждый хозяинъ отлично знаетъ, сколько у него земли въ каждомъ полѣ, и всѣ свои хозяйственные расчеты ведетъ примѣнительно къ опредѣленной площади (сотнѣ), согласно выработаннымъ практикой нормамъ. Всякій при этомъ уже знаетъ, сколько нужно навоза положить на сотню, какое количество сѣмянъ нужно взять, чтобы не зачистить и не слишкомъ рѣдко посѣять, во что обойдутся полевые работы, если приходится прибѣгать къ наемному труду. отношеніе къ урожаю привыкшаго крестьянина-домохозяина будетъ отличаться болѣею сознательностью, чѣмъ отношеніе незнакомаго съ сотней или вообще опредѣленной земельной единицей. Результаты своего хозяйства будутъ несравненно яснѣе первому, чѣмъ второму. Матеріала для работы критической мысли у перваго значительно больше, чѣмъ у

второго. Однимъ словомъ, съ введеніемъ определенной земельной единицы въ хозяйствѣ общинника патріархальный «глазомеръ» уступилъ свое мѣсто сознательнымъ расчетамъ.

Этотъ элементъ большой осмысленности, какой вводится сотней въ условія крестьянскаго общиннаго хозяйства, является залогомъ дальнѣйшаго культурнаго преуспѣянія крестьянина-общинника.

Изъ изложеннаго видно, что внутри общины является вполне возможной борьба съ череполосницей и мелкополосницей, и эта борьба приводитъ къ сравнительно благоприятнымъ результатамъ. Крестьяне-общинники не безъ успѣха изыскиваютъ способы и мѣропріятія къ возможному парализованію вреда дробности земельныхъ участковъ и череполосницы.

Было бы желательно и необходимо и здѣсь придти крестьянамъ на помощь, хотя бы дальнѣйшимъ развитіемъ, укрѣпленіемъ и распространеніемъ того типа разверстки общинныхъ земель, какой даетъ «ярославская сотня». Земствамъ другихъ губерній необходимо было бы отправлять въ Ярославскую губернію, именно—Мышкинскій уѣздъ ея, особыхъ специалистовъ, инструкторовъ,—каковыми могли бы явиться, напримеръ, землемеры,—для подробнаго ознакомленія и изученія на мѣстѣ тѣхъ приемовъ, которые принимаются крестьянами при дѣленіи пахотныхъ полей на «сотни». Изучившіе на мѣстѣ способы разверстки инструкторы научатъ крестьянъ разныхъ губерній этимъ способамъ. Изученіе «ярославской сотни» и пропаганда ея, а также и другихъ видовъ и способовъ, могущихъ оказаться полезными въ борьбѣ съ череполосницей, должны составить предметъ дѣятельности экономическихъ и агрономическихъ отдѣленій земскихъ управъ.

Необходимо и правительству,—въ данномъ случаѣ, министерству земледѣлія,—выступить въ этой новой, пока, области съ широкими мѣропріятіями.

N.

(Спб. 1902. Сент.).

Письмо изъ Торжка.

Намъ пишутъ изъ Торжка: 9 сентября въ Торжкѣ состоялось засѣданіе комиссіи новоторжскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности при участіи крестьянъ, въ количествѣ 20, приглашенныхъ предсѣдателемъ комиссіи для сообщенія ей своихъ мнѣній по вопросамъ крестьянскаго общиннаго землевладѣнія и землепользованія и крестьянскаго общественнаго управленія.

Высказывались крестьяне преимущественно о разныхъ «наболѣвшихъ» вопросахъ современной общественной и вообще крестьянской жизни.

Одинъ изъ крестьянъ замѣтилъ, что неудобно отдѣлять вопросъ общиннаго крестьянскаго землепользованія отъ вопроса о правовомъ положеніи личности крестьянина въ крестьянскомъ обществѣ, такъ какъ объ эти стороны зависимости личности крестьянина отъ земельной общины и отъ сельскаго и волостного обществъ такъ тѣсно связаны между собою въ жизни, что нельзя высказываться объ одной изъ этихъ сторонъ, не затрогивая другой. Въ дѣйствительности и оказалось, что, говоря отдѣльно о земельной общинѣ и о сельскомъ обществѣ, многимъ приходилось повторяться.

Предсѣдатель предложилъ крестьянамъ высказаться: находятъ-ли они общинное землевладѣніе и землепользованіе необходимымъ и желательнымъ?

Большинство крестьянъ по этому вопросу высказалось, что уничтоженіе крестьянской общины и общиннаго землепользованія и землевладѣнія было бы возможно только при условіи обезпеченія каждому крестьянину въ настоящемъ и будущемъ такого количества земли, которое бы гарантировало существованіе его и его семейства не только при обычныхъ условіяхъ, но и въ случаѣ несчастія, инвалидности и смерти. А такъ какъ это невозможно, и малоземелье крестьянъ, въ виду прироста населенія, все увеличивается, то только община не даетъ большинству крестьянъ обратиться въ безземельныхъ батраковъ. А потому уничтожить крестьянское общинное землевладѣніе было бы «противно совѣсти», какъ выразился одинъ маститый старикъ, волостной старшина.

При этомъ сторонники сохраненія общиннаго землевладѣнія въ землепользованіи сами указывали на темныя ихъ стороны—дробленіе земли на мелкія полосы, чрезполосность, препятствующія введенію травосѣянія и другимъ земледѣльческимъ улучшеніямъ, трудность согласить большинство общинниковъ на какую-нибудь меліоративную мѣру и невозможность сдѣлать это одному на своихъ полосахъ, препятствія, встречаемыя общинами со стороны закона или земскихъ начальниковъ, при осуществленіи мѣръ, признанныхъ міромъ полезными, неразрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ, хозяйственной группировки нѣсколькихъ членовъ общины въ одну хозяйственную единицу, община натурой или путемъ купли-продажи общинной земли для обоюдной хозяйственной выгоды и т. п. Но всѣ эти недостатки,—по мнѣнію защитниковъ общины,—зависятъ не отъ общиннаго землевладѣнія, а отъ несамостоятельности общинъ въ распоряженіи своими имуществомъ и въ управленіи мирскими дѣлами, а также въ недостаточности сельско-хозяйственныхъ знаній и общаго образованія крестьянъ.

Высказывались, однако, и другія мнѣнія. «Дайте намъ возможность книжки читать; да обрубите тѣ дѣя веревки, которыя привязываютъ личность крестьянина къ земельной общинѣ и къ сельскому обществу, какъ была обрублена 19 февраля 1861 года третья веревка, принижавшая крестьянина къ помѣщику,—и вы увидите, чѣмъ станутъ крестьяне черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ»,—сказалъ одинъ молодой крестьянинъ, ярый противникъ общиннаго землевладѣнія и власти надъ крестьяниномъ того сельского общества, къ которому онъ принадлежитъ.

Кромѣ поминутаго здѣсь яраго противника общины, въ засѣданіи 9 сентября былъ еще и другой, тоже молодой, который болѣе спокойно и болѣе систематично, но также рѣшительно высказывался противъ общины, и вотъ на продолжительной и упорной полемикѣ между этими противниками и остальными сторонниками общины и сосредоточился весь интересъ засѣданія 9 сентября.

Противниками общины выставлены были противъ нея слѣдующія обвиненія:

1) Общинное землевладѣніе и связанная съ нимъ зависимость общинника отъ сельского общества обезцѣнили общинную землю крестьянъ. Соглашаясь платить за соотвѣтствующую, по качеству, сосѣднюю помѣщичью землю высокую арендную плату, крестьяне отрешиваются отъ пользованія свободной общинной землей за отбываніе приходящихся на эту землю повинностей, и земля остается пустыремъ. 2) Очень мелкое дробленіе участковъ, въ связи съ чрезполосицею, отнимаетъ у крестьянъ много земли, годной для обработки и, въ связи съ опасеніемъ частныхъ передѣловъ, препятствуетъ улучшенію этой обработки и вообще поднятію сельско-хозяйственной культуры. 3) Невозможность распорядиться собственнымъ надѣломъ по своему усмотрѣнію, затрудненія, встречаемыя общинниками при желаніи получить или обмѣнять паспортъ, взысканія и съ отсутствующихъ общинниковъ, ничѣмъ не пользующихся отъ міра, разнородныхъ платежей—все это связываетъ общинника-крестьянина по рукамъ и ногамъ и препятствуетъ всякой инициативѣ. 4) Прикрѣпленность общинниковъ къ мѣсту ихъ приписки и затруднительность отысканія посторонняго заработка понижаетъ заработную плату внутри общины до того, что обдѣлывшіе и понавшіе въ кабалу къ богатымъ общинникамъ крестьяне работаютъ на богачей за плату иногда въ пять разъ меньшую, чѣмъ можно было бы получить у сосѣднаго помѣщика.

Признавая невозможность какого бы то ни было улучшенія при современномъ строѣ крестьянскаго землепользованія, противники общины высказались, однако, что не могутъ считать улучшеніемъ дѣла переходъ отъ общиннаго землепользованія къ подворному, въ той формѣ, въ какой послѣднее существуетъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, такъ какъ это подворное землепользованіе, по ихъ мнѣнію,—та же замаскированная община, съ тою же чрезполосицею и съ тѣми же препятствіями къ улучшенію крестьянскаго хозяйства и, вообще, крестьянскаго быта. Въ заключеніе, оба противника общины высказали взглядъ, что единственнымъ выходомъ изъ современнаго тягостнаго положенія крестьянъ можетъ быть только уничтоженіе общины и распространеніе на нихъ общихъ для всѣхъ гражданскихъ законовъ.

Сторонники общины приводили противъ этихъ обвиненій слѣдующія возраженія:

1) Пустыри и неиспользованная земля не являются непремѣннымъ слѣдствіемъ

общиннаго землепользованія, такъ какъ если они и существуютъ въ нѣкоторыхъ общинахъ, то въ цѣлой массѣ другихъ на каждый, почему-либо освобождающийся клочекъ общинной земли является нѣсколько лицъ, готовыхъ взять ее въ свое пользованіе съ доплатой за нее обществу нѣвѣстной суммы, въ добавокъ къ пополненію всѣхъ, лежащихъ на этой землѣ повинностей. Часто же земли остается пустыремъ потому, что она совершенно неудобна для обработки. 2) Для возможнаго устраненія вреда отъ очень мелкаго дробленія земли и чрезполосности нѣкоторыхъ общинъ, при разверстаніи земли между общинниками, пользуются способомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «складуха» и состоящимъ въ томъ, что каждому общиннику отводятся двѣ полосы, находящіяся между собою по качеству и другимъ условіямъ въ обратной пропорціи. Напримѣръ, при одинаковомъ качествѣ земли, получающему ближайшую полосу отводится и самая дальняя, слѣдующему общиннику даются двѣ вторыя по близости и отдаленности полосы и т. д. Затрудненія же, встрѣчаемыя при примѣненіи меньшинствомъ или одиначными хозяевами новыхъ приемовъ для улучшенія хозяйства, исчезнутъ съ подъемомъ образованія крестьянъ. Впрочемъ, сторонники общины не отрицаютъ, что къ полнѣйшей землѣ полезно было бы примѣнить участковое владѣніе, оставивъ въ общинномъ выгонѣ, лѣса и дуга, съ обязательнымъ введеніемъ хотя бы четырехпольнаго хозяйства. Это дадо бы возможность желающимъ вводить у себя травосѣяніе и вслѣдствіе улучшенія, безъ опасенія частыхъ передѣловъ. 3) Предоставленіе каждому крестьянину права продавать свой надѣлъ обезземелить массу крестьянъ. Что же касается стѣсненій при выдачѣ паспортовъ, то, дѣйствительно, нельзя признать нормальнымъ явленіемъ требованіе обществомъ за паспортъ денегъ на угощеніе водкой, требованіе же отъ уходящаго на заработки общинника передачи кому-нибудь изъ общинниковъ находящейся въ его пользованіи земли и уплаты числящейся на немъ недоимки необходимо для обезпеченія исправности общины въ уплатѣ всѣхъ слѣдующихъ съ нея сборовъ и въ выполненіи всѣхъ общественныхъ ея обязанностей, какъ то: общественное призрѣніе, плата за лѣченіе общинниковъ въ больницахъ и т. п. 4) Слѣдствіемъ обезземеленія массы крестьянъ, при уничтоженіи общиннаго землевладѣнія, будетъ еще большее пониженіе заработной платы.

Въ итогѣ выходитъ, что надо не уничтожать крестьянскую общину, а предоставить ей больше самостоятельности, облегчивъ въ тоже время народу возможность получать солидное общее и селѣско-хозяйственное образованіе.

«Но что составляетъ самое большое мѣсто современныхъ условій крестьянской жизни,—сказалъ въ концѣ засѣданія членъ комиссіи, мѣстный земскій гласный, крестьянинъ Ив. Ег. Евстратовъ,—это—тѣлесное наказаніе. Самое ужасное то, что позоръ наказанія падаетъ на всю семью наказаннаго. Дѣвицѣ, дочери наказаннаго, нельзя глазъ показывать на улицѣ изъ-за укоровъ и насмѣшекъ надъ нею, ни въ чемъ пенициномъ и только имѣвшему вѣсчаствіе быть дочерью высѣченнаго отца. А каково присутствовать при совершеніи этой ужасной операціи»!

(Спб. Вѣд. 1902).

Письмо изъ Коврова.

«Въ засѣданіи ковровскаго уѣднаго комитета о нуждахъ селѣско-хозяйственной промышленности, въ ряду другихъ членовъ комитета, высказался по стоящимъ на очереди вопросамъ и крестьянинъ с. Кляземскаго Городка Ф. И. Носковъ. По его убѣжденію, въ основу мѣропріятій къ поднятію селѣскаго хозяйства должны быть поставлены не мѣры къ поднятію умственнаго и культурнаго развитія крестьянъ, а «реформы крестьянскаго положенія». Надо просить правительство, чтобы оно сдѣлало нѣкоторыя измѣненія въ положеніи крестьянъ, а если ихъ сдѣлаво не будетъ, то никакія школы и бібліотеки, никакія другія мѣры не будутъ въ силахъ поднять селѣское крестьянское хозяйство: оно пало за послѣднія 10 лѣтъ вдвое и падетъ еще вдвое. Онъ видитъ причину упадка селѣскаго хозяйства въ томъ «давятельномъ» положеніи, въ которомъ находится, по его мнѣнію, крестьянство. «Кого порать

розгой?—говорилъ онъ,—крестьянина. Кого сажаютъ подъ арестъ?—крестьянина. Мѣщанинъ, купецъ, дворянинъ—всѣ имѣютъ свои права, только не имѣютъ ихъ крестьянинъ. Я, вотъ,—крестьянинъ: меня пригласили на засѣданіе, и я говорю; а если кому-нибудь мои слова не понравятся—завтра же меня посадятъ подъ арестъ, и некому мнѣ жаловаться. Если выйду въ крестьянское положеніе, посмотрѣть на житье крестьянина особенно въ зимнее время: черная изба, холодъ, голодъ—то это такое горе, котораго нельзя словами описать. Крестьянское положеніе поставлено у насъ самымъ низшимъ. Поэтому богатый уходитъ изъ крестьянства, остаются только бѣдные». Неустрашимымъ результатомъ этого является паденіе сельскаго хозяйства. Необходимо поднять крестьянское положеніе, «сдѣлать его высшимъ», тогда только и поднимется крестьянское хозяйство. Приводимъ еще выписку изъ докладной записки, представленной тѣмъ же крестьяниномъ Ф. И. Носковымъ.

«Въ продолженіе послѣднихъ 11-ти лѣтъ,—пишетъ онъ,—крестьянское населеніе несравненно обѣднѣло, стало бѣдныхъ много больше; по такой бѣдности земля обрабатывается сама по себѣ хуже прежняго, такъ какъ скота осталось много меньше, убавлять землю нечѣмъ,—поэтому другіе промыслы оказались безъ земледѣлія безсильны, самое главное у крестьянъ есть земледѣліе.

«Благосостояніе крестьянъ безъ земледѣлія другими промыслами поднять трудно. Могу сказать утвердительно, вообще крестьяне за послѣдніе 10 лѣтъ окончательно обѣднѣли; эта бѣдность на нашихъ глазахъ доказывается слѣдующими фактами: если село или деревня до послѣднихъ 10 лѣтъ, т. е. до 1890 и 1891 годовъ имѣла 50 лошадей, 100 коровъ и 150 овецъ, а по прошествіи этихъ послѣднихъ 10 лѣтъ въ настоящее время имѣетъ не болѣе 25 лошадей, 60 коровъ и 80 овецъ, и то съ трудомъ, это можно встрѣтить повсюду въ разныхъ уѣздахъ.

«Есть громадная перемена—бѣдность, которая послѣдовала отъ стѣсненія, о чемъ мною будетъ подробно сказано ниже.

«Бѣдности и упадку благосостоянія земледѣльца за послѣдніе 10 лѣтъ или 12 лѣтъ есть главная причина: стѣсненіе и неравенство крестьянина съ другими гражданами. Уничтожить бѣдность и поднять ихъ благосостояніе и земледѣліе—нужно просить и ходатайствовать передъ правительствомъ, не найдетъ ли оно возможнымъ дать свободу и равенство управленія крестьянину съ другими сословіями, т. е. купцомъ, мѣщаниномъ и проч. и освободить ихъ отъ нерѣшенныхъ судовъ арестовъ и проч.

«Поставить земледѣліе и самого земледѣльца на планъ виднаго мѣста и представить ему право пользованія привилегіями за выдающіяся услуги ихъ дѣлу по земледѣлію.

«Если только правительство найдетъ со своей стороны это возможнымъ—устроить бытъ крестьянскаго населенія наравнѣ съ другими сословіями,—тогда черезъ 5 или 6 лѣтъ у крестьянъ явятся: умъ, способность, деньги, скотъ, машины и земледѣльческія орудія; однимъ словомъ, все, что нужно для земледѣлія, расчистки земли и проч. Могутъ основаться сельскіе и волостные банки, товарищества, компаніи и проч.

«Въ то время состоятельный крестьянинъ не будетъ стремиться отъѣздомъ на чужую сторону по паспорту или переходомъ въ другое сословіе, а будетъ дорожить родной. А если не будетъ благоугодно правительству уравнивать крестьянина съ другими сословіями и оставить крестьянское населеніе въ текущемъ настоящемъ положеніи его правленія, тогда не могутъ никакія другія условія и старанія правительства уничтожить бѣдность и поднять благосостояніе крестьянина и его земледѣліе, потому что крестьянинъ при настоящихъ обстоятельствахъ его положенія не старается разводиться земледѣліемъ, скотоводствомъ и проч., а стремится выѣхать по паспорту на чужую сторону или же перечислиться совсѣмъ въ другое сословіе, чтобы этакъ избавиться отъ нерѣшенныхъ судовъ непріятностей.

«И всѣ нижеслѣдующіе вопросы касаются уничтоженія бѣдности и поднятія благосостоянія крестьянина и его земледѣлія, и выраженные въ нихъ предметы эти, какъ не будутъ сдѣланы, ни одинъ изъ нихъ не можетъ стѣснить къ упадку крестьянина, а равно же не могутъ и поднять его благосостояніе, о чемъ мною сказано подробно выше».

Этнографическая замѣтка.

Во многихъ селахъ и деревняхъ Шуйскаго уѣзда исполняются при свадебныхъ обрядахъ слѣдующіе довольно странные въ настоящее время обычаи. По пріѣздѣ молодыхъ изъ церкви послѣ бракосочетанія въ домъ жениха, священнику, послѣ совершенія молитвы, подаютъ головной уборъ невесты для окропленія его святой водою. Уборъ этотъ состоитъ изъ платка или кички, смотря потому, въ какомъ мѣстѣ что носятъ молодыя женщины. Окропленный святой водою уборъ молодая должна непремѣнно надѣть на другой день брака, какъ первый женскій, и уже не дѣвичій нарядъ, для чего онъ, какъ новина, и окропляется св. водою.

Послѣ бракосочетанія начиная съ третьяго дня, теща, т. е. мать молодой, посылаетъ каждое утро или относитъ сама въ домъ зятя завтракъ, который состоитъ первоначально изъ гречневыхъ блиновъ, а далѣе изъ пирожковъ (переженцовъ), оладей и т. п.

Кормежъ завтракомъ продолжается у зажиточныхъ и богатыхъ крестьянъ со дня брака цѣлый годъ, а у бѣдныхъ половину года или нѣсколько мѣсяцевъ, смотря потому какъ позволяютъ обстоятельства и средства. Въ день брачной годовщины теща приходитъ съ завтракомъ сама и благодарить зятя за «неоставленіе» своей дочери. Обычай этотъ соблюдается только тогда, когда брачная чета проживала прежде въ одномъ селеніи; если же берутъ невесту изъ другой деревни, то за ея отдаленностью такого обычая не исполняютъ.

Петръ Гундобинъ.

Г. Шуй.
Февраля 1862 г.

ЖИВАЯ СТАРИНА

периодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географическаго Общества, подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго, будетъ выходить въ 1903 г., по примѣру прежнихъ 12 лѣтъ, четырьмя выпусками въ годъ, — обыкновенно 3 и 4 выпуски въ одной книжкѣ (отъ 17 до 20 листовъ).

Подписка принимается въ квартирѣ И. Р. Географическаго Общества (у Чернышева моста, гдѣ 6-я гимназія). Годовая цѣна — въ Петербургѣ — 5 р., въ Имперіи — 5 р. 50 к., за-границею — 6 р. Книгопродавцамъ дѣлается скидка въ 40 к. съ экземпляра.

Въ Географическомъ Обществѣ книжки «Живой Старины» съ 1890—1897 гг. можно получать въ С.-Петербургѣ за 3 р., въ Имперіи за 3½ р. и за границу 4 р., за 1898 по 1901 включительно — по 4 р., 4½ р. и по 5 р.

Оглавленіе всѣхъ выпусковъ «Живой Старины» за истекшія двѣнадцать лѣтъ можно получить въ Обществѣ за 5 к.